

63.3(2-2С178)
1190

ИСТОРИЯ СЕСТРОРЕЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

ТОМ I

**ОТ ИСТОКОВ
ДО КОНЦА
XVIII ВЕКА**

*Сестрорецк
2006*

123030/12

ИСТОРИЯ СЕСТРОРЕЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

ТОМ I
ОТ ИСТОКОВ
ДО КОНЦА
XVIII ВЕКА

АБОНЕМЕНТ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

123030/42

ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОСТРОВ

2006

ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА СЕСТРОРЕЦКА

Редакционная коллегия:

Л.И.Амирханов, Р.Н.Гараева, О.Г.Растворова

УДК 94 (47)

ББК 63,3 (2-2 Санкт-Петербург)

И90

И90 «История Сестрорецка и его окрестностей». Том I. /СПб.:

Издательство «ОСТРОВ», 2006. — 184 с.

ISBN 5-94500-047-7

Первая книга четырехтомника «История Сестрорецка и его окрестностей» охватывает период от доисторических времен до конца XVIII века и посвящена формированию природы и общества на юго-западе Карельского перешейка и сопредельных земель. Изложена многовековая история войны и мира в русско-шведском приграничье, освоение Россией северного побережья Финского залива во времена Петра I, повествуется о главных исторических ценностях Сестрорецка — резиденции Петра в Дальних дубках, Сестрорецком оружейном заводе, искусственном озере Разлив с его гидротехническими сооружениями.

Материалы для книги подготовлены при непосредственном участии краеведческого центра библиотеки им. М.М.Зощенко Центральной библиотечной системы Курортного района и Муниципального Совета города Сестрорецка.

Для широкого круга читателей.

184 с. с илл.

(схемы, планы, карты, фотографии)

УДК 94 (47)

ББК 63,3 (2-2 Санкт-Петербург)

© Издательство «ОСТРОВ», 2006

© Авторский коллектив:

Амирханов Л.И., Гараева Р.Н., Дорогин В.А.,

Иванова Н.Л., Подойников С.И.,

Растворова О.Г., 2006

© Краеведческий центр Центральной библиотеки им. М.М. Зощенко ЦБС Курортного района, 2006

© Оригинал-макет — *Калашников Б.О., 2006*

ISBN 5-94500-047-7

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках первый том «Истории Сестрорецка и его окрестностей» — издания уникального и долгожданного. Уникального потому, что в течение не то что последних десятилетий, а целого прошлого века никем не была написана История города, сыгравшего огромную роль в развитии военной истории Российского Государства, ставшего одним из рубежей Северной войны три века назад, города, который рос и развивался одновременно с Санкт-Петербургом Петра Великого, города, внесшего неопценимый вклад в оружейное дело России практически с самого начала XVIII века.

Огромен пласт небольших работ (научных, краеведческих и журналистских), посвященных Сестрорецку и его славным людям. Пришло время эти изыскания систематизировать и выпустить не издававшуюся никогда Историю Сестрорецка. Та огромная работа, которая проведена в последние годы нашими краеведами, научными работниками и журналистами, не прошла даром — она дала возможность начать осуществление проекта, который рассчитан на четыре года. Планируется издать четыре тома Истории.

Это большое и долгожданное дело. Муниципальный Совет города Сестрорецка, являющийся инициатором проекта, понимает всю значимость задуманного, всю его важность для тысяч жителей нашего родного города и поселков. Поэтому, выпуская Историю, мы закладываем самый основательный фундамент в летопись нашего замечательного и неповторимого края.

Первый том посвящен истории края с самых древних времен, созданию прекрасного достояния нашего города — парка «Дубки» в начале XVIII века и строительству Сестрорецкого Оружейного завода, а также жителям военного поселения тех времен.

В добрый путь!

*Глава муниципального образования город Сестрорецк —
Председатель Муниципального Совета
А.В.ВИШНЕВСКИЙ*

**Инициаторами издания четырехтомной
«Истории Сестрорецка и его окрестностей»**

являются депутаты Муниципального Совета Сестрорецка третьего созыва —

Глава муниципального образования город Сестрорецк —

Председатель Муниципального Совета А.В.Вишнеvский,

депутаты В.Н.Анисимов, А.А.Ваймер, М.М.Деревянко, Ю.М.Докиш,

В.В.Матвеев, Н.М.Начкепия, В.А.Пахрамова, В.К.Скорняков, Т.С.Федюнина,

а также Местная Администрация муниципального образования —

Глава Местной Администрации А.В.Каюков,

советник главы МО В.М.Михайлов,

начальник отдела Д.Г.Воднев.

Введение

*Большой водою с двух сторон
Легко и ясно отражен,
Стоит Петром рожденный град —
Большому Граду малый брат.*

О. Растворова

Сестрорецк — центр одного из пригородных районов Санкт-Петербурга — Курортного. Название района уже говорит само за себя — наш город приморский и зеленый, даже «лесной». От центра Петербурга до Сестрорецка 28 километров по Приморскому шоссе или 34 км по железной дороге. Город относительно небольшой с населением менее 40 тысяч человек, но он известен далеко за пределами своего региона и даже России.

Он получил свое имя от реки Сестры, издревле служившей границей между Русью и Швецией. Приграничье веками было ареной мелких стычек и больших войн, принесших и горе, и славу нашим предкам, которые сумели закрепиться на этих берегах и вместе с Петром I прорубить окно в Европу. Здесь, на этом «европейском сквозняке», и вырос меньший и младший (на 11 лет!) брат великого Петербурга, возникший, как и он, по воле Петра. Сестрорецк славен уже одним именем своего создателя, но истинную славу свою он завоевал и заработал делом.

Уже почти три века звенит, стреляет и работает в мирной жизни умное железо, обработанное руками сестроречан.

Больше века поит Сестрорецк своей лечебной водой, нежит в своих целебных грязях и ваннах, умелыми руками врачует страждущих людей из всей России и из других земель. Больше века петербуржцы каждую весну устремляются к пескам сестрорецких дюн и пляжей, к крутым барашкам мелководного Балтийского прибоя, к ненадежному, но такому желанному солнечному теплу.

Сотни лет высятся над морским прибоем могучие дубы, когда-то замеченные и обласканные Петром, пожелавшим жить среди них и построившим здесь свой дворец, напоминавший милую его сердцу Голландию.

Десятилетиями молчат солдатские могилы под сенью бетонной тумбы ДОТа.

Почти три века плещутся здесь волны рукотворного озера, созданного «над прочною преградой, чтобы петровские дела вершились здесь, как надо». Многие десятилетия именно это озеро считалось во всей округе главной реликвией, поклониться которой приезжали люди со всех континентов, потому что озеро прятало на своих берегах гонимого человека. И много лет именно эта слава ленинского убежища застила, перевешивала славу всего другого, что было и есть прекрасного в Сестрорецке и рядом с ним.

Может быть, именно оттого про это *другое* еще почти нет достойных книг и песен.

Настало время их создавать. Правда, у нас теперь появились памятники в бронзе — Писателю-мученику, гениальному Спортсмену, знаменитому Оружейнику. И самому Основателю города. Это зримая слава нашего прошлого. Однако памятники дают знание образное, но «дискретное»: вот Зоценко, Бобров, Мосин, вот сам Петр. Но нужна некая ткань, которая связывает и наполняет пустоты между этими вершинами, мобилизует сознание. Нужно рациональное, систематичное *книжное* знание.

Значит, настало время собирать по крупицам память обо всём и обо всех, разыскивать по архивам — заводским, церковным, семейным, учрежденческим, милицейским. Разговаривать с людьми, лично прикоснувшимися к Истории, обожженными ее дыханием. Это надо делать быстрее — они уходят.

Настало время превращать всё найденное в достояние других, особенно молодых. Писать обо всем старательно и честно.

Кажется, до этого наконец-то начинают доходить руки. Руководство нашего города помогает в этом деле энтузиастам-краеведам, и это дает надежду на успех.

Решено создать историю Сестрорецка в нескольких томах, сколько их будет, — покажет время.

Перед читателем *первый том* — от древних времен до конца XVIII века.

Основное содержание книги — события XVIII века, наиболее важные для нашего города: строительство Сестрорецкого оружейного завода, создание петровской резиденции «Дубки». Начало этих событий происходило на фоне Северной войны, во время которой боевые действия шли и на территории Карельского перешейка, в непосредственной близости от Сестрорецка. Но очевидно, что начинать рассказ о Сестрорецке непосредственно с Петровских указов было бы неправильно. Поэтому в начале помещен небольшой, но необходимый экскурс в геологическое прошлое нашего края, затем следует рассказ о природе и населении Карельского перешейка и о тех событиях второго тысячелетия после Рождества Христова, которые предшествовали борьбе нашей страны за выход в Балтийское море и рождению Санкт-Петербурга.

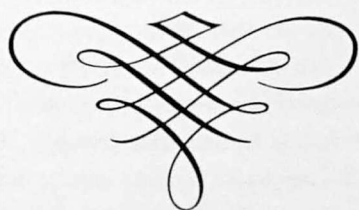

Петр I — победитель.
Гравюра Вагнера 1730-х гг. с оригинала Амикони.

Предлагая книгу вниманию читателей, авторы понимают, что их работа — первый, и во многом несовершенный опыт обобщения разнородного материала, что точки над «і» ставить еще рано. Существует еще немало документов, которые не введены в научный оборот.

Авторы выражают свою благодарность коллективу Центральной библиотеки им. М. М. Зощенко ЦБС Курортного района, а также депутатам и Администрации муниципального образования города Сестрорецка за неоценимую помощь в подготовке и издании этой книги.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
И ЛАНДШАФТЫ
КАРЕЛЬСКОГО
ПЕРЕШЕЙКА

Местоположение

На картах, изображающих Санкт-Петербург с его окрестностями, можно видеть подобие двух вытянутых рук, как бы обнимающих голубой контур Невской губы Финского залива. С юга, по Ингерманландской стороне залива, протянулась левая рука — Петродворцовый район Петербурга, с севера, по Карельской стороне, — более длинная правая. Это наш Курортный район, административным центром которого является Сестрорецк.

Район расположен в пределах Карельского перешейка — полосы суши, разделяющей Финский залив и Ладожское озеро. С запада и востока перешеек ограничен этими водоемами, с юга Невой. Чтобы оказаться на Карельском перешейке, достаточно переехать через Неву по Литейному мосту со стороны Кутузовской набережной¹. За северную границу Карельского перешейка после второй мировой войны условно принята государственная граница России с Финляндией.

Топонимы Карельская сторона, Ижорская (Ингерманландская) сторона связаны с названиями народностей, издавна заселивших земли на северном (корела, карелы) и южном берегу Финского залива (ижора, ижорцы) и соответственно на правом и левом берегу Невы. Эти топонимы с давних времен использовались в России для обозначения левобережных и правобережных территорий. Они фигурируют на многих картах XVIII века, представленных в Картографическом отделе Российской национальной библиотеки². Однако некоторые отечественные, зарубежные и другие исследователи³, считают Карелию частью Ингерманландии.

Южной границей Карельского перешейка тоже не всегда считается Нева. При районировании территории, особенно в прикладных целях (например, сельскохозяйственных), этой границей нередко считают северную границу Приневской низины или даже линию Белоостров-Токсово. Отличающаяся по природным условиям от осталь-

¹ Г.А.Носков. «Заповедная природа Карельского перешейка», 2004, с. 7

² «Чертеж земли Ижёрской» А. Шхонебека, 1705; Финский залив от Кронштадта до Петербурга..., 1732; Ладожское озеро и Финский залив с прилегающими местами, 1741-1742; Карта Ингерманландии и Карелии, ок. 1742 и др. Так же помечены Карелия и Ингрия на шведской карте 1688 года, которую приводит в своей книге Е.А.Балашов, 1996, с. 1

³ Г.А.Исаченко, У.Эренсверд

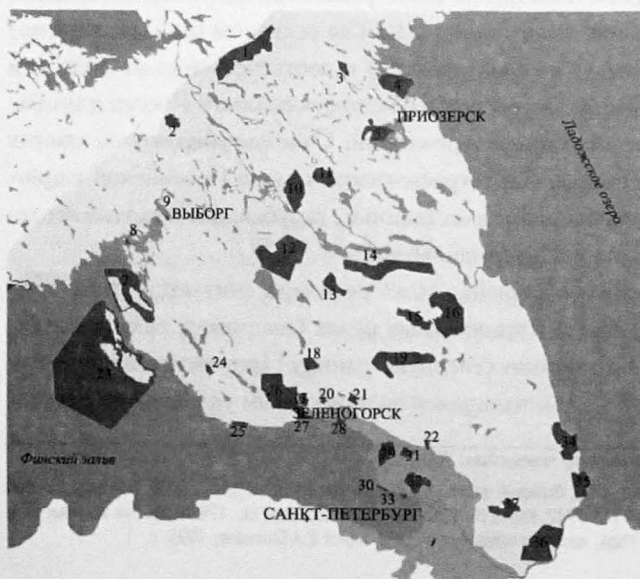
ной части перешейка Приневская низина может рассматриваться как самостоятельный природно-хозяйственный район.

Курортный административный район Санкт-Петербурга вместе с прилегающей к нему с востока «не городской» частью Приморского района уместился в пределах Приневской низины и узкой полосы вдоль берега залива. Эта территория занимает не более 5% площади Карельского перешейка и не охватывает всего многообразия его природных ландшафтов. Тем не менее, как видно на схеме размещения особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Карельского перешейка — заказников и памятников природы — в пределах этих «полутора» районов Санкт-Петербурга находится семь таких территорий ООПТ, представляющих участки сохранившихся ландшафтов, типичных для подзоны южной тайги или представляющих необычные «модификации» ландшафта, связанные со спецификой рельефа, геологии, особыми факторами сохранности флоры и фауны. Еще пять ООПТ расположены вблизи границ Курортного района в пределах Выборгского и Всеволожского районов Ленинградской области.

Геологическая история

История формирования ландшафтов в нашем районе тесно связана с естественной историей всего Карельского перешейка в целом и поэтому не может рассматриваться изолированно. Территория Карельского перешейка лежит на прочном «каменном»

Особо охраняемые природные территории Карельского перешейка (по: «Заповедная природа Карельского перешейка», 2004). Жирный шрифт — объекты в пределах Курортного и Приморского районов, курсив — непосредственно вблизи их границ.

- 1 — заказник (зак.) «Карельский лес»; 2 — памятник природы (п.п.) «Анисимовские озера»; 3 — п.п. «Озеро Ястребиное»; 4 — зак. «Кузнецкое»; 5 — зак. «Озеро Вуокса»; 6 — зак. «Приграничный»; 7 — зак. «Выборгский»; 8 — п.п. «Остров Густой»; 9 — п.п. «Мюллюсаари»; 10 — зак. «Озеро Мелководное»; 11 — зак. «Низовское болото»; 12 — зак. «Раковые озера»; 13 — п.п. «Озеро Красное»; 14 — зак. «Гряды Вярмянселькя»; 15 — зак. «Долина р. Смородинка»; 16 — зак. «Ореховский»; 17 — зак. «Линдуловская роща»; 18 — зак. «Болото Озерное»; 19 — зак. «Термоловский»; 20 — п.п. «Пухтолова гора»; 21 — зак. «Болото Ламминсуо»; 22 — п.п. «Осиновая роща»; 23 — зак. «Березовые острова»; 24 — п.п. «Река Величка»; 25 — п.п. «Приморский берег»; 26 — зак. «Гладышевский»; 27 — п.п. «Береговой уступ Серово»; 28 — п.п. «Комаровский берег»; 29 — зак. «Сестрорецкий разлив»; 30 — зак. «Плавни Лисьего Носа»; 31 — зак. «Левашовский лес»; 32 — зак. «Юнтоловский»; 33 — п.п. «Ольгинские валуны»; 34 — зак. «Морье»; 35 — зак. «Кокоревский»; 36 — зак. «Приневский»; 37 — п.п. «Колтушские высоты».

основании. Это Балтийский кристаллический щит, сложенный гранитами и другими плотными породами (гнейсами, кристаллическими сланцами), которые в северной части перешейка выходят непосредственно на поверхность в виде скальных массивов. К юго-востоку поверхность щита понижается, и граниты оказываются перекрытыми толщей осадочных пород, мощность которых в пределах Курортного района составляет от 200 до 250 метров, а еще южнее, у Невы достигает 300 метров⁴.

Дочетвертичный этап. Формирование Балтийского щита происходило 4,5–2,5 млрд. лет назад, в *архейскую* и *протерозойскую* эры за счет вулканической деятельности и тектонических процессов. В связи со значимостью «новорожденно-го» щита для последующей истории развития этой части планеты ранний период протерозойской эры даже получил у геологов второе название — *Карелий*. Позже, 1,3–1,2 млрд. лет назад, в *рифейский период* протерозоя к востоку от современного Карельского перешейка появилась впадина, к которой сегодня приурочено Ладожское озеро. Однако Балтийского моря и Финского залива тогда не существовало. На суше происходили процессы выветривания горных пород и перемещения продуктов разрушения с повышенных участков в понижения. Особенно интенсивными эти процессы были 600–535 млн. лет назад в заключительный, *вендский период* протерозоя.

Согласно геологической карте⁵, на большей части Курортного района и на острове Котлин отложения протерозоя представлены так называемым Котлинским горизонтом, преимущественно глинистым, с малой водоносностью. В окрестностях Сестрорецка и к западу от Зеленогорска простирается так называемый Гдовский горизонт. Именно из этого горизонта (песчаного, гравелистого, с прослоями глин) поступает в водо-разборные колонки вода хорошего качества.

Приблизительно тогда же, в протерозое, сформировалась система тектонических трещин, расчленивших всю территорию перешейка на отдельные блоки. Разрывы между ними, преимущественно ориентированные в северо-западном направлении, стали основой древней речной и озерной системы.

В *палеозойскую эру* (от 500 до 440 млн. лет назад, *кембрий-силур*) на месте нынешнего Балтийского моря существовал морской водоем, но совершенно иной конфигурации, чем современная Балтика, затем снова последовал длительный период континентального развития. Важным событием было поднятие Скандинавского полуострова, которое произошло приблизительно 40–20 млн. лет назад, в *палеогеновый период кайнозоя* (по старой терминологии — в третичный период). Поднятие сказалось на общем характере рельефа Карельского перешейка и обусловило наклонное к юго-востоку залегание осадочных пород, отложенных в протерозое и палеозое.

⁴ Атлас Ленинградской области, 1967, схема на с. 14

⁵ Ленинград, Историко-географический атлас, 1977, с. 50

Четвертичный этап. Именно в последний, *четвертичный период* кайнозоя, происходили основные события, которые непосредственно определили современную геологию и рельеф Карельского перешейка. Протяженность четвертичного периода, называемого также *антропогенным периодом*, составляет, по разным источникам, от 0,7 до 2,5–3,5 млн. лет. Большая часть этого времени приходится на *плейстоцен* и только последние 12–13 тыс. лет — на *голоцен* или послеледниковый период, продолжающийся и поныне.

Плейстоцен «прославился» многократными материковыми оледенениями. Показано⁶, что на территории Европы приблизительно за 2 млн. лет прошло четыре цикла оледенений, разделенных межледниковыми «паузами», при этом каждый цикл состоял из нескольких фаз. В Европе материковые льды наиболее далеко распространились на юг 250–200 тыс. лет назад во время Днепровского (Рисского) оледенения: отдельные языки почти достигли 48-й параллели — широты Днепропетровска. Максимальный объем льдов суши в плейстоцене составлял 55 млн. куб. км, льды занимали в 13 раз большую площадь, чем теперь, и покрывали четверть всей Евразии, 60% Северной Америки и на 10% превышали площадь современной Антарктиды. Мощность ледяного покрова иногда превышала 2 километра.

Территория теперешнего Карельского перешейка в плейстоцене многократно полностью перекрывалась материковыми оледенениями, которые сменялись межледниковьями⁷. При таянии льдов одного из очередных оледенений 500–600 тыс. лет назад возникли *Балтийское море* и *Финский залив*. Примерно тогда же *обособился Карельский перешеек* как полоса суши, разделяющая Балтийский и Ладожский бассейны. При оледенениях льды уходили за пределы перешейка далеко к югу. По пути своего движения льды перерабатывали существующий рельеф, уничтожая чехол осадочных пород, расширяли речные долины и озерные котловины. В северной части перешейка (окрестности Выборга, Приозерска) они создали *абразионные формы* ледникового рельефа, связанные с выпахиванием, обдиранием, сглаживанием скального основания движущимся льдом. К ним относятся, например, скалы с выразительным названием «*бараньи лбы*» и каменные гривы — *сельги* (от финского селькя — гряда, кряж). Сельги чередуются с межсельговыми ложбинами, заполненными осадочным материалом, и образуют специфический живописный ландшафт северной части перешейка.

На остальной части Карельского перешейка преобладают *аккумулятивные*, то есть сопровождавшиеся приносом материала, формы ледникового рельефа. Они возникли из огромного количества захваченного ледником твердого материала, представленного обломками разного размера — от глыб до глинистых частиц. Этот несортированный, перемятый ледником материал получил название *морены* (одно из толкова-

⁶ А.С.Монин. 1977

⁷ М.Ф.Карчевский «Заповедная природа Карельского перешейка». 2004, с.11-20

ний термина — от испанского слова *torpedo*, что значит смуглый). Морена высвободилась при таянии льда, образуя специфические формы рельефа. К ним относятся собственно ледниковые формы (моренные холмы, моренные равнины); отложения потоков, возникающих при таянии льдов (водно-ледниковые равнины, а также сложенные песками холмы и гряды, известные соответственно как *камы* — типичный ландшафт в Кавголово-Токсово — и *озы*, похожие на дорожные насыпи), и, кроме того, озерно-ледниковые равнины. На большей части Карельского перешейка современный рельеф сформирован именно водно-ледниковыми осадками.

Карельский перешеек, по мнению большинства исследователей, последний раз полностью освободился ото льда примерно 12 400 лет назад. С тех пор рельеф и отложения в северной и центральной частях Карельского перешейка мало изменялись.

В голоцене основными геологическими процессами были чередования подъемов воды в Балтике (*трансгрессий*), вызывавших ее перетекание в Ладожское озеро, и *регрессий*, когда уровень воды в обоих водоемах понижался. Эти процессы зависели от колебания уровня Мирового океана и поднятий суши, связанных преимущественно с ее освобождением от тяжести материковых льдов. Именно смены трансгрессий и регрессий моря имели решающее значение для формирования рельефа и отложений, определяли историю развития растительного и животного мира и человеческого общества непосредственно в той части Карельского перешейка, где расположен Курортный район. Поэтому следует подробнее рассмотреть их последовательность.

Разные авторы называют и датируют этапы развития водоемов по-разному.

Подробностью и популярностью изложения подкупает версия Е.Л. Александровой⁸. Она разносторонне исследовала материалы по истории развития природы и общества в северных окрестностях Санкт-Петербурга. На основе обстоятельного изучения классических работ ленинградских геологов 1920-1950-х годов⁹ она рисует последовательную картину развития водоемов и окружающей их суши, указывая, где именно в окрестностях Петербурга находятся береговые обрывы, береговые валы и другие проявления деятельности того или иного древнего моря или озера. Правда, работы, на которые ссылается Александрова, выполнялись в то время, когда методы датировки геологических и археологических объектов были несовершенными. Поэтому нами рассмотрены и работы последних лет, опирающиеся на современные методы датировки¹⁰.

История поздне- и послеледниковых водоемов на территории Карельского перешейка (динамика трансгрессий и регрессий Балтики) изложена в основном по версии Александровой, в круглых скобках приведены альтернативные варианты развития и датировки того или иного события.

⁸ Е.Л.Александрова. «Остров Рус в Литориновом море». 2002

⁹ С.А.Яковлев, С.С.Кузнецов, Б.Ф.Земляков, Н.А.Соколов и др.

¹⁰ Субетто, 2002, 2003; Карчевский, 2004; Герасимов, 2005

13500 лет назад — отступление ледника, освобождение юга нынешнего Карельского перешейка во время потепления, известного под названием *аллерёд* (центральная, наиболее высокая часть перешейка освободилась от ледника ранее, чем 13500 лет назад).

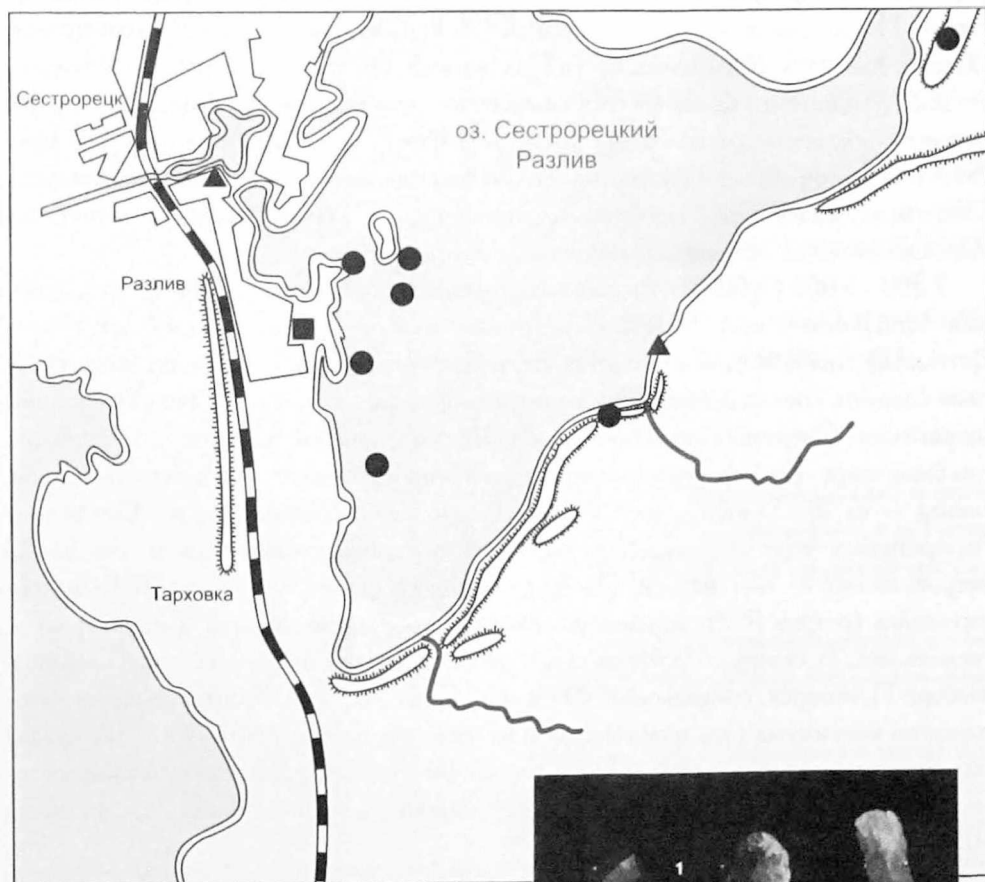
2000-10000 (13000-12000 ?) лет назад — формирование *Ледникового или Рыбного озера*, отделенного от океана ледяным щитом. Уровень Балтийского моря в связи с таянием льдов повысился. Воды Балтики через протоки на севере Карельского перешейка проникли в Ладожское озеро, которое стало частью *Балтийского Ледникового озера*. На дне этого водоема отлагались слоистые, так называемые *ленточные глины*. Уровень озера был выше уровня океана на 60-80 метров. Под водой оказались большая часть нынешнего Карельского перешейка (кроме его центральной возвышенности близ Орехова), а также Приневская низина. Уступ, где расположены Пулково, Пушкин, Тосно, был также ниже этого уровня. Южный берег озера проходил близ Ропши, Красного села, Тайц. Озеро окружала лесотундра, 11 000-10 700 лет назад сменившаяся травянисто-кустарниковой, а затем таежной растительностью; тогда же началось освоение территории мобильными группами охотников и рыбаков.

Около 10 000 лет назад — начало обмеления Ледникового озера (снижение уровня на 30-40 метров, обособление Ладожского озера); образование системы островов на месте современных Токсова, Парголово, Юкков, заселение земель первобытными охотниками. *Мезолитическая стоянка человека около Антреа (Каменногорска) на севере перешейка.*

10 000—9 000 лет назад — потепление, таяние ледникового щита, вторжение морских вод в Балтийскую котловину через область современной Центральной Швеции. Превращение Ледникового озера в *Иольдиевое море* (от названия морского двустворчатого моллюска *Yoldia arctica*). На суше — лесотундра, елово-сосново-березовые леса. Южная граница моря проходила по Пулковскому уступу. Аналогичный уступ в виде террас образовался и на севере: на островах Токсовском (по линии Сертолово—Вартемяги—Вартолово—Токсово), Юкковском, Колтушском. Уровень воды был на 45—50 метров выше, чем в современном Финском заливе. В более поздних работах геологов Иольдиевая стадия не упоминается, Балтийское Ледниковое озеро сменяется *Анциловым озером* около 9 800 лет назад).

9 000—7 300 лет назад — отступление моря в связи с поднятием дна проливов и территории нынешней Швеции, освободившейся ото льда, образование пресноводного *Анцилового озера* (от названия брюхоногого моллюска *Ancylus fluviatilis*). Остров, существовавший на месте современного Карельского перешейка, увеличивает свою площадь и становится сравнимым с тем, который впоследствии будет в арабских рукописях X века назван островом Рус. На начальной стадии существования озера, когда уровень воды был на 19 метров выше уровня залива, его береговой границей была терраса Парголово—Сосновка. Парголово-Сосновская возвышенность была тогда полуостро-

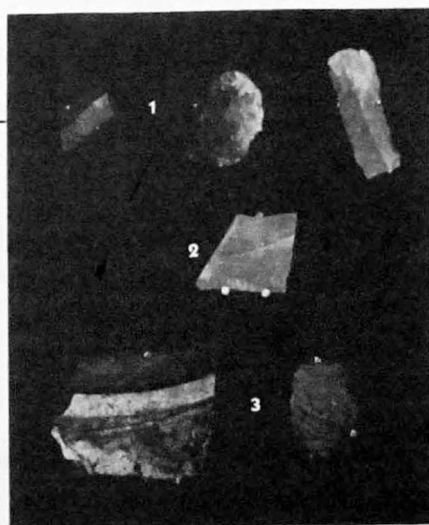
ДРЕВНЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
СЕСТРОРЕЦКОГО РАЗЛИВА

**В IV-III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ
ЗЕМЛИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА
БЫЛИ ЗАСЕЛЕНЫ ФИННО-УГОРСКИМИ
ПЛЕМЕНАМИ**

- Находки каменных орудий поздних типов
- ▲ Ранний неолит
- Средняя стадия гребенчатой керамики

(Приведенные на этой странице иллюстрации
взяты из брошюры «Курортный район Санкт-
Петербурга». Справочные материалы
для школьников. Сестрорецк, СЦДБ, 2004)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ:

1. Нож. 2. Глиняная бляшка. 3. Керамика.
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, д. 435, 117

123030/12

вом, рядом с ней существовала мелководная лагуна, в которой накапливались соединения железа в виде озерной руды. Работа волн Анцилового озера сформировала Лесновско-Полюстровскую террасу шириной 1,5-3 километра, на которой расположены Озерки, Удельная, Кушелевка, часть Полюстрова, Пискаревка. В позднеанциловую стадию уровень озера снизился настолько, что часть современного Финского залива и местность, где сейчас расположен Курортный район стала сушей. На острове Котлин в то время сформировался торфяник на глубине 6 метров ниже современного уровня моря. Снижению уровня озера способствовало потепление. При потеплении в сосново-березовых лесах появились широколиственные породы (дуб, липа).

7 300—5 000 (8 000) лет назад — превращение пресноводного Анцилового озера в *Литориновое море*. Благодаря погружению земной коры в районе современных Датских проливов воды моря (с относительно теплолюбивыми головоногими моллюсками *Littorina littorea*, давшими название морю) проникли в озеро. Площадь острова сократилась. Очертания моря приблизились к современным, но на месте Петербурга оно было шире. Его северная граница шла по линии Коломяги-Каменка-Парголово, южная — на 10—15 километров южнее современной береговой линии. Отложения Литоринового моря на севере Карельского полуострова находятся на высоте 10—12 метров, на юге — 5—7 метров. Площадь острова в центральной части Карельского перешейка (остров Рус) на раннелиториновой стадии сократилась, а на поздней — увеличилась. К северу от острова существовал довольно широкий пролив по линии Выборг-Приозерск, соединявший Финский залив с Ладогой. Климат во время литоринового максимума (так называемое атлантическое время, 7800—4500 лет назад) был значительно теплее современного, он соответствовал термическому оптимуму голоцена. Широколиственные породы (дуб, липа) в смешанных лесах составляли до 40%.

6000 лет назад — заселение территории Карельского перешейка (тогда еще острова) людьми. Об этом говорит обилие стоянок с культурой позднего каменного века, найденных близ Токсова, Каннельярви, а также возле озер Большое Суздальское, Красавица и др. Стоянки того же времени найдены в Сестрорецке, на Тарховской косе, на берегах озера Сестрорецкий разлив (в поселке Разлив, в прибрежной зоне у западного берега, и у Сосновой горы, близ северо-восточной оконечности современного озера). Более поздний возраст (6—5 тыс. лет) имеют стоянки в Лахте и на Глиняном ручье у озера Сестрорецкий разлив (между стоянкой у Сосновой горы и Тарховской стоянкой).

5 000 лет назад — образование *Древнебалтийского моря* (по более современным представлениям это событие рассматривается как *ладожская трансгрессия Литоринового моря*). Уровень этого моря был на 4—6 метров выше, чем современного Балтийского. Из-за неравномерного поднятия суши (северная часть Ладоги поднималась быстрее) Литориновое море стало сокращаться и отступать, протока на севере

Карельского перешейка постепенно отмирала. Ладога превратилась в обособленное озеро и начала переполняться. (В южной части озера уровень был на 20—21, в северной на 8—10 метров выше современного).

4 000 (2 400) лет назад — прорыв вод из переполненного Ладожского озера в Балтику, образование реки Невы; тогда уровень Ладоги сравнялся с современным — 5,1 метров над уровнем моря).

2 500 лет назад (V в до н. э.) — образование Балтийского моря. (стабилизация уровня Балтийского моря произошла 4000 лет назад, раньше, чем стабилизация Ладоги).

1 000 лет назад (конец 1 тысячелетия до н. э.) — формирование островов Невской дельты; «острова Петербурга поднялись из воды».

Около 500 лет назад (около XVI в. н. э.) — окончательное исчезновение протоки на севере Карельского перешейка и формирование его современного облика.

Рельеф. Береговая линия. Типы ландшафтов.

Особо охраняемые ландшафты.

Территория Курортного района — самая низменная часть Карельского перешейка, самая высокая его часть — Ореховская возвышенность (Ореховское, или Котовское плато с максимальной абсолютной отметкой 205 метров, в тех краях находится исток реки Сестры).

Курортный район располагается в пределах двух геоморфологических элементов: *морской террасированной равнины* и *озерно-ледниковой террасированной равнины*.

Морская террасированная равнина (бывшее дно Литоринового моря) представлена *литориновой террасой* с отметками от 0—3,5 метров до 5—10 метров выше уровня моря. Иногда ее подразделяют на более низкую (заливаемую при нагонных наводнениях) *аккумулятивную* и более высокую *абразионную* террасу (от лат. *abrasio* — соскабливание; разрушение и снос суши морским прибоем), лежащую на цоколе ленточных глин и морены. Поверхность террас плоская, кое-где осложнена невысокими береговыми валами (в некоторых местах насчитывается до 6 валов), частично перевеянными в дюны. Местами терраса заболочена.

Литориновая терраса имеет наибольшую ширину у поселка Лахта и у Сестрорецка, где она образует соответственно *Лахтинскую* и *Сестрорецкую низины*. И там, и там некогда существовали мелководные заливы Литоринового моря, приуроченные к слабо сохранившимся в рельефе впадинам древних, доледниковых речных долин, глубина вреза которых изначально была более чем на 100 метров ниже современного уровня моря. На Лахтинской низине расположены *Лахтинский разлив* и прилегающее к нему *Лахтинское болото*.

Лахтинский разлив (точнее, залив, что буквально и соответствует финскому слову *lahiti*) имеет суженную горловину, он частично отделен от Финского залива песчаной

косой, сформировавшейся в периоды более низкого положения уровня Литоринового моря.

Начиная с XVII века, через эту горловину сооружались насыпи (дамбы) и мосты, по которым проходила дорога из Нотебурга и Ландскроны (а позже — дорога из Петербурга) к Лисьему носу и далее, превратившаяся со временем в Приморское шоссе. Эта дорога хорошо заметна, на старых картах, воспроизводимых в известных изданиях¹¹. Время от времени дамбы и мосты разрушались наводнениями¹² и тогда попасть в Сестрорецк по суше можно было верхним путем, через Парголово, Осиновую рощу, Новоселки (Хювяселькя) и далее по левому берегу Черной речки¹³.

В XVIII веке вся территория к северу и западу от устья Большой Невки была малонаселенной. Среди лесов и болот были разбросаны немногочисленные поселения, тяготеющие к речкам и берегу залива. О характере тех лесов (их почти не осталось) можно судить по сохранившимся участкам заболоченных сосняков-долгомошников или смешанным лесам близ Лахты и Ольгина. Большая часть обширного Лахтинского болота осушена, освоена под застройку, дороги и другие объекты.

Только к северу от Лахтинского болота удалось организовать заказник *Юнтоловский* площадью 886 гектар, включая акваторию озера. Особо охраняемыми объектами являются болотные массивы, в том числе черноольховые и березовые топи, сфагновые сосняки, травяные болота, а также прибрежная зона Лахтинского разлива. И болота, и прибрежная зона являются местами гнездовья многих видов птиц, в том числе редких для региона, и стоянкой перелетных птиц, а также местом произрастания редких для региона видов цветковых растений, мхов и лишайников¹⁴. Однако территория заказника явочным порядком все больше «урезается».

У самого выхода в залив на западном берегу Лахтинского разлива имеется небольшая бухта-ковш для стоянки маломерных судов с издавна проложенным к ней через каменистую отмель фарватером. Прибрежная часть Финского залива от Лахты до Сестрорецка мелководна и камениста. Это так называемая Сестрорецкая отмель, часто упоминаемая в ледовых прогнозах на радио и ТВ как относительно безопасная для зимней рыбалки зона с наиболее устойчивым льдом. Границы ее строго не определены, чаще всего к этой отмели относят всю акваторию вдоль северного побережья залива между поселком Молодежное на северо-западе, устьем Большой Невки на юго-востоке и островом Котлин на юго-западе. Ширина полосы мелководья, где встречаются крупные камни и участки с глубинами менее 1 метра, составляет у мысов Лисий нос, Тарховский (Тарккала) и Дубовский не менее 1 километра, так что устройство

¹¹ Карта окрестностей Петербурга 1831 года (карта Шуберта), фрагмент которой приводит в своей книге Н.В. Михайлов, 2001, с. 43

¹² Так сорвалась поездка Екатерины II в Сестрорецк, см. «Памятник искусств. Сестрорецк», 1843

¹³ Этот путь по водоразделу был означен уже на карте Шхонебека 1705 года

¹⁴ Карчевский. «Заповедная природа...», 2004, с. 209-214

гаваней и поддержание «проходимости» фарватеров издавна было сопряжено с дноуглубительными работами и выемкой камней.

В прибрежной полосе восточнее Лисьего носа расположен единственный из *островов естественного происхождения* между островом Котлин и Карельским берегом — низкий каменистый островок Верперлуда («луда» по-фински — каменистая прибрежная мель), почти соединенный с берегом полосой тростника. Остальные острова в этой части залива — искусственные, это созданные в XIX—начале XX веков форты Кронштадской крепости «Тотлебен» и «Обручев».

Происхождение топонима Лисий Нос становится совершенно ясным, если смотреть на одноименный мыс с моря. Полоса тростников над мелководьем напоминает длинный нос припавшей к воде лисицы, круглящиеся кроны ивняка — её выпуклый лоб, высокая стена темного ельника с отдельными торчащими вершинами — взъерошенную спину и острые уши. Правда, с постройкой защитной дамбы труднее стало найти точку, с которой мыс рисовался бы на фоне неба и моря.

От Лисьего Носа береговая линия поворачивает к северу и идет в субмеридональном направлении до Сестрорецка. На этом отрезке длиной около 10 километров чередуются мысы, имеющие в основании каменистые гривы, идущие в широтном направлении, с небольшими бухточками и болотцами, отделенными от Финского залива песчаной пересыпью. Это Тарховский, Тупой, Гагарский и ряд безымянных мысов.

Дубовский мыс у Сестрорецка — самый северный и самый длинный из них, он выступает в море почти на 2 километра и хорошо заметен как из любой точки берега на отрезке от Сестрорецкого Курорта до поселка Смолячково, так и с воды. Именно с воды, с борта военного корабля в сентябре 1714 году, вскоре после Гангутской виктории, увидел Дубовский мыс Петр I и сразу облюбил его как место своей будущей резиденции. К северу от Дубовского мыса расположен широкий Дубовский пляж, переходящий в полосу пляжа Сестрорецкого Курорта. Залив у обоих пляжей исключительно мелководный, параллельно берегу несколькими рядами тянутся полосы мелей, частично обнажающихся во время сгона воды при восточных ветрах. Дно здесь песчаное.

Литориновая терраса сужается у станции Горская. С северо-востока ее ограничивает хорошо видимый абразионный уступ высотой около 10 метров.

На отрезке Литориновой террасы от Лахты до Сестрорецка в пределах лесопарковой зоны Петербурга (Северо-Приморский лесопарк) и в Сестрорецком парке «Дубки» сохранились участки ландшафта, не характерного для таежной зоны — леса с заметным участием дуба, лещины и других дубравных элементов: трав, грибов, насекомых, птиц. Именно наличие участков дубрав естественного происхождения на берегу Финского залива сделало это побережье привлекательным для Петра I, и здесь возникли три его резиденции с одинаковым названием «Дубки»: Старые (Средние) чуть восточнее Лисьего Носа, Дальние (Сестрорецкие) и Новые (Ближние) запад-

нее Лахты. Их топография хорошо видна на карте 1732 года¹⁵. В 1950–1970-х годах на этом отрезке берега находили пни 400-летних и даже 600-летних дубов, так что их «допетровское» происхождение не вызывает сомнения.

Растут дубы в основном на береговом валу, сложенном гравелистыми морскими песками. Эти отложения имеют хорошую водопроницаемость, так что даже после нагонных наводнений почва быстро освобождается от избытка влаги, кроме того, они богаты обломками так называемых первичных минералов — полевых шпатов, слюды и других носителей элементов питания, нужных дубу.

На Литориновой террасе в пределах Курортного административного района выделяются две **территории с особыми формами рельефа**: *Сестрорецкие дюны* и *Сестрорецкая низина*.

Дюны — это сформированные ветром (*эоловые*) холмы, сложенные сортированными мелко- и среднезернистыми песками. Они хорошо заметны вдоль берега залива, начиная от пос. Тарховка и до Солнечного. Наиболее типичные дюны имеют форму подковы, открытой к морю, поскольку краевые части движутся медленнее, чем более высокая средняя часть. Наветренный склон обычно более пологий, чем тыловой, подветренный. В глубь материка дюны распространяются более чем на 1 километр. Они встречаются также и у северо-восточной оконечности озера Разлив (Сосновая гора) на расстоянии более 5 километров от берега залива.

Наибольшей высоты дюны достигают близ станции Курорт, на территории санатория «Детские Дюны» (до 60 метров над уровнем залива). В нижнем течении река Сестра (ниже заводской плотины она носит название Заводская Сестра) весьма живописна, ее берега, поросшие сосняком, здесь почти отвесны. Местами в береговых обрывах, сложенных тонкими дюнными песками, вскрываются пески иного, не эолового происхождения, густо нашпигованные хорошо окатанной морской галькой. Верхняя граница этих морских песков лежит на высоте до 10 метров над уровнем моря. Это доказывает, что в основании дюн лежат неровности рельефа абразионной террасы, на которые и были навеяны эоловые отложения.

Гряда дюн, некогда перегородившая путь реке Сестре, обусловила многократные миграции ее русла, заставила буквально «сложиться пополам» вблизи того места, где позже, в петровские времена, была создана плотина, и течь с юга на север, в направлении, обратном основному направлению течения. Этот короткий отрезок русла относительно молод, в разное время Сестра впадала в Финский залив в разных местах. Ее устье «вихляло» на всем протяжении берега залива от Горской на юге до нынешнего его положения на севере. Сестрорецкий геолог и эколог В. В.Беликов провел комплексные исследования озера Разлив и в двух своих книгах¹⁶ показал, что полосы макси-

¹⁵ Карта «Финский залив от Кронштадта до Петербурга с лежащими по берегам забавными домами», своего рода туристская схема тех времен, приведена в книге О.Г.Растворовой, «Сестрорецкие «Дубки» от Петра I до наших дней» 2004. с. 26-27

¹⁶ См. Беликов. 1999 а, 1999 б.

мальных глубин, соответствующие бывшим руслам, проходят в юго-западном углу озера (на уровне Тарховки-Горской) и у середины западного берега.

Современные геологи считают¹⁷, что комплекс дюн образовался в относительно сухое суббореальное время (5,3-3,5 тыс. лет назад). Это не значит, что сформировавшиеся тогда дюны навсегда застыли в изначальных формах и размерах. Любые факторы, способствовавшие нарушению целостности растительного покрова, сохраняющего песок от выдувания (периоды с сухим климатом, неумеренный выпас животных, избыточное вытаптывание при рекреации и др.) вызывали и вызывают движение песчаных масс, перемещение и переформирование дюн. Начиная с XVIII века, основной причиной этого стало уничтожение лесов, окружавших Сестрорецк.

Несмотря на строгий петровский запрет, лес вырубался для нужд завода и населения, и подвижные пески стали со временем бедствием Сестрорецка. Они засыпали целые улицы и кварталы, многие сельские дома с наветренной стороны оказывались до крыш погребенными песком. Правда, некоторые жители улиц, прилегающих к берегу оз. Разлив, радовались нашествию песков, так как те «подарили» им новые площади суши для огородов. Подвижные пески частично засыпали также временные русла, образовавшиеся после прорыва плотины на озере Разлив, в том числе так называемую Бочагу.

Больших трудов стоило местным властям и жителям закрепить пески с помощью культур сосны, высаженных в конце XIX века у перепада, у лютеранской церкви и вдоль шоссе и бережно выхоженных с помощью остроумной технологии. Она предусматривала высадку саженцев сосны или ее посев обескрыленными (чтобы не сдувались ветром) семенами, укрытие всходов хвойными ветвями от выдувания и перегрева, ограждение от выпаса скота и другие мероприятия.

В настоящее время подвижные пески встречаются в прибрежной полосе залива на всем протяжении берега от Дубковского пляжа до западной границы Курортного района. Особенно наглядно можно видеть масштабы современного перемещения песков в Сестрорецком курорте (у гранитного парапета эспланады, у метеостанции), вдоль границы между территориями санаториев «Белые Ночи» и «Дюны».

Ландшафт закрепленных растительностью дюн имеет высокую рекреационную и оздоровительную ценность. Поэтому, а также в связи с обнаруженными археологическими находками (Сосновая гора у озера Разлив и др.), этот ландшафт нуждается в государственной охране. До настоящего времени он практически не охранялся, подвергался хаотичной застройке, хрупкий растительный покров разрушается в связи с интенсивным вытаптыванием при рекреации. Часть интересных дюн почти скрыта.

За последние годы сильному разрушению подверглись южные склоны дюн, обращенных к железной дороге рядом с мостом через Заводскую Сестру, над источником.

¹⁷ Карчевский. «Заповедная...», 2004.

Буквально на глазах все сильнее обнажаются корни старых сосен, и деревья оказываются «на ходулях». Усилению ветровой эрозии способствовали земляные работы, связанные с ремонтом моста, а также череда засушливых летних сезонов в конце 1990 — начале 2000 годов, когда травяной покров на южных склонах почти полностью утратил свои почвозащитные свойства.

Сестрорецкая низина (на геоморфологических картах эта территория показана как *болотная равнина*). Она находится восточнее перевальной в дюны песчаной пересыпи, идущей по линии Тарховка — Сестрорецк, и частично заполнена водами *искусственного озера Сестрорецкий разлив*.

Сестрорецкий разлив (старые названия — Заводской разлив, Сестрорецкое озеро, Сестрорецкий резервуар) обязан своим происхождением плотине¹⁸, построенной на реке Сестре, в 5 км выше ее впадения в Финский залив и ниже слияния её с рекой Черной¹⁹). По замыслу Петра I в 1721 году здесь начали строить сестрорецкие оружейный и пороховой заводы. По некоторым данным, плотина на этом месте была построена в XVII в. шведами. Те, в свою очередь, использовали запруду, сооруженную еще до 1500 года, то есть *первоначальная запруда существовала уже* в то время, когда юго-восточная часть Карельского перешейка *еще находилась под властью Москвы*²⁰. После создания плотины в 1720-х годах озеро постоянно увеличивалось, его уровень повышался. Во времена Петра I это повышение было еще недостаточным для устройства фонтанов в петровской резиденции. На карте 1732 года — так называемый план Есаулова — показан начальный этап формирования озера в виде расширения русел Сестры и Черной выше плотины. На более поздних картах Санкт-Петербургской губернии (1770, 1792) очертания озера приблизились к современным, треугольным. В 1980-е годы его площадь и уровень составили соответственно 10,3 кв. километров и 8 метров над уровнем моря²¹.

В первые десятилетия существования водоема сдерживающие его плотины неоднократно прорывались из-за несовершенства самих сооружений и неумелого регулирования уровней воды в период половодья. Поэтому плотина (плотины) не раз реконструировались и усиливались, а для сброса паводковых вод в разные годы строились отводные каналы со шлюзами. История этих гидротехнических сооружений излагается сестрорецкими краеведами В.В.Беликовым, С.И.Подойниковым, В.Д.Яковлевым и др. по-разному, в том числе и в отдельной главе настоящего тома. Для формирования «рукотворного ландшафта» низины имели значение гидротехнические сооружения XIX

¹⁸ Подробнее см. в главе «Заводская плотина и озеро Разлив»

¹⁹ Если считать от станции Новая Деревня, где тоже есть Черная речка, это уже вторая река с таким названием, типичным для заболоченных низин с торфяными почвами. Дальше на север и запад по Карельскому перешейку есть еще несколько небольших рек с таким названием

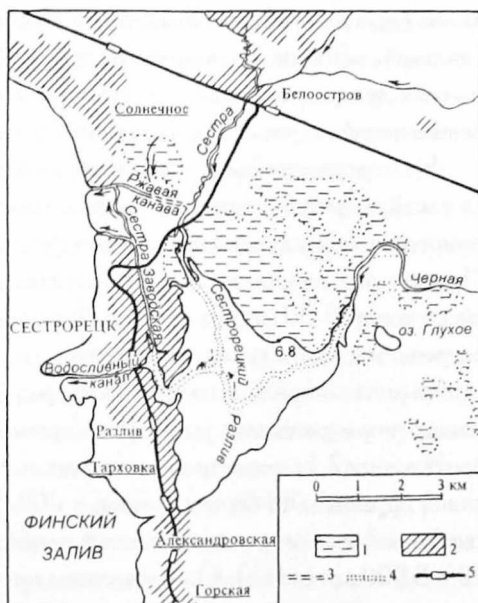
²⁰ Г.А. Исаченко, 1998, карта на с. 63

²¹ Сохранение..., 1984

века. По Г.А.Исаченко²² в 1839 году для отведения части стока Сестры в Финский залив был построен обводный канал со шлюзами выше впадения реки в озеро; вскоре шлюзы были заменены глухой перемычкой на Сестре. В 1839–1862 годы воды Сестры направлялись по каналу в залив, минуя озеро, а Сестрорецкий Разлив питался только водами реки Черной, что вновь привело к сокращению площади водоема. В 1862 году после реконструкции плотин и сооружения водослива ниже выхода воды из Разлива перемычка на Сестре была уничтожена, и в водоем снова стали поступать воды обеих рек. Уровень воды и площадь озера вновь увеличились и с тех пор мало менялись. Бывший обводной канал сильно зарос и получил название Ржавой канавы; до 1940 года по ней проходил участок границы Финляндии и СССР.

В четырех километрах к югу от устья Заводской Сестры, на южной стороне Дубовского мыса есть устье еще одного русла, образовавшегося в начале 1800-х годов после очередного прорыва плотины. Это Водосливный канал (так называемая Шипучка). Именно по этому каналу происходит в настоящее время через каменную плотину основной сток из озера в Финский залив. Этот канал обозначен в книге Г.А.Исаченко, там же четко показаны направления течения всех рек: Черной, искусственных и естественных ответвлений Сестры. При этом северный рукав Заводской Сестры, сливающийся с Ржавой канавой, показан на рисунке как проточный. На самом деле ниже слияния этого рукава и Ржавой канавы водоток отсутствует, русло полностью засыпано морским песком и начинает зарастать ивняком.

К северу от Сестрорецкого Курорта берег Финского залива вновь поворачивает в западном направлении. Он образует пологую дугу — от устья Заводской Сестры до устья Черной речки²³ (третьей Черной речки, считая от Петербурга, широко известной по одноименному санаторию) и далее до мыса Песочный (Инониemi), откуда ровная

Сестрорецкий Разлив.

- 1 — безлесные болота; 2 — жилая и промышленная застройка, территории курортов, коллективные садоводства и дачные массивы; 3 - безводные участки бывших каналов; 4 - русла рек Сестры и Черной до образования Сестрорецкого Разлива (предположительно); 5 — железные дороги, станции.

Названия курортных поселков в черте С.-Петербурга подчеркнуты. Цифрой обозначен урез воды (м).

²² Г. А. Исаченко, 1998, с. 259

²³ третьей Черной речки, считая от Петербурга

линия берега идет прямо на запад до Приморска. Недалеко от мыса находятся корпуса санатория «Восток-6», хорошо видные из Сестрорецка как три белых кубика²⁴. Эта береговая дуга, «лукоморье», подаренное нам Петром I, ограничивает с севера широкий безымянный залив, окаймленный почти сплошной полосой пляжей и здравниц.

На отрезке от Солнечного до Зеленогорска Литориновая терраса снова становится узкой, ее уступ начинается почти сразу за полотном Приморского шоссе. Типичные природные комплексы этой части террасы описаны в статье «Комаровский берег»²⁵. Прибрежная полоса залива здесь не так мелководна (глубины 3-4 метра находятся на расстоянии 10-30 метров от берега), но западнее Солнечного дно местами каменистое, встречается много крупных валунов.

Значительной высоты (до 35 метров над уровнем моря) береговой уступ Литоринового моря достигает у поселка Серово. Уступ прослеживается приблизительно на протяжении 2,5 километров к юго-востоку от моста через реку Черную (третью) и проходит параллельно берегу залива, в 200-300 метров от него. В обрыве вскрываются светло-желтые озерно-ледниковые пески, а над ними отложения Анцилового озера (9 800-8 000 лет назад). Они представлены тонкозернистыми песками и супесями с незначительным содержанием растительных остатков. Береговой уступ в Серово объявлен геологическим памятником природы²⁶.

Озерно-ледниковая равнина. Террасированная озерно-ледниковая равнина, бывшая когда-то дном Анцилового озера, лежит *выше берегового уступа* Литоринового моря и располагается к северу и востоку от линии, идущей от станции Ланская через восточную часть Коломяг к реке Каменке. Затем уступ исчезает в рельефе и появляется у деревни Новоселки (обозначавшейся на картах XVII – XVIII веках как Хювяселья), образуя Новоселковский бугор высотой 25 метров. Далее граница тянется от Песочной к Репино, где волноприбойная линия Литоринового моря составляет 17 метров над уровнем моря, а затем проходит вблизи берега залива до западной оконечности Курортного района. Железная дорога Петербург-Выборг на отрезке от Белоострова до Рошино проходит по этой озерно-ледниковой равнине, поэтому ее облик хорошо знаком всем, кто часто здесь ездит.

Высота озерно-ледниковой террасированной равнины в пределах Курортного района составляет 20-40 метров над уровнем моря. Равнина сложена в основном песчаными отложениями, реже песчано-глинистыми, местами заболочена. Коренной тип растительности на песках — сосняки зеленомошные или лишайниковые, на песчано-глинистых отложениях — ельники зеленомошные, на заболоченных участках ельники долгомошные и сфагновые, сосняки сфагновые. Поверхность равнины почти плоская, что местами приводит к заболачиванию.

²⁴ по тому, насколько четко они видны, при известном навыке можно предсказывать погоду

²⁵ «Заповедная природа...», 2004, с. 194-197.

²⁶ Статья М.Ф. Карчевского и др., «Заповедная природа...», 2004, с. 192-193.

На примере озерно-ледниковой равнины можно видеть, как человеческое трудолюбие способно превратить почвы с низким плодородием — заболоченные, кислые, бедные — в прекрасный субстрат для выращивания полевых культур и луговых трав. Но сначала для этого финскому крестьянину потребовалось отнять землю у леса, раскорчевать, осушить, потом поколениями удобрять ее. На той же равнине мы можем видеть как быстро — за десятилетия после ухода земледельцев — «дичает», зарастает лесом окультуренная земля, если ее забросить. Такие печальные циклы: раскорчевка, трудное окультуривание, зарастание лесом после очередного военного лихолетья, новое освоение — веками терпели наши приграничные земли и те, кто на них жил и работал.

Охраняемых территорий, представляющих природные комплексы собственно озерно-ледниковой равнины, в пределах Курортного района и вблизи его границ нет. Однако два охраняемых объекта расположены на уступе, отделяющем эту равнину от нижней, морской террасы. Кроме уже названного памятника природы «Комаровский берег», это обширный заказник «Гладышевский» (8400 гектар), расположенный в пределах Курортного района Петербурга и Выборгского района Ленинградской области. Название заказника происходит от озера Гладышевского и реки Гладышевки (их финские названия Ваммельярви и Ваммельйоки). Гладышевка сливается с Роцинкой (Райволанйоки, на других картах — Линтуланйоки) в четырех километрах от берега залива и образует реку Черную (ту самую третью Черную речку с известным санаторием). На этой же террасе находится и уникальная Линдуловская корабельная роща, первые лиственницы которой были посажены в 1738 году по замыслу Петра I.

Долина Гладышевки приурочена к ложбине стока ледниковых вод и прорезает Литориновую террасу. В обрывистом берегу до высоты 6,5 метров над урезом воды видны отложения Литоринового моря: пески, гиттии (органогенные илы озер и лагун) и суглинки с прослоями торфа. Территория заказника охватывает и участки коренного берега, расположенные на озерно-ледниковой равнине. На более сухих и возвышенных местах распространены обычные для Карельского перешейка сосняки бруснично-зеленомошные, на равнинных участках — ельники чернично-зеленомошные, на более сырых местообитаниях — сосняки и ельники сфагновые.

Озерно-ледниковая равнина занимает наибольшую площадь на территории Карельского перешейка и вместе с прилегающей к ней *озерной равниной* простирается на северо-запад почти до линии Приморск — Приозерск. Однако в центральной части перешейка озерно-ледниковая равнина сменяется другими формами рельефа, приуроченными к возвышениям островного характера.

Другие формы рельефа на Карельском перешейке. За пределами Курортного района, к северу и северо-востоку от Зеленогорска, озерно-ледниковая равнина сменяется другой формой водно-ледникового рельефа — *холмисто-камовой*, где холмы чередуются с котловинами, которые частично заняты озерами.

Камы (от немецкого *der Kamm* — гребень) — это округлые в плане крутосклонные холмы, сложенные песчано-гравийным материалом. С ними соседствуют озы (от шведского *ås* — хребет, гряда) — длинные песчаные гряды, ближайшие из которых можно видеть, например, около озера Щучье.

Камы и озы — это донные отложения надледниковых и внутриледниковых озер или (реже) внутриледниковых потоков, осевшие когда-то на подстилающую ледниковую поверхность. Вблизи границ Курортного района высота камовых холмов достигает 100 метров над уровнем моря (гора Большая Командная, или Пухтулова гора, которая хорошо заметна с побережья залива в виде пологого бугра как самая высокая точка на всей дуге от Сестрорецка до Песочного мыса). Есть проект создания памятника природы «Пухтулова гора» площадью 300 гектар, где объектом охраны является весь природный комплекс камового холма с его растительностью и фауной. Этот проект вряд ли будет когда-нибудь выполнен, так как сейчас здесь построен горнолыжный комплекс.

Центральная возвышенность Карельского перешейка в значительной мере защищает территорию Курортного района от проникновения более холодных воздушных масс с севера и с востока, что делает климат нашего района более благоприятным.

В срединной части Центральной возвышенности представлены собственно ледниковые формы рельефа: участки волнистой либо плоской моренной равнины, частично абрадированной озерно-ледниковыми водами. Эта возвышенная, но плоская территория, местами заболоченная, служит водоразделом для рек, впадающих в Финский залив и в Ладожское озеро. Здесь, около деревни Рихиё (она расположена на середине прямой линии, соединяющей поселок Первомайское на западе и Васкелово на востоке), находится исток реки Сестры. Недалеко от него находится историческое место Ристикиви (Крестовый камень), где был установлен межевой знак на границе шведских и новгородских земель по Ореховецкому мирному договору (1323 год). От Финского залива граница шла тогда по реке Сестре (Сиестарйюки) до этого межевого знака, а затем — далее на северо-восток, к истоку реки Волчьей (Саян-йюки) и далее по этой реке до Ладожского озера.

К северо-западу от линии Приморск — Житково — Приозерск озерная равнина сменяется холмистой моренной равниной, сложенной преимущественно валунными песками, а еще далее к северо-западу — грядовым (сельговым) рельефом с выходами кристаллических пород: «глазчатых» красноватых гранитов рапакиви (по-фински — гнилой камень) и полосатых темно-серых гранито-гнейсов. Но наиболее живописные скалистые выходы рапакиви можно видеть возле Выборга, особенно в знаменитом старинном парке «Монрепо».

Таким образом, Курортный район занимает юго-западную, пониженную прибрежную «кромку» Карельского перешейка, но и на этой небольшой территории обнаруживается значительное разнообразие форм рельефа и осадочных пород, что обуславливает разнообразие всех элементов ландшафта, включая микроклимат, почвы, мир живой при-

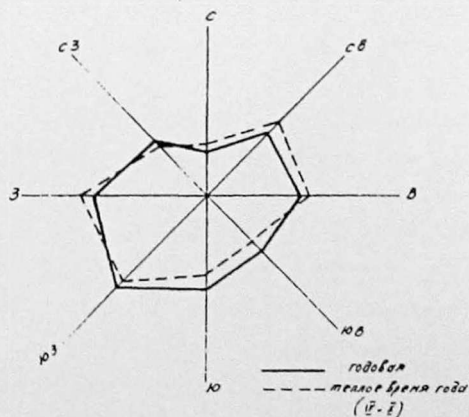
роды. В целом же рельеф Карельского перешейка представляет собой ряд разновысоких ступеней. Наиболее возвышенные участки находятся в его центральной части и на северо-западной окраине. От этой северной гряды Центральная возвышенность отделена озерной равниной и окаймлена озерно-ледниковой и морской равнинами.

Погодно-климатические особенности района

Как известно, климат Ленинградской области — переходный от континентального к морскому, с умеренно теплым летом, довольно продолжительной умеренно-холодной зимой (при этом самый холодный месяц не январь, а февраль) и неустойчивым режимом погоды.

Курортный район по ряду показателей теплообеспеченности приближается к южным и западным районам области. Это обусловлено соседством Финского залива, оказывающего смягчающее воздействие на климат, и отепляющим влиянием южного склона Центральной возвышенности Карельского перешейка. Так, в Сестрорецке продолжительность периода так называемых активных температур воздуха (выше $+5^{\circ}$) на 1-2 недели больше, чем во Всеволожске, лежащем на той же широте, но на 40 километров восточнее. То же касается температуры выше $+10^{\circ}$. Продолжительность безморозного периода в Сестрорецке и Всеволожске различается еще сильнее, составляя соответственно 140-150 и 120-130 дней. Среднемесячные температуры в период с июля по февраль в Сестрорецке приблизительно на 1° выше, чем в «континентальном» Всеволожске. Зато весной, в период с марта по июнь, из-за близости холодных водных (а в начале весны — и ледяных) масс залива и озера Разлив температура в Курортном районе в среднем на 1° ниже, поэтому весной пробуждение природы идет здесь медленнее.

На карте среднегодовых температур контур $>+4^{\circ}\text{C}$ захватывает большую часть акватории Финского залива с Березовыми островами, островом Котлин, а также полосу вдоль всего южного берега. На северном берегу залива внутри этого контура находится только отрезок от Петербурга до Лисьего Носа. Остальная часть территории Курортного района лежит между изотермами $4,0$ и $3,5^{\circ}$. Во Всеволожске еще прохладнее, этот пункт находится между изотермами $3,5$ и $3,0^{\circ}$. Что касается территории самого Петербурга, то там значительно теплее по всем показателям. Но эта особенность, присущая всем мегаполисам, объясняется не природными, а антропогенными причинами.

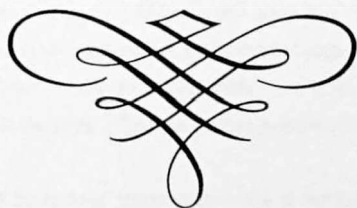

Роза ветров в Сестрорецке.

Курортный район - один из относительно сухих по сравнению с районами Ленинградской области. Годовое количество осадков составляет здесь 600-650 миллиметров (в Зеленогорске - 700). Меньше 600 миллиметров выпадает на отрезке Морская - Лисий Нос. Окрестности Всеволожска попадают в контур 700-750 миллиметров. Наибольшее количество осадков в Ленинградской области (свыше 850 миллиметров в год) выпадает на Центральной возвышенности Карельского перешейка, в районе истока реки Сестры.

Благодаря особенностям климата на побережье Финского залива сохранились относительно теплолюбивые виды растений и участки растительных сообществ, характерных для более южных регионов страны, в частности, леса с заметным участием дуба и наличием дубравных видов трав, грибов, животных.

ПРИНЕВЬЕ
И КАРЕЛЬСКИЙ
ПЕРЕШЕЕК
ДО ПЕТРА I

На территории Ленинградской области в настоящее время проживают главным образом русские, украинцы, белорусы, эстонцы. В северных районах области живут карелы, в западных — небольшие группы ижор и води, в южном Приладожье на территории нескольких районов живут вепсы¹.

Корела, ижора, водь — эти племена хорошо известны по новгородским летописям. Племена финно-угорского происхождения, до наших дней сохранившие свой язык, входили в состав Новгородской земли в XII—XV веках. Карелы населяли Русскую Карелию, центром ее была новгородская крепость Корела на месте нынешнего Приозерска (Кексгольма, как называли его шведы). Ижора, родственная карелам, расселилась по рекам Неве и Ижоре. Водь жила на побережье Копорского залива, к востоку от устья реки Луги, впадающей в Финский залив.

Все эти племена в Новгородском государстве сохраняли определенную самостоятельность. Ими правили свои собственные вожди, а в новгородские войска они входили как особые военные ополчения. Ижора несла пограничную службу на рубежах Новгородской земли.

Ижора, водь, корела впервые упоминаются в источниках не ранее XI столетия. Первые славянские поселенцы застали здесь другие племена: в русских летописях упоминаются чудь, весь, меря. По-видимому, это те племенные объединения, которые со временем распались, изменили свои границы и названия, слились с другими племенами и общинами.

Надо сказать, что население Восточной Европы в то время не было однородным. Огромная территория от низовьев Волхова до среднего течения Днепра, от Карпат до будущего Подмосковья была заселена предками русского, белорусского и украинского народов — восточными славянами. Славяне в то время делились на племена, каждое из которых жило обособленно и называлось своим собственным именем.

Так, поляне жили на Днепре, северяне — к востоку от них, на днепровском Левобережье, древляне — на западе, в лесах к югу от Припяти. По реке Сож селились радимичи, по Оке — вятичи. В верхнем течении Волги, Днепра и Западной Двины

¹ При написании данной главы использована книга Г. С. Лебедева Археологические памятники Ленинградской области. Л. 1977

жило племя кривичей. Дальше всех на север, к берегам Ильменя, продвинулось племя, сохранившее за собой имя „словене ильменские», или „новгородские» (при этом не следует путать его с общим, родовым названием славянских народов „славяне»). Словене освоили и территорию нынешней Ленинградской области.

До появления славян на территории Восточной Европы, в ее лесной зоне, обитали племена летто-литовской языковой группы, или, как их еще называют в литературе, балты. Современными потомками древних балтов являются латыши и литовцы, а в те древние времена балты, как и славяне, разделялись на множество отдельных, хотя и родственных, племен. Значительная часть этих племен в IX—XI веках соединилась со славянами, образовав основу позднейшей белорусской, а отчасти и великорусской народности.

В направлениях к северу и на восток от балтов жили финно-угорские племена, предки современных эстонцев, карел, финнов суоми, коми, удмуртов, марийцев, мордвы. Тысячу лет эти племена прожили в тесном соседстве со славянами. Некоторые из них постепенно растворились в восточнославянской среде и вошли в состав древнерусской, а позднее — великорусской народности.

В течение нескольких столетий славянское население перемещалось из лесостепной зоны Восточной Европы на север. Они продвигались по большим и малым рекам, осваивая необозримые, зачастую почти незаселенные лесные пространства. Здесь земледельцы, бортники, свободные славянские общинники расселялись «каждый родом своим особе». И этот процесс, который историки называют «славянской колонизацией лесной зоны Восточной Европы», разумеется, был длительным и сложным.

Далеко не всегда местное население безропотно уступало свое место пришельцам. Кое-где им с боем приходилось отвоевывать себе лучшие места. Но чаще неосвоенные просторы позволяли новым поселенцам найти достаточно свободные и пригодные для жилья места. И чем дальше продвигались они на север, тем больше было свободных земель, девственных лесов, незанятых пойм. На поворотах и излучинах рек возникали родовые градки (поселения) славян, а в соседних урочищах нередко по-прежнему жила «чудь белоглазая», осторожно и внимательно присматриваясь к хозяйству, быту, обычаям пришельцев.

Славяне принесли в лесную зону новую, прогрессивную форму хозяйства — пашенное земледелие. Местное население заимствовало сельскохозяйственные орудия, навыки обращения с ними, и тем самым естественным образом сближалось со славянами. Новые отношения ломали прежнюю родовую замкнутость. И славянские, и чудские земледельцы все чаще и чаще сообща, рука об руку обживали новые земли, расчищали от лесов места для пашен, расселялись вместе или «чересполосно». Поселения славян становятся опорными пунктами на этой земле дальнейшей земледельческой колонизации, экономическими центрами с разноэтничным, но становившимся все более славянским населением.

С течением времени некоторые из градков превращаются в настоящие феодальные усадьбы, крепости, окруженные мощными укреплениями. А слово «отрок» становится обозначением княжеского или боярского дружинника. Остальные же соплеменники становятся просто «людьми» или «смердами», данниками. Ими становятся и потомки «иных языщей», и славянские общинники, и посаженные на землю пленники — рабы («холопы», «челядь»). В новой общественной структуре постепенно теряют свое значение прежние племенные границы и различия. Складывается древнерусская народность и древнерусское общество — единое по языку, но разделенное на антагонистические классы, на угнетателей и угнетенных.

Единое Древнерусское государство образовалось не сразу. В конце VIII — начале IX веков на Среднем Днепре сформировалось восточно-славянское политическое объединение с центром в Киеве. Эта первоначальная «Русская земля» объединяла полян, часть северян, некоторые другие соседние племена. Первое восточнославянское государство противостояло могущественному Хазарскому каганату — державе кочевников-хазар, господствовавших в степях между Доном, Волгой и Северным Кавказом. Правда, некоторые славянские племена, например, вятичи, платили хазарам дань.

К середине IX века на северо-западе Восточной Европы складывается обширное, но на первых порах весьма непрочное объединение славянских и неславянских племен — словен, кривичей, чуди, мери. В русских летописях упоминается, что одно время эти племена платили дань варягам — воинственным дружинам скандинавских викингов (норманнов), совершавшим опустошительные набеги в IX—X веках на прибрежные страны Европы. В 859 году племена северных русских земель, объединившись, изгнали варягов, не заплатив дани. Однако разноплеменный союз оказался непрочным и быстро распался.

Усобицы и раздоры, видимо, были результатом не столько межплеменных, сколько внутренних, социальных противоречий. Во всяком случае, и среди словен, и у чуди нашлись «нарочитые мужи», для которых более выгодно было не искать «правду» в спорах и усобицах с соплеменниками, а силой навязывать им удобный для себя порядок — «наряд», как называли на Руси нормы и законы, которые устанавливались княжеской властью.

Именно в поисках такой силы северная русская знать решила обратиться к помощи варяжских дружин. Так родился знаменитый призыв, запечатленный Начальной летописью: «Земля паша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да пойдете княжить и володеть нами».

Предводителями дружин, «призванных» на помощь словенской и чудской знатю, предание называло варяжских князей Рюрика, Трувора и Синеуса. В 862 году они «придоша к словенем первее и срубиша город Ладогу».

Это — первое упоминание Ладоги, старейшего из русских поселений в северных землях. Речь здесь идет не об основании города, а о строительстве в нем княжеской

крепости. Поселение же на Волхове существовало еще задолго до описываемых событий, в конце VIII — начале IX столетия.

Скандинавские викинги стремились на восток к богатым торговым речным путям по Волхову и Волге. Реки Восточной Европы стали в ту эпоху магистралями европейского значения: по ним на Русь и далее на запад, к берегам Балтики и в Скандинавию поступало арабское серебро. Потребность в драгоценном металле в IX—X веках резко возросла. «Злато и серебро», «паволоки и аксамиты» — драгоценные ткани и дорогие одежды были для дружинников и князей вещественным символом их особого, высокого социального положения, социальным отличием формирующегося господствующего класса.

Основой экономики на Руси, в Скандинавии, странах западных славян IX—X веков по-прежнему оставалось натуральное хозяйство. Расцвет городских ремесел в этих местах начался в XI—XII столетиях. Но в более раннее время, в IX—X веках, произошел неожиданный и бурный расцвет своеобразной международной торговли, охватившей огромные пространства — от Прикамья на востоке до Фрисландии на западе, от Скандинавии на севере до Багдада на юге. Торговые отношения этого периода тесно связаны с грабительскими набегами, военными походами. Сплошь и рядом одни и те же дружины выступали то в качестве разбойников и грабителей на речных и морских дорогах, то в виде купцов, сбывающих награбленную добычу.

Дело в том, что предметом торговых связей по-прежнему оставались все те же «злато и серебро, паволоки и аксамиты», предметы роскоши, оружие, украшения, драгоценные металлы, удовлетворявшие все новые потребности многочисленных и алчных дружин. В поиски богатой добычи отправляются в походы воины словен и кривичей, полян и чуди — на востоке Европы, датские, норвежские и шведские викинги — на западе и севере. Торговые, военные и политические интересы норманнов порою тесно переплетались с интересами русских дружин и князей.

Нева и Волхов, Днепр и Волга были своеобразными артериями, по которым растекалась с севера на юг и с востока на запад мощь и энергия этих славянских, чудских, варяжских дружин. Караваны судов, которые были наполнены добычей и товарами, доходили до берегов Каспия и Понта Эвксинского.

Добирались они и до Ладоги и Балтики. Доходили они и дальше — за море, в Швецию, где на озере Мелар возник торговый город викингов Бирка. Появлялись в Польше, в западнославянском порту Волин, в Дании, в которой находился город Хеддебу — центр балтийских связей. В устье Рейна располагался еще один крупный порт IX века — Дорестад. На Волге, Днепре, Волхове в ту пору возникли свои торговые центры IX—X веков: Ладога, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово под Смоленском, Тимерево под Ярославлем — предшественники древнерусских городов, открытые торгово-ремесленные поселения, где на первых порах, независимо от кня-

жеской или племенной власти, сосредоточивались вольные дружины, заморские товары, награбленная добыча.

Но не только богатая добыча была нужна в заморских землях воинственным дружинам. Прежде всего, и славянские князья, и норманнские конунги стремились силой своих дружин сломить сопротивление свободных соплеменников и заставить их платить «дани и оброки, виры и продажи», разнообразные платежи, налоги и выкупы. Бывало, круглый год разъезжали они в сопровождении вооруженных отрядов по селениям. И жители каждого из них обязаны были в течение определенного времени кормить и поить этих нежеланных гостей. На Руси подобный способ «кормления» называли полюдьем, в Скандинавии — вейцла (общественный пир).

Размеры поборов во многом определялись соотношением сил. Если вождю противостояла хорошо вооруженная, отстаивающая свои права община, то время его полюдья было строго ограничено. Так, в одном норвежском селении крестьяне согласились пировать с конунгом лишь один день вместо трех (правда, он и дружинников привел втрое больше положенного). Общеизвестна печальная судьба князя Игоря, попытавшегося дважды за одно лето собрать дань с племени древлян. Они привязали жадного князя за ноги к вершинам двух согнутых деревьев и разорвали его на части. Зато правнук Игоря, Ярослав Мудрый, установил для своих «мужей», взимавших поборы, вполне приемлемые нормы.

Такое положение дел сложилось не сразу. Около двух столетий ушло на то, чтобы из многочисленных и разрозненных вольных дружин сформировался феодальный господствующий класс. Постепенно, шаг за шагом укреплялась великокняжеская власть, ломавшая сопротивление зависимых общин, старой племенной знати, дружинной вольницы. Князья начали строить дерево-земляные, но достаточно мощные крепости, которые контролировали водные пути. Теперь вместо вольных дружин по рекам начинают курсировать княжьи мужи. Их сопровождали вооруженные отряды, которые собирали дани и оброки. Таким образом, реки превратились в своего рода государственные магистрали, по которым осуществлялось непрерывное движение княжеской администрации, сборы податей, управление отдельными областями.

Вскоре возникли и новые опорные пункты молодой государственности, где дружины могли остановиться на отдых, а в случае необходимости — выдержать осаду неприятеля. Здесь стали скапливаться собранные дани, а со временем появляться постоянные княжеские гарнизоны. Такие местные центры — погосты — на Северо-Западе, по рекам Луге и Мсте, впервые упоминаются в летописи 947 года.

Сеть погостов, осуществляющих княжеский контроль над свободными земельно-общинными общинами, означала новый этап в развитии раннефеодального государства. Завоевания, далекие походы за добычей и славой, внешние связи отступили на второй план. Не случайно к началу X века столицей северо-западных русских земель стала не

Ладога с ее развитыми внешними связями, а Новгород, расположенный в глубине племенной области словен ильменских.

Великолепие и мощь Древнерусского государства основой своей имели не богатства торговых гостей, не отвагу грозных дружин, а труд славянских пахарей и лесорубов, бортников и ремесленников. В середине земли словен скапливались «жито и обилье», расцветали «грады и веси». На обжитых и заселенных землях по рекам Луге, Ловати, Шелони, Мсте, Великой сложилось ядро Новгородской державы, с конца IX века важной составной части Киевской Руси. В состав новгородских владений прочно входила вся территория современной Ленинградской области.

Верхняя Русь, как называли в X—XV веках Новгородскую и Псковскую земли, в отличие от Низовской Руси (Киевской, Владимиро-Суздальской, а позднее — Московской) оставалась, говоря современным языком, многонациональным объединением. Наряду со славянами и ославянившимися чудью и весью по окраинам жили племена ижоры, води, корелы. Верхняя Русь была тесно связана со странами Балтийского моря — Финляндией, Швецией, землями Прибалтики, Польшей, Германией, Данией.

Но не только мирные торговые связи выпали на долю северо-западных русских земель. В IX—XI веках словене новгородские успешно защищали свои рубежи от нападений викингов.

Как известно, новгородцы в XI веке, владея Ижорской и Водской областями, покорили и Корелу и Ямь — земли, лежащие на противоположной стороне Невы и Финского залива. Все эти земли составляли особый округ — Водскую пятину (всего в Новгороде было пять пятий: Деревенская, Бежецкая, Обонежская, Водская и Шелонская. В Водской пятине считалось 63 погоста и пять городов).

Сто с лишним лет спустя в восточной Прибалтике начиналась экспансия феодальных государств. Шведские рыцари подчинили Финляндию, попытались овладеть Русской Карелией, угрожали Ладоге. Немецкие крестоносцы, овладев Латвией и Эстонией, устремились к западным рубежам Псковской и Новгородской земель. Между шведами и русскими начались войны, продолжавшиеся в течение многих веков.

В конце XIII века шведские войска вторглись в пределы Новгородской Карелии и завладели почти всей территорией до реки Сестры. Первыми испытали на себе тяжесть шведского ига жители Карельского перешейка.

Но 15 июля 1240 года вблизи впадения реки Ижоры в Неву состоялась знаменитая битва. В ней новгородская дружина под предводительством князя Александра Ярославовича наголову разгромила шведов, попытавшихся захватить устье Невы и город Ладогу, овладеть знаменитым путем «из варяг в греки». Молодой князь, предводитель русских воинов, после этой битвы получил почетное прозвище — Невский.

На какое-то время угроза с северо-запада была отвлечена. Жители Приневской низменности, в том числе и Карельского перешейка, получили возможность мирной

Князь Александр Невский

жизни. Мир этот был, очевидно, важен и для деревень, существовавших на месте нынешнего Всеволожска, ибо всякий конфликт на Неве или Ладоге, расположенных всего в 10–12 верстах отсюда, сразу же сказывался на судьбе местных жителей.

Среди историков, занимающихся русско-шведскими отношениями, господствует мнение, что основной целью экспансии скандинавов были Нева, Ладога, Волхов. Но трудно не заметить, что уже в XIII веке вслед за покорением финских племен на территории современной Финляндии — в Каянской земле и Саволаксе — шведские феодалы начали проявлять настойчивый интерес к Карельскому перешейку, сделав его предметом своих захватнических устремлений.

В 1293 году шведы вторглись в пределы Карелии, на побережье Финского залива, там, где начинается система Вуоксы. Захватив русско-карельское поселение на одном из островов Выборгского залива (тогда еще не называвшегося Выборгским), опекун шведского короля Биргера, риксмаршалк, то есть генерал-фельдмаршал Торкель Кнутсон, построил каменный замок — крепость Выборг. А еще через два года шведы вышли на берег Ладоги у впадения в нее Вуоксы, вновь показав себя заинтересованными в освоении края: захватили карельский острожек и принялись укреплять его, назвав Кексгольмом. Правда, новгородцы вскоре отбили городок, переименовав его в Корелу.

В мае 1300 года шведы предприняли еще одну вылазку. В устье Невы, там, где в нее впадает Охта, была заложена новая крепость Ландскрона («Венец земли»). Незваные гости двинулись было вверх по Неве, но не успели обосноваться на Ореховом острове у истока реки, как со стороны озера прибыл новгородский отряд — 800 воинов на ладьях. Увидев русских, шведы отступили.

Появление на Карельском перешейке «ожерелья» из крепостей: Выборга, Корелы, Ландскроны (позднее названной Ниеншанцем) и в 1323 году крепости на Ореховом острове говорит о том, что борьба здесь шла не только за водные пути, но и непосредственно за Карельский перешеек. Об этом же свидетельствует возведение на пути между Выборгом и Корелой — у порогов на Вуоксе, в 25 километрах юго-западнее Корелы — так называемого Тиверского городка, который, возможно, заложил Валит-корелянин, глава одного из карельских родов.

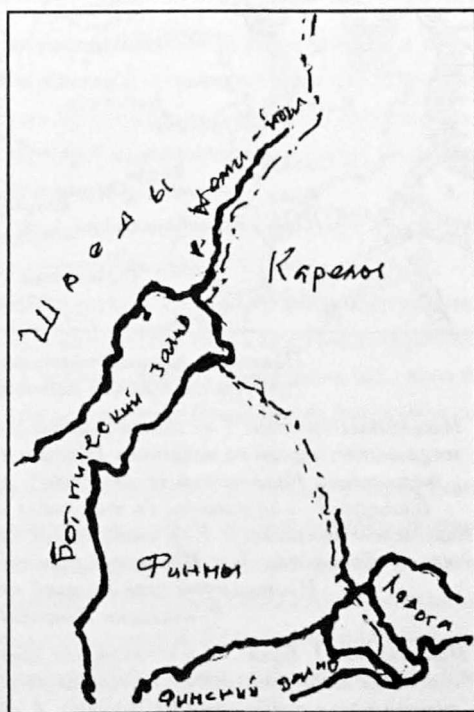
В 1322 году князь Георгий Данилович приступил к Выборгу, но взять его не смог. В следующем году он с дружиной отправился в Водскую пятину. Берега Невы в тех местах, где река вытекает из Ладожского озера, привлекли внимание новгородцев. Здесь в стане Зарецком, на острове Ореховом, они заложили крепость. Она была построена из нескольких домов, срубленных из дерева и обнесенных деревянными стенами, которые прикрывались земляной насыпью (валом) вокруг берегов острова.

Новгородцы удержали за собой свободный путь по этой реке и Финскому заливу, весьма важный для торговли Новгорода с балтийскими портами шведов, датчан и немцев, преградив шведам вход в Ладожское озеро, на берегах которого они нередко разоряли город Ладогу. Встревожившись, шведский король Магнус отправил Георгию послов для переговоров о восстановлении древних пределов между шведскими и новгородскими владениями. В Орехове заключен «вечный» мир в начале сентября 1323 года.

Следовательно, Ореховский договор не только был обращен в будущее, но и заключен на основе старой пошлины — прежних обязательств. Причем не последнее место в нем заняло соглашение о границе, которая была установлена не по Неве, а по реке Сестре и затем, рассекая Карельский перешеек надвое, через озера системы реки Вуоксы уходила на север, в сторону Сайменских озер. Таким образом, река Сестра стала первой межгосударственной границей на севере Руси, а если брать шире, она стала границей между двумя цивилизациями, восточной и западной, и между двумя церквями, православной и католической.

Этот раздел Карельского перешейка свидетельствует о более чем серьезном столкновении интересов обеих сторон. Как показали дальнейшие события, вскоре развернулась ожесточенная борьба за рубежи, а крепость Орешек стала центром пограничной округи. Сюда стекались войска противоборствующих сторон, чтобы решить возникшие споры силой или путем переговоров.

Сказывались на жизни Карельского перешейка и более отдаленные потрясения: вторжения в пределы новгородской земли

Фрагмент схемы древней карты представляет нам участок границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

рыцарей прибалтийских орденов, ведущих борьбу за новые владения под прикрытием религиозных идей, а также монголо-татарские завоевания. Новгородцы, хоть и не были покорены захватчиками, оказывались вовлеченными в орбиту внутривосточных распрей.

Таким образом, помимо земель, Сестра-река разделила жителей Карельского перешейка на два враждующих лагеря, столкновения их из-за владения тем или иным участком угодий решались с помощью оружия. Мирный договор был подписан, но на границе оставались спорные территории. Одним из самых известных в этом отношении пунктов была местность в Кивеннапском приходе (теперь Первомайское), ещё доселе известная у финнов как Риитамаа, то есть спорная земля. Русские, основываясь на древних трактатах, утверждали, что это их законная собственность, но она уже давно была занята шведами, ими возделана и была «коронной землёй» (владением короля).

Причиной споров послужили похожие названия русел: реки Сестры (Сиестар-йоки) и её притока Люблинки (по-фински Сиес-йоки). Это было известно только местным жителям, которые и воспользовались этим для захвата лучших плодородных угодий междуречья. С тех пор все приграничные земли по правому берегу Сестры-реки и стали называться Риитамаа.

Столкновения между новгородцами и жителями шведской Карелии были столь значительны, что приходилось вмешиваться войскам. Не помогло и то, что по распоряжению короля Густава Вазы всех крестьян из приграничных деревень переселили в глубь страны, а на их место прислали жителей центральных районов, «ещё не ведавших разбоя». Но через короткое время всё повторилось сначала.

Всего в XIV—XVI веках пограничные инциденты возникали 44 раза. Наиболее тяжёлым временем для жителей Карельского перешейка был XVI век.

В 1554 году 8000 русских под предводительством боярина Ивана Боровсына, как сказано в шведских известиях, напали на участок Риитамаа и дочиста ограбили все селения. Они отобрали собранный хлеб и прочие запасы; остальное же, чего не могли увезти с собою, сожгли, объявив, что это все произведение земли русской и составляет их собственность.

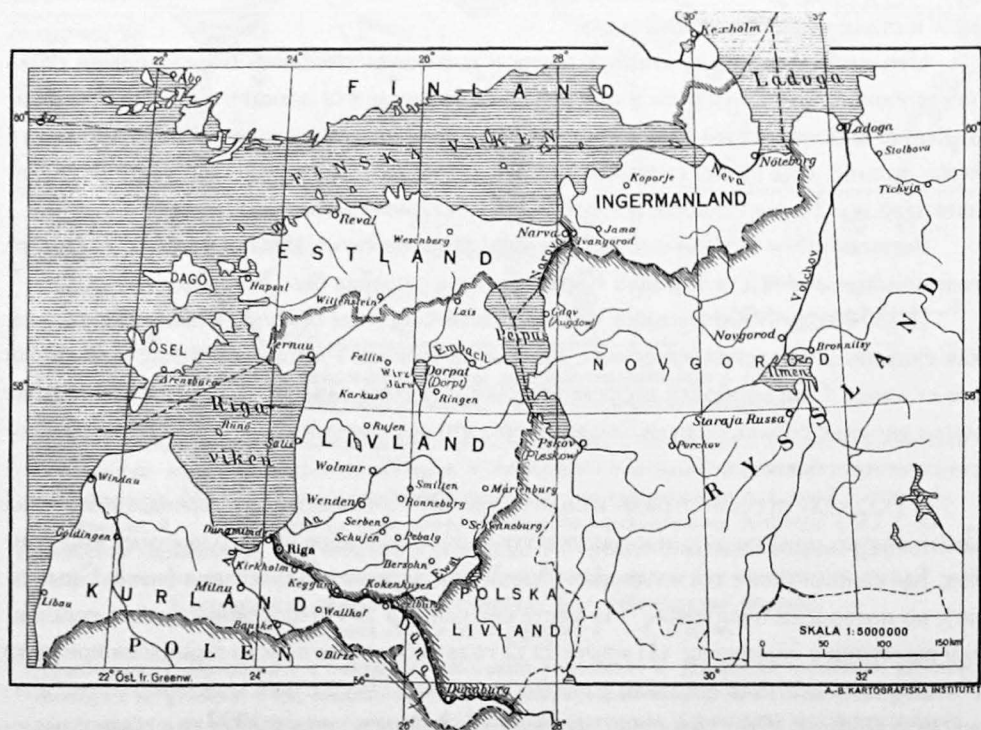
В 1555 году русские отряды в количестве 12000 человек под руководством Ивана Бибикова по приказанию новгородского наместника напали на Кивеннапский приход, где сожгли более сотни дворов и разорили деревню Йоутселькя (ныне Симагино), но потерпели поражение. На месте сражения в 1931 году финнами был установлен памятник с надписью: «11 марта 1555 года небольшое войско гарнизона крепости Кивеннапа и местных крестьян разбило на холмах Йоутселькя многочисленную вражескую армию». Этот памятник пережил две войны и лишь в 1973 году был полностью уничтожен.

Непрерывные раздоры Московского государства с западными соседями, Литвой и Польшей, настраивали шведов на попытки овладеть-таки «кобылкой корелой» и

другими окрестными землями. К этому шведского короля Густава склонял адмирал Багге. Наконец, в 1555 году король решился. В сентябре конные и пешие отряды шведов, опустошив по пути многие селения, среди которых, скорее всего, были и деревни Рябовы, появились под Орешком. Однако князь Ногтев и дворецкий Шереметьев, воспользовавшись нерешительностью врага, совершили вылазку и отбросили шведов, а в январе 1556 года под Выборгом нанесли шведам сокрушительное поражение.

В 1570 году снова начались войны, которые с перерывами продолжались 25 лет. Швеция боролась за господство на Балтийском море и его берегах с Данией, Польшей и, разумеется, с Россией. Русские сосредоточили на юге Карельского перешейка значительное количество войск, от которых пострадали жители приграничных деревень шведской Карелии.

В 1575 году на Сестре-реке между Швецией и Россией было заключено перемирие на два года. Причём русские добились того, что для переговоров шведы прибыли на нашу сторону реки. Несмотря на это, в начале 1578 года шведские отряды вновь вторглись на русскую территорию: резали женщин, детей, старцев, монахов, жгли се-

На этой карте показано распространение шведского владычества в Прибалтийских провинциях в эпоху великодержавия Швеции в XVII в. Как видим, граница с Россией проходит в глубине прежней русской территории, южнее Ладоги.

Из книги: *Sveriges historia till vara dagar*. Stockholm, 1927. Ч.6

ления и грабили монастыри и деревни так, что сам король молил Бога отвратить от него и государства «справедливую кару свою за такое бесчеловечие».

До этого русские на Карельском перешейке совершили два похода на Выборг, — один из Орешка, другой из Корелы, — в 1571–1572 и 1573 годах. Если же говорить вообще о боевых действиях на территории Карелии, то продолжались они до 1582 года.

На крестьянском населении тяготы войны отзывались вдвойне: помимо прямых военных поборов и повинностей, которые приходилось платить, здоровых мужиков забирали в ополчение, составлявшее в то время основную силу русской армии.

Все воинские передвижения как шведских, так и русских войск велись по маршрутам: Выборг — озера системы Вуоксы — Раут — Лемболово — Токсово — Рябово — Колтуши — Березовка — Нотебург (Орешек). Легко представить, как чувствовали себя при этом жители погостов, по территории которых проходили то татарская конница, то шведы. Нелегко приходилось и населению деревень Рябовых. Известно, например, что во время походов 1577–1582 годов шведы выжгли многие деревни в Ореховском и Корельском уездах. Кстати, следует подчеркнуть, что в шведском войске было много наемников из других стран. Они, конечно же, были заинтересованы в военной добыче, а потому безжалостно разоряли все на своем пути...

В 1580 году во главе шведских войск был поставлен выходец из Франции Понтус Делагарди. Сначала он напал на Корелу и 4 ноября 1580 года взял ее, затем, пройдя по побережью Ладожского озера, сооружая гати для подвоза артиллерии к Орешку, вышел к крепости и осадил ее. Именно от этого похода близ Всеволожка — у Кясселева — остались «понтусовы» (Pontuxen Sillat) или «шведские» мосты, остатки которых местные жители показывали еще в начале XX века.

Орешек и на этот раз устоял. Подоспевший с подмогой из Новгорода князь Андрей Шуйский с воеводами князем Василием Ростовским, Судаковым и Хвостовым 8 октября 1580 года успешно отбили натиск шведов. Делагарди был вынужден снять осаду.

Дважды за этот период русские и шведы садились за стол переговоров. В первый раз дело кончилось Плюсским перемирием 1583 года. В другой раз после длительных переговоров в мае 1595 года был заключен мир в Тявзине. В соответствии с договором Корела, Карельский уезд и южная часть Карельского перешейка были возвращены России.

Время было тяжелое. После разгрома Новгорода опричниками в 1570 году местное население было обложено непосильными налогами, для взимания которых подручные Ивана Грозного прибегали к пыткам и казням. Большая часть жителей бывшей новгородской земли оказалась в таком положении. Царь до конца своей жизни неоднократно прибегал к земельным переделам, отнимая поместья у одних и передавая их другим владельцам. Характерно это было и для Карельского перешейка.

Изменение политико-административных границ с XVI по XX в.

Границы: 1 — по Ореховецкому договору 1323 г. между Новгородом и Швецией; между Новгородом (впоследствии Московской Русью) и владениями Ливонского ордена (XV — середина XVI в.); 2 — по Тявзинскому договору 1595 г. между Россией и Швецией; 3 — по Столбовскому договору 1617 г. между Россией и Швецией; 4 — по Ништадтскому договору 1721 г. между Россией и Швецией; 5 — по Выборгскому договору 1609 г. между Россией и Швецией; России и Великого княжества Финляндского (1811-1917 гг.); Финляндии и СССР (1918-1940 гг.); 6 — Эстонии и СССР по Тартускому договору 1920 г. (в 1940-1945 гг. между Эстонской ССР и РСФСР); 7 — Ленинградской обл. и Карело-Финской ССР (1940-1944 гг.); 8 — государственные границы на 1998 г. Населенные пункты: 9 — существующие (в скобках прежние названия); 10 — исчезнувшие; 11 — территория Петербурга в границах до 1997 г. 12 — пограничные знаки. Цифрами на карте обозначены: 1 — р. Сестра; 2 — р. Волчья; 3 — р. Смородинка; 4 — р. Кожица; 5 — р. Вьюн; 6 — р. Нарва; 7 — р. Плюсса; 8 — Эстония.

Примечания: 1. На территории Российской Федерации указаны названия историко-географических областей. 2. Район Сестрорецка в 1811-1864 гг. входил в состав Великого княжества Финляндского.

Но приграничные споры и конфликты были лишь малой толикой тех ужасов и лишений, которые приходилось испытывать населению из-за войн. Страшную картину запустения представляла эта земля на многие версты по обе стороны реки: мызы и деревни выжжены, все пожитки истреблены или разграблены, жители убиты или уведены в неволю, а те, кто, укрывшись в лесах, спаслись от неприятелей, становились жертвами голода и холода.

Шведы, предполагая дальнейшее наступление на юг, построили на Карельском перешейке новые дороги и мосты. Каменные остатки одного из них сохранились севернее поселка Ленинское, а севернее поселка Куоккала (ныне Репино) когда-то было болото Понтуса, названное так потому, что шведы построили здесь дорогу через это болото для перевозки пушек на другую сторону границы.

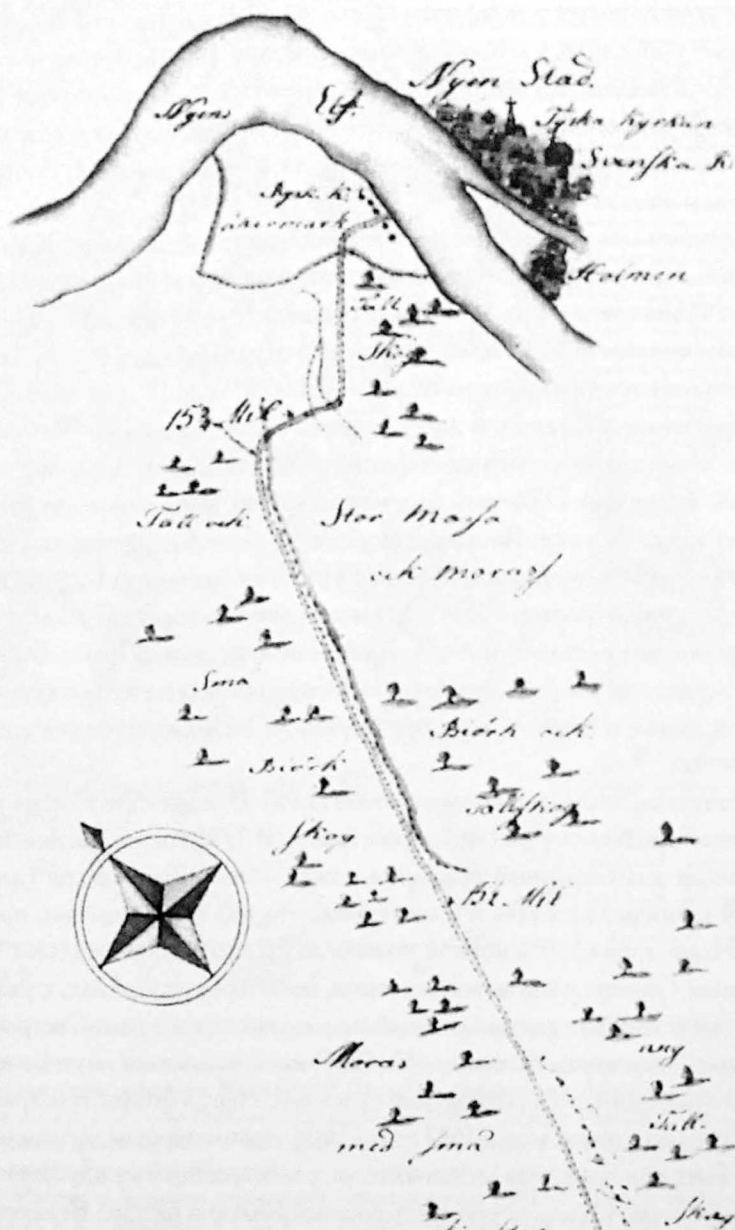
Русские войска не оставались в долгу, периодически нападая на Выборгский и Кексгольмский лены (административно-территориальный округ в Швеции), наконец в 1583 году было заключено Плюсское перемирие, крайне невыгодное для России.

В 1584 году Иван IV умер. Впоследствии центральная российская власть пыталась хоть как-то облегчить положение крестьян в разоренных уездах Карельского перешейка. По жалованной грамоте в 1598 году население Ореховского уезда и некоторых других земель освобождалось от податей, оброков и пошлин на 10 лет. В ряде мест Московского государства разрешалась беспошлинная торговля не только купцам, но и крестьянам — карелам и финнам, если они выражали желание поселиться на освобожденных землях.

Вскоре военные действия вспыхнули с новой силой. В результате России удалось вернуть утраченные на Карельском перешейке земли. В 1595 году в Тывзине под Нарвой был подписан долгожданный мирный договор. Межевая комиссия (для установления новой границы) заседала в Сюстербеке, что для нас интересно, при устье реки Сестры. Новая граница в основном повторяла ту, что была определена Ореховецким договором. Граница помечалась крестами, выбитыми на валунах, с указанием года. Один из таких камней сохранился и сейчас у самого истока реки Сестры.

К сожалению, мир опять был недолгим. В России наступило смутное время, и Швеции удалось захватить весь Карельский перешеек, Неву и отодвинуть границу до реки Луги, что было подтверждено в 1617 году Столбовским мирным договором. Река Сестра, оказавшись под шведским владычеством, стала границей между Выборгским и Нотебургским ленами. Отторгнутую часть бывшей Водской пятины Великого Новгорода шведы именовали Ингерманландией или Ингрией.

Существует гипотеза, согласно которой это название восходит к 1019 году, когда первый крещеный король Швеции Олаф выдал свою дочь Ингигерду (в крещении Анна) замуж за новгородского князя Ярослава Мудрого. В приданое Ингигерда получила Ладугу и Ладожскую волость, где проживало прибалтийско-финское население, на языке которого ее шведское имя звучало несколько иначе, почему эти земли постепенно и стали

Шведское правительство уделяло большое внимание картографированию провинций, приобретенных короной благодаря Столбовскому миру 1617 г. Много карт хранится в стокгольмском Военном архиве, а целых две тысячи землемерных карт Ингерманландии и Кексгольмского лена в 1825 г. были переданы России. На этой рекогносцировочной карте 1688 г. показана сухопутная дорога, идущая через Нотебургский лен от Ниены в юго-западном направлении (стрелка компаса указывает на север). На карте не только указаны точные расстояния между пунктами и дана топографическая информация, но и приведены сведения об особенностях почвы, о кабаках и т. д. Военный архив (Стокгольм)

называть Инкеринмаа (или Инкери), что в переводе на русский язык и означало — «земли Ингигерды». В русском варианте это слово получило другое звучание — «ижора». Шведские завоеватели, не утруждавшие себя изучением местных языков, добавили к непонятному для них слову Инкеринмаа шведское «ланд» - земля. В результате появилось громоздкое «Ингерманланд», которым слово «земля» повторяется дважды в финском и шведском вариантах. Позднее к этой конструкции добавилось русское окончание «ия», традиционно сопровождающее название страны, земли.

Западная граница Ингрии проходила по реке Нарове, восточная по реке Лава, южная — по реке Луге и с севера — по реке Сестре. За Сестрой начиналась Шведская Карелия.

Шведские власти, обязавшиеся по Столбовскому миру соблюдать права православного населения Карельского перешейка, фактически внедряли здесь лютеранские общины. Поэтому постепенно начался исход православного населения (среди которого были карелы, ижора, славяне), не желавшего оставаться под шведским владычеством, в Россию. Всего в XVII веке из Ингерманландии и Приладожской Карелии ушло более 30000 человек. Шведы попытались пригласить немецких колонистов, чтобы заполнить образовавшийся вакуум, но немцев прибыло так мало, что шведы начали переселять в Ингрию карел из восточных районов Финляндии и из западной части Карельского перешейка. Эти карелы и положили начало новому этническому образованию — ингерманладцам или, точнее, ингерманландским финнам.

Смуты в Московии и военные конфликты со Швецией и Польшей нашли прямое отражение в судьбе Ингрии и Карелии.

Взятые в опричнину Новгородский уезд и некоторые другие земли — частично Ореховского и Карельского уездов — пережили все тяготы правления временщиков, управляющих поместьями от имени царя или получивших их во владение на определенный срок.

К началу XVII века отношения между земледельцами и помещиками, крестьянами и властями достигли крайнего напряжения. И шведы, давно уже пытавшиеся овладеть приневскими землями, все это учли. Шведский король Карл IX сначала попытался подкупить русских воевод Корелы, Орешка и Ивангорода, чтобы склонить их к переходу на его сторону. Однако этот замысел не удался. Тогда шведы предложили русскому царю помощь против Польши.

Появление самозванцев еще больше осложнило обстановку, в том числе и в приневском крае. Сидевший в Орешке боярин Михаил Салтыков объявил о своем присоединении к Лжедмитрию II. Так жители деревни Рябово оказались «союзниками» самозванца.

Продолжалось это, правда, недолго: молодой военачальник князь Михаил Скопин-Шуйский, племянник царя, выгнал Салтыкова из Орешка в 1608 году. Он же вступил в переговоры со шведами, рассчитывая на их содействие в борьбе со смутой и оппозицией. Шведы согласились помочь Шуйскому: они выделили 15-тысячный от-

Под воинственным девизом «К оружию, солдаты! Беритесь за оружие, солдаты!» здесь в полном боевом облачении изображен Якоб Делагарди. Гравюра Падта Брюгге.

ряд, который должен был поступить в распоряжение князя. Впрочем, вскоре эту помощь решили сократить. В 1609 году король направил в Россию два отряда наемников — две тысячи конных и три тысячи пеших солдат. В марте они под предводительством Якоба Делагарди выступили из Выборга.

Со дня вступления на русскую землю царь обещал выплачивать войску жалование — по 100 000 ефимков ежемесячно. А князь М. Скопин-Шуйский из своих средств выделил 5 тысяч рублей, которые наемники получили заранее. На русско-шведской границе, у реки Сестры, состоялась их встреча с небольшим отрядом наших соотечественников, возглавляемым воеводой Ододуровым. А затем соединенное войско проследовало через Токсово и Рябово к Орешку.

Скопин-Шуйский рассчитывал вместе с подошедшим подкреплением двинуться к Москве, усилив ее оборону от «тушинского вора». Но наемники, как ни уговаривал их князь, к Москве не пошли, ссылаясь на то, что им не выплатили обещанного жалования. Они повернули к Новгороду и стали бесчинствовать в Ингрии. Затем «похозяйничали» и в Ореховском уезде, а в 1611 году захватили даже Орешек. В 1613 году против наемников восстало местное население в Орешке и Ладого. Под Тихвином Делагарди с отрядом был разбит русским ополчением. Разрозненные группы наемников разбрелись по всему северо-западу Московского государства.

Тем временем князь Михаил Скопин-Шуйский даже без помощи наемников сумел совершить несколько удачных походов. Не случайно М. Скопин-Шуйский стал героем нескольких исторических сказаний и песен, сложенных в XVII веке. Напомним, что то была пора наибольшего обострения классовой борьбы и межгосударственных отношений. Народ устал от бесконечных войн и поборов, жаждал умиротворения, которого могли добиться такие люди, как Михаил Скопин-Шуйский.

Швеция полностью перекрыла выход России к Балтийскому морю. Помимо захваченного ими Орешка, они построили на месте старого поселения новую крепость в устье реки Охты — Ниеншанц и город Ниен, вскоре ставший одним из центров русской торговли. Королевским указом строго разграничивались торговые права между

Так выглядела часть древней крепости Орешек в 1352 г.
С рисунка художника-реставратора
Василия Савкова

Из источников известно, что на реке Сестре были ярмарки и биржи. Одна из них находилась в районе поселка Йоутселькя (теперь Симагино), вероятно, на «Старой русской дороге», теперешнем Выборгском шоссе. Этот тракт в течение многих лет был основной сухопутной дорогой, по которой ещё ганзейские купцы доставляли товары в Новгород.

В 1656 году Россия объявила войну Швеции. Стольник и воевода Петр Потемкин получил предписание со своим отрядом «Идти на свейский рубеж и встать на Варяжское море». Ему следовало овладеть крепостями Кандами и Орешком. Воеводе Пушкину велено было выступить из Олонца и занять Карелию. На гребных судах он переправился через Ладожского озера и подошел к крепости Карела (Кексгольм). Но завладеть этой крепостью, а позднее и Нотебургом русским не удалось. После этого похода и спровоцированного им народного восстания православных карел и русских многие деревни Кексгольмского лена и Ингрии превратились в пепелища, а жителям пришлось обратиться в бегство.

Ниеном и Выборгом, ориентированным на финские, карельские и шведские товары. И тому и другому городу было запрещено торговать на чужой территории.

Но дела Ниена шли настолько успешно, что город начал конкурировать с Выборгом, организовывая в приграничных с ним селениях торговые ярмарки. Одна из них находилась в Сюстербеке. В 1643 году Выборг даже жаловался в Стокгольм: «Ниен дошёл до такой дерзости, что, захватив всю торговлю Кексгольма, торгует уже на границе Выборгского округа, то есть на реке Сестре, чем наносит ему большой ущерб».

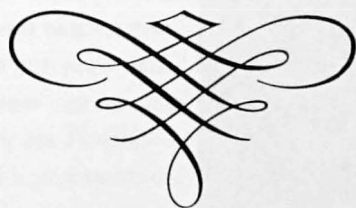
Петр I (1672—1725).
Гравюра Гюнста с портрета
Г.Кнеллера. 1697 г.

Швеция же к этому времени превратилась в могущественное государство, занимающее не только Скандинавию, но и значительную часть Прибалтики, а также других приморских земель, в том числе и низовья реки Эльбы. В этой ведущей европейской державе проживало до трех миллионов человек: шведов, финнов, русских, эстонцев, латышей, немцев, датчан и представителей других национальностей.

Но к концу XVII века в Швеции сложилось весьма тяжелое экономическое положение, вызванное необходимостью содержать огромную армию. Кроме того, несколько неурожайных годов, вызвавших жестокий голод в сельской местности, привели к тому, что в некоторых местах вымирали целые деревни. Сильнее всего это бедствие поразило Восточную Финляндию и Карелию, где столь тяжелое положение даже вызвало голодные бунты. Шведские войска жестоко расправлялись с бунтовщиками. Так, предводитель одного из них — крестьянин из Куркийоки Лаури Килаппа был казнен в Кексгольме.

Заканчивался XVII век, русский престол отвоевал себе молодой, энергичный царь — Петр I. Держава, доставшаяся ему, находилась в тяжелейшем положении. Царь Петр и его новые сподвижники понимали, что первой проблемой является борьба за выходы к морю, без которых Россия существовать не сможет. Но на юге были сильны турки, а на западе — все еще великая Швеция.

**СЕВЕРНАЯ
ВОЙНА
И КАРЕЛЬСКИЙ
ПЕРЕШЕЕК**

Разрешителем вековых споров за Неву, Карелию и Ингрию явился Петр I. После заключения договора в Столбове в 1617 году русские были лишены столь необходимого им водного пути в Европу. Наш товарообмен сильно «стеснялся» у Нарвы и Ниена, где ввозная пошлина зачастую поднималась настолько, что сделки русских торговцев становились убыточными. Например, в 1688-1689 годах через Ниеншанц с огромными затруднениями пропустили груз, среди которого находились лекарства, выписанные для личных надобностей Петра I и его брата Иоанна.

Россия не могла расти и развиваться, не открыв себе путей для торговли и доступа к цивилизации. Этим путем было Балтийское море. Не зря Петр I говорил, что шведы на севере, а турки на юге «со всем светом нам коммуникацию пресекали».

В 1699 году в Москву прибыло шведское посольство с сообщением о вступлении на престол Карла XII. Царь в октябре принял посольство с большой торжественностью, но во время аудиенции напомнил, что комендант Риги, генерал Дальберг, не допустил его, переодетого «Петром Михайловым», осмотреть крепость. Поведение Дальберга Петр I в свое время отметил в протоколе и приберегал его как предлог для войны, но пока обходился крайне радушно со шведским представителем в Москве Книперкроном, чтобы развеять его беспокойство и скрыть свои подготовительные действия.

В июле 1700 года наш посол в Швеции, князь А. Я. Хилков, заявил Карлу XII о непременном желании Петра I получить Нарву или другой приморский пункт на Фин-

Петр I.
Гравюра Е.Чемесова 1759 г.
с оригинала Ж.-М. Натье. 1717 г.

Король шведский Карл XII.
С гравированного портрета Тавже, 1717 года.

Король шведский Карл XII.

С гравированного портрета Тавже, 1717 года

оценил Нарвское дело сам Петр: «И так шведы над нашим войском викторию получили, что есть, бесспорно, но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был; два полка гвардии только были в двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали прочие полки... единым словом сказать, все то дело яко младенческое игранье было: а искусства ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким и неискусными сыскать викторию»².

Пришлось все начинать сначала, и после Нарвского несчастья работа закипела с удвоенной энергией. Северная граница была приведена в «оборонительное» состояние. В кратчайшие сроки была реорганизована и восстановлена армия, началось ее перевооружение, для чего потребовалось даже перелить на пушки церковные колокола. Началось создание российского военного флота. В 1703 году на верфи Лодейного поля спустили на воду шесть фрегатов.

15 июня 1702 года Петр Апраксин выслал на соймах и баркасах отряд в 400 человек под командованием подполковника Островского для «разорения» селений на Кексгольмском берегу. Это была первая военная экспедиция петровских частей по Ладожскому озеру. Около устья реки Ворона отряд Островского встретил небольшую военную эскадру шведов под командованием вице-адмирала Гедена фон

ском заливе. Карл отказал. Узнав об этом ответе, Петр сказал: «Возьму силою, чего добром получить не мог».

19(30) августа 1700 года была объявлена война Швеции «за многие их свейские неправды и нашим царского величества подданным за учиненные обиды, наипаче за главное безчиние, учиненное нашим царского величества великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 году, которое касалось самой нашей царского величества персоны»¹. Новая война стала не просто борьбой за выход к Балтийскому морю, от успеха в этой войне зависело положение Великой Российской державы в Северной Европе.

Однако первая проба сил под Нарвой закончилась неудачей. Армия была разбита, артиллерия потеряна. Лучше других

¹ Бородин М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб. 1910. С. 20

² Бородин М. Указ соч. С. 30

Нумерса. Большая часть шведской команды была занята на берегу грабежом русских деревень. Островский атаковал шведов. Полная неожиданность атаки привела шведов в замешательство, Нумерс поднял паруса и поспешно отступил.

В августе 1702 года полковник Иван Тыртов, согласно донесению П. Апраксина, «ходил на Ладожское озеро «плавным караваном» для промыслу и имел на озере бой со шведскими шхунами, которые отступили к Орешкову».

27 августа отряд И. Тыртова в 1000 человек на 30 баркасах в полный штиль атаковал парусную эскадру вице-адмирала Нумерса, стоявшую на якоре близ Кексгольма. Русским удалось сжечь две шхуны, одну потопить, а две взять в плен и «уменьшить отряд адмирала на 300 человек». К сожалению, сам И. Тыртов в этом бою был убит шведской пулей. Эскадра Нумерса ушла по Неве в Финский залив, а затем в Выборг. Таким образом, Ладожское озеро оказалось в почти полном распоряжении русских.

27 сентября 1702 года, уже во время боевых действий Северной войны, русские войска подошли к крепости и расположились на левом берегу Невы. Через лес от Ладожского озера до Невы прорубили просеку, по которой русские солдаты протасили 50 лодок. Крепость Нотебург была окружена, и Петр I предложил ее коменданту сдать, но получил отказ. 10 суток длилась бомбардировка крепости. 11 октября в два часа ночи русские войска начали штурм. Однако лестницы, сделанные для подъема на крепостные стены, оказались несколько короче, чем нужно. Русские «охотники» (добровольцы), первыми переправившиеся на остров несли серьезные потери. Петр послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда М. М. Голицыну отступить. Голицын ответил посыльному знаменитой фразой: «Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий». Вскоре на помощь штурмующим подошел отряд А. Д. Меншикова, и шведы ударили в барабаны, что означало сдачу крепости.

В конце апреля 1703 года Б. П. Шереметев с 20-тысячным войском двинулся по правому берегу Невы к Ниеншанцу. 26 апреля сюда из Шлиссельбурга прибыл и Петр I с транспортом, доставившим осадную артиллерию.

Русские войска тщательно готовились к штурму: рыли окопы, траншеи, возводили батареи. 30 апреля к коменданту Ниеншанца отправили парламентеров с предложением сдаться. Получив отказ, русские начали артиллерийский обстрел крепости, продолжавшийся всю ночь. 1 мая после ожесточенного и кровопролитного штурма крепость Ниеншанц капитулировала.

В мае того же года на Заячьем острове закладывается Петропавловская крепость и начинается строительство города, который станет будущей столицей. Крепость была построена очень быстро — в четыре летних месяца. Тысячи людей были заняты на постройке укреплений и возведении домов. Землю на валы носили не только в рогожных мешках, но даже в «полах своей одежды».

На взморье в это время покачивались на волнах корабли эскадры Нумерса, а у реки Сестры стоял отряд генерала Крониорта, который, как значилось в первых рус-

ских «Ведомостях», укреплял Карелию и Финляндию. Но эти обстоятельства не смущали Петра I. Вся Европа удивилась столь отважному предпринятию — ведь русский царь начал строительство нового города в то самое время, когда, казалось, что «настоящая война имеет одна занять все его попечение».

Петр старался как можно дольше скрывать от шведов сам факт начала строительства. Сведения о постройке нового города не распространялись, и, встречаясь со шведскими отрядами, превосходившими их в силе, русские отряды неизбежно отступали, чтобы не потерять людей, которые, будучи взяты в плен, могли бы дать противнику сведения о новых укреплениях. На территорию новой крепости никого не пускали. Крестьян с Карельского перешейка, привозивших для продажи свои продукты, останавливали у ворот. Товары отбирались, и продавец ждал уплаты вне крепости.

Петр I прекрасно понимал, что шведы просто так Неву и Финский залив не отдадут, что предстоит долгая изнурительная война, а первые, пусть и блестящие победы — это всего лишь первые победы. С потерей Нотебурга-Орешка (уже ставшего российским Шлиссельбургом) и Ниеншанца шведы теряли контроль над водной системой Ладога-Нева-Финский залив, которая до этой поры служила естественной и легко обороняемой границей с вечным врагом — Россией. Закладка крепости и города в устье Невы сводили на нет все многовековые усилия.

Поэтому Петербург становится важнейшей целью военных усилий шведов. Понимая это, Петр первым наносит удар. В марте 1703 года четырехтысячная русская армия вторглась в пределы шведской Карелии. У деревни Липола (Котово) произошло крупное сражение. Русское войско, среди которого были специально снаряженные лыжные отряды, атаковало державший оборону так называемый «Черный полк» майора Бургхаузена, состоявший из 600 драгун. Шведско-финляндский отряд был почти полностью уничтожен.

Теперь следовало посчитаться с Кронинортом и его отрядом. Шведское командование обвиняло его в бездействии и в том, что он не помог ни Нотебургу, ни Ниеншанцу. Генерал оправдывался слабостью своего отряда и недостатком провианта. Но все-таки вскоре попытался перейти к активным действиям. В июне 1703 года произошла стычка передовых отрядов на карельской границе около Лембола, в результате которой шведы вынудили русских отступить. Затем отряды Кронинорта, подойдя к Лахте, захватили нашу заставу. Около новой крепости забили тревогу.

7 июля Петр I выступил из Петербурга с двумя полками гвардии и с четырьмя драгунскими. В Преображенском и Семеновском полках, которыми командовал генерал Чамберс, находилось около 5000 человек, конные полки состояли из 700-800 всадников. Следовательно, русские насчитывали около 8000 воинов. У шведов насчитывалось около 4000 (по другим данным 6800) человек. Отряд Кронинорта в это время занимал переправу на реке Сестре.

Шведы с удивлением увидели, что русские солдаты шли не с криками, а молча, не разрозненными группами, а в строгом порядке, согласно правилам военного искусства. Русские совершили, по словам историка, «жесткую переправу», так как неприятель, обороняясь, активно стрелял из 13-ти пушек. Несмотря на сильный ружейный и пушечный огонь, русский авангард под командованием драгунского полковника Ренне овладел переправой и отбросил неприятеля, который, видя «наших дерзновение», убрал орудия и стал отступать.

В дневнике боевых операций Петра I по этому поводу отмечено, что «его царское величество от Питербурха ходил с двумя полками гвардии, да с четырьмя драгунскими против генерала шведского Кроннорта, которого у реки Сестры стоящего нашли и, хотя неприятель через переправу жестоко боронился и непрестанно из тринадцати пушек стрелял, однако же, бывший тогда в авангарде полковник драгунской Ренне с драгунами, несмотря на тою жестокую стрельбу, от оною через реку от мосту отбыл и переправою овладели и многих прибили, а с остальными он, Кроннорт, ретировался к Выборху».

Из-за того, что дорога была слишком узкой, в этом бою могли принять участие только драгуны. Пройдя версты две, преследуя противника, они вышли на большую поляну около Йоутсельке, где обнаружили арьергард шведов. Драгуны бросились в атаку на врага, который дал бой «фрунт на фрунт». Когда же за нашей конницей показалась пехота, неприятель скрылся в лесу. Началось преследование, причем, драгуны «зело много порубили, понеже солдат брать живьем не хотели». В этом бою шведов было убито около 1000 человек, наши же потери составили 32 человека убитыми и 115 ранеными.

Естественно, потом потери уточнялись, рождались разные легенды, вплоть до такой, что русская армия насчитывала 25 тысяч человек, а шведов было убито 6000. Официальные же шведские данные о своих потерях таковы: 204 убитыми и 182 ранеными.

Сообщение о сражении на Сестре-реке появилось в столичных «Ведомостях» 18 июля под заголовком «Из новыя крепости Питербурга» — это было первое упоминание в «Ведомостях» о новой стройке на Неве.

Ливонский крестьянин, служивший проводником шведской армии в походе 1700 г. С современной гравюры.

Итогом сражения на Сестре стало то, что Кронинорт со своим отрядом вынужден, был отойти к Выборгу, предполагая, что этот город является целью русского похода. Один из шведских писателей назвал это сражение «завоеванным отступлением».

Возвращаясь после сражения на Сестре в Петербург, Петр I разорил по дороге Валькиасаари и некоторые другие селения. Кронинорт же, опасаясь осады, принялся за укрепление Выборга.

Интересное описание этого боя приводит А. М. Шарымов в книге «Предыстория Петербурга»¹, заимствованное из сочинения Д. Бутурлина «Военные походы россиян в XVIII столетии» с сохранением орфографии источника:

«Петр I, выступив из Петербурга с Гвардейскими полками и 4 полками драгунов, всего 6000 человек, пошел на Систербек.

Шведский авангард под начальством Майора Леона, встреченные Россиянами 9 июля в 7 часов утра, по сию сторону Систербекского дефиле, который лично был защищаем Генералом Кронинортом с корпусом около 4000 человек и 13 пушками. Шведская же кавалерия, по невозможности действия в местах окружающих Систербек, поставлена была далее назад. На местоположении более открытым.

Российский полковник Рене с драгунским полком своим, составлявший авангард, не взирая на сильный огонь Шведов, овладел мостом на реке Сестре, что и понудило Генерала Кронинорта к отступлению, дабы спасти свой обоз и Артиллерию.

Неприятельская пехота постепенно отступала к посту, занимаемому их кавалериею, которая вскоре потом была остановлена Россиянами.

Хотя местоположение здесь было открытее прежнего, но все еще столь тесно, что Россияне принуждены были строиться в 8 линий. Леса, окружавшие оное, были столь густы, что российские драгуны не могли очистить места Гвардейской пехоте, за ними следовавшей; почему она принуждена была оставаться назад, без всякого участия в сражении.

Пользуясь своими выгодами местонахождения, Шведы удержали преследование Русских; а в ночи Кронинорт отступил до Перро, в 16 верстах от Выборга, куда послал большую часть своей пехоты, для работы по укреплению сего города, которому Русские могли угрожать.

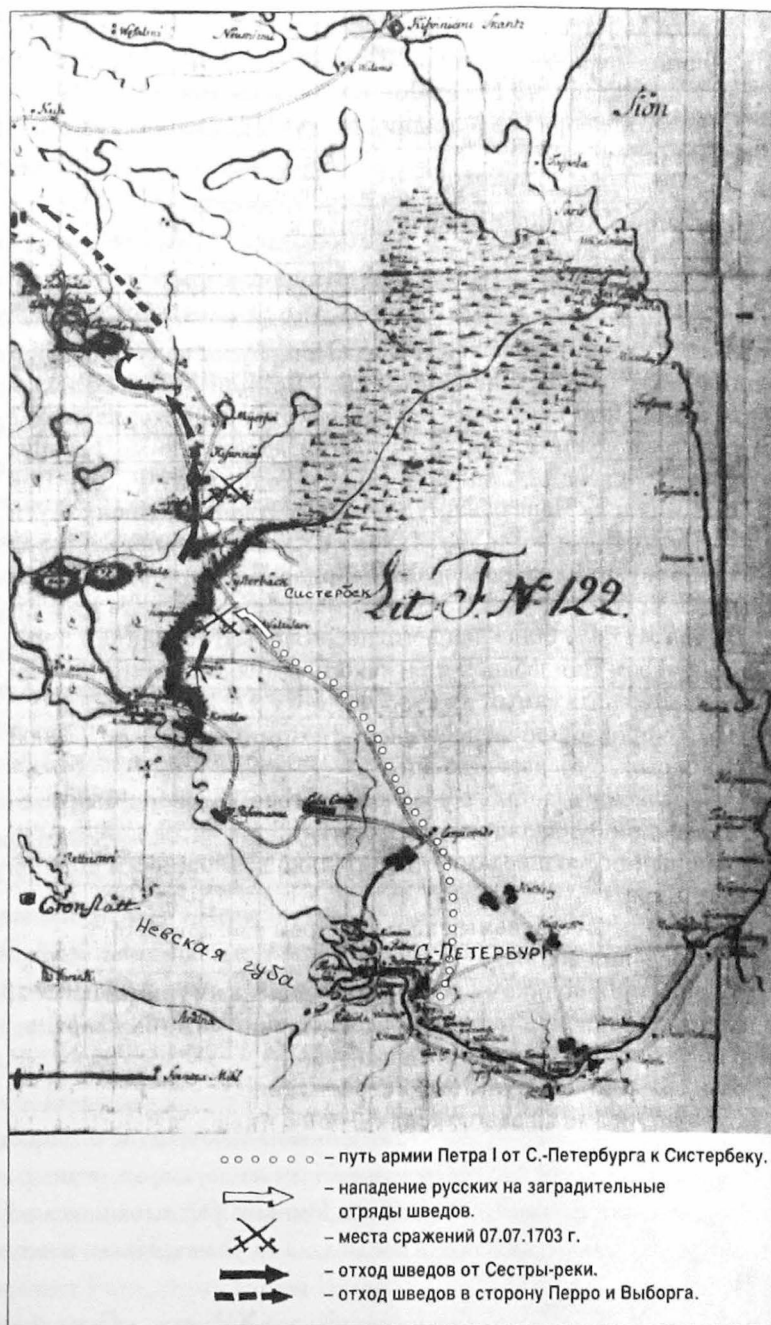
Петр I, желавший только отдалить неприятеля, возвратился в Петербург.

Урон Шведов в сем деле простирался до 400 человек, выбывших из строя.

Россияне потеряли 250 человек.

Дело под Систербеком могло бы иметь самое важное последствие, если б Петр вместо того, чтобы атаковать с фронта, послал к Систербеку только отряд для занятия и сдерживания Шведов, а с главными силами пошел бы на Валкесар (Белоостровскую), где, переправясь через реку Сестру в окрестностях Лудаганде или Маниловой,

¹ А. М. Шарымов «Предыстория Санкт-Петербурга». 2004

Карта-схема сражения при реке Сестре 7 июля 1703 г. (реконструкция А.М.Шарымова). Белыми стрелками обозначено движение российских войск: белые параллелограммы — пехота, черно-белые — конница. Черными стрелками обозначен отход шведской пехоты (черные параллелограммы). Скрещенные мечи указывают на места стычек.

Портрет Александра Репнина

*Генерал-фельдмаршал, Великий Кавалер
Призвания, Императорского Алмазного Ордена
Губернатор и Орденъ, Св. Апостола Андрея,
Св. Александра Невского, Датского Слона
и Польского Святого Ордена Кавалеръ»*

А.И.Репнин (1668—1726).

Генерал-фельдмаршал русской армии.

**Отличился во многих сражениях
Северной войны, в том числе под Полтавой.
Гравюра А.Афанасьева с рисунка Я.Арзунова.
Начало XIX в.**

очередь во многом определило исход Северной войны и дальнейшие успехи России в «прорубании окна в Европу». Однако военные действия на Карельском перешейке на этом не закончились.

Вернувшись в Петербург, Петр занялся другими государственными делами, убедившись из донесения И. Бахметева, что со стороны Финляндии опасность пока не угрожает. На реке Сестре русские устроили заставу из двух драгунских полков, участвовавших в сражении. Гвардия же и дивизия Репнина расположились в Петербурге. Эскадра Нумерса до глубокой осени наблюдала за устьем Невы, а затем ушла на зимовку в Выборг.

Вскоре генерал Крониорт по разрешению Карла XII уехал в Гельсингфорс и там в конце 1703 года умер. Его место занял генерал-поручик Георгий Иоганн Майдель, сопровождавший Карла XII в его походах и неоднократно отличившийся в сражениях. В Швеции новое назначение Майделя не вызвало особого энтузиазма.

зашел в тыл Кронгиорту, который потеряв сообщение с Выборгом, нашелся бы принужден положить оружие».

А.М.Шарымов считает, что Бутурлин неточно указывает «местоположение Систербекка, то есть лесной биржи, полагая, видимо, что она располагалась на месте нынешнего Сестрорецка» и что Систербек находился на пересечении нынешнего Восточно-Выборгского шоссе с рекой Сестрой. И в подтверждение своих слов приводит карту со своими пометками. Правда, не указывая, откуда она заимствована. Нам кажется, что окончательный ответ на вопрос, где произошел бой с частями Крониорта, еще не найден.

По мнению А.М.Шарымова, это, казалось бы, незначительное сражение впоследствии сыграло важную роль в истории. Он называет сражение при реке Сестре главным событием июля 1703 года, поскольку именно оно обеспечило спокойное и быстрое развитие корабельного дела и строительство первоначальной Санкт-Петербургской крепости, успешно завершённое в течение ближайших месяцев. Это в свою

Общее мнение было таково, что дело может поправить один только король, он «увяз в Польше».

Генерал Майдель, прибыв в Выборг, нашел, что солдаты недостаточно подготовлены в военном отношении, и начал обучение войск. В это время русские отряды произвели несколько вылазок. Так, по льду русские пришли в Ваммельсу и напали на шведский караул, у Новой Кирки нападавшие опустошили дом пастора, из Куолема-ярви увели несколько человек, на лыжах доходили до ближайших шхер Финского залива. В свою очередь Майдель совершил несколько нападений на окрестности Петербурга, но они ни к чему не привели. Силы шведов были слишком незначительны.

10 февраля 1704 года небольшой шведский отряд подошел к нашим пограничным караулам и взял в плен четырех человек. 27 февраля петербургский комендант полковник Ренне с конницей и пехотой в количестве 2300 человек двинулся по направлению к Выборгу, отесняя в глубь Карельского перешейка попадавшие ему на пути шведские заставы. Встретились русским частям и значительные силы Майделя, но дело ограничилось стычками передовых отрядов.

20 марта 1704 года гвардия, Ингерманландский полк и дивизия князя Репнина, погрузившись на суда, отправились по Неве в поход на Карелу. Однако поход не состоялся, так как были получены известия о прибытии шведов к Нарве. Часть войск пришлось отправить на запад.

В мае 1704 года отряды Майделя подходили к Петербургу, их остановил огонь русской артиллерии. Недостаток фуража вынудил шведов отойти к Валькеасаари (Белоостров). Кроме того, Нева была серьезным препятствием для сухопутного войска. В конце концов, Майдель убедился в необходимости действовать совместно с флотом. Летом 1704 года шведские войска под командованием Майделя и шведский флот вице-адмирала де Пруа предприняли наступление на Петербург, имея еще и дополнительную задачу — отвлечь русские силы от Нарвы. На суда было посажено 1000 человек, 3000 Майдель повел сухим путем².

Комендант Петербурга Роман Виллимович Брюс, узнав о тесной связи, поддерживаемой между эскадрой де Пруа и отрядами генерала Майделя, распорядился от-

*Яков Вилимович Брюс.
С портрета, принадлежащего графу
Ю.И.Стенбоку.*

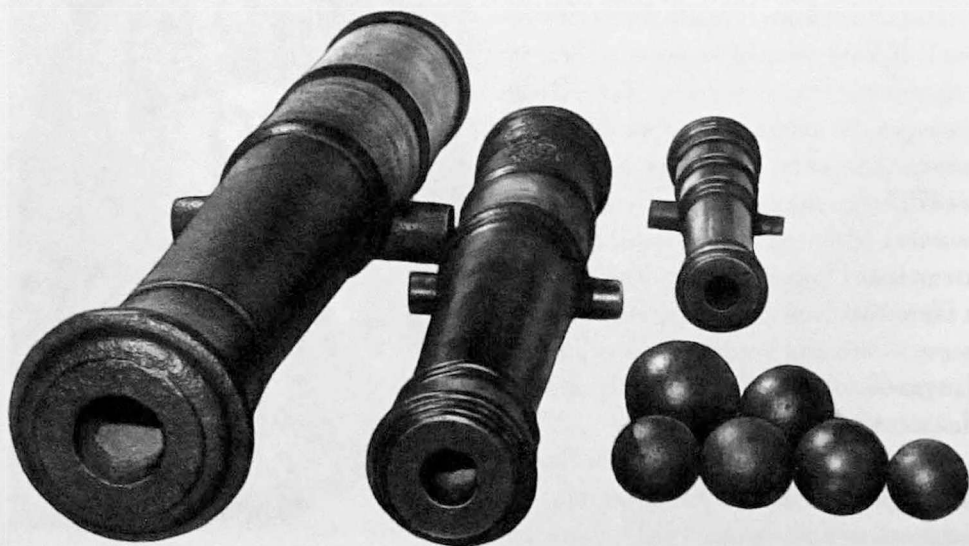
² Бородин М. Указ. соч. С. 62

править по Выборгской дороге отряд разведчиков, состоявший из 2000 казаков-запорожцев и татар. Русские и шведские авангарды встретились у Черной речки. Наша кавалерия «сбила» шведов, захватив несколько пленных. Но у Каменной Кирки, не доезжая 8-ми верст до реки Сестры, русские войска были встречены сильным артиллерийским огнем шведов. Коннице пришлось отступить под прикрытие укреплений Петербурга. Во время этого отступления татары убили всех пленных шведов.

В ночь на 12 июля Р.В.Брюс приказал севернее Петропавловской крепости на нынешней Петроградской стороне срочно насыпать «линию... с батареями», на которые «довольное число пушек поставить». В то же утро русские канониры увидели шведские передовые части генерала Майделя. Он приказал поставить артиллерию против позиции Брюса и начал ее обстрел. Русские пушкарки отвечали активным огнем. Перестрелка продолжалась в течение четырех часов. О потерях историк не упоминает.

Прекратив огонь, отряды Майделя отступили по той же дороге. По шведским источникам, «Майдель дошел до Петербурга 13 июля, но противный ветер воспрепятствовал прибытию флота, а попытка переправы через широкую и быструю Неву не удалась генералу, почему он и вынужден был вернуться».

24 июля Р.Брюс писал А.Д.Меншикову о том, что конный разъезд из 20-ти астраханцев, посланный на разведку, привез известие о нахождении шведских отрядов Майделя за рекой Сестрой, через которую все мосты «порублены и разметаны». Но опасения шведов пока еще были напрасны. Русские не имели столько войск, чтобы начать серьезное наступление.

*Стволы и ядра русских пушек.
Начало XVIII в. Чугун, бронза, литье.*

В самом начале августа 1704 года генерал Майдель решил закрепиться в устье Охты, на месте уничтоженного Ниеншанца. Он приблизился к Неве и расположился в лесу «засадами». И тут же отправил Брюсу барабанщика с письмом, содержащим требование сдачи Петербургской крепости. Брюс отправил следующий ответ: «Не угодно ли господину генерал-поручику удалиться в свою землю, а меня таким писанием пощадить». 6 августа шведы начали готовиться к переправе через Неву, но уже через два дня, 9 августа, отступили по Корельской (Кексгольмской) дороге. Майдель был поражен быстрым ростом Петербурга и предсказал городу большое будущее.

Шведские войска появились под Петербургом только через год. За это время русская армия добилась внушительных успехов. 13 июля 1704 года после продолжительной осады был взят Дерпт (Юрьев), в августе взяты штурмом Нарва и Ивангород. Как писал один из историков, памятуя неудачу 1700 года, этим была отчасти залечена старая рана. В 1704 году условия были уже совсем другими. В одном из писем Петр I писал: «Где четыре года назад тому Господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагою в три четверти часа получили»³.

Летом 1705 года шведский флот несколько раз подходил к Котлину и даже пытался атаковать, но «жаркий» огонь русских береговых батарей и артиллерии кораблей каждый раз заставлял шведов отступать.

В то время пока русские отбивались от атак шведского флота, генерал Майдель во главе четырехтысячного войска опять решил попробовать удачи у Санкт-Петербурга. На этот раз он снова согласовал свои действия с командующим шведским флотом. Об этом русские узнали от пленных шведов, которые рассказали, что генерал Майдель «был у адмирала Анкаршерна на корабле, где они согласились, чтобы адмиралу флотом овладеть островом Котлин и эскадру российскую разорить, а генерал Майдель, пришед к Петербургу, оным овладеть же и учинить им между собой коммуникацию».

Однако этим намерениям шведов сбыться не удалось. Атаковать укрепления Петербургской крепости шведский генерал не решился и ограничился тем, что 4 июня

Солдатское оружие русской армии: шпага, мушкетеры, ручная мортирка, палаши, штык, багинет. Начало XVIII в. Сталь, дерево.

³ Бородин М. Указ. Соч. С. 64

*Первоначальный вид Петербурга и Кронштадта.
С современной гравюры Боденера.*

1705 года выслал на Каменный остров 1000 человек пехоты и 900 конницы. Неприятель сжег здесь три деревни и ушел обратно в сторону реки Сестры.

23 июня шведы предприняли новую атаку. На лодках их отряды переплывались на Каменный остров, но русская артиллерия мощным огнем заставила шведов отступить. Затем шведы перешли к Ниеншанцу. Оставив здесь один отряд, Майдель двинулся к Шлиссельбургу. Узнав об этом, вице-адмирал К.Крюйс выслал в Неву два судна. На них русская конница и пехотинцы поднялась вверх по реке. Высадившись на правый берег, они обнаружили шведские части. Завязался бой, в результате которого шведам пришлось отступить.

Еще некоторое время шведские отряды «бродили» около Невы, иногда случались и мелкие стычки с русскими частями. В целом шведы ничего не добились и к концу лета ушли в Выборг. Тем не менее, «демонстрация» Майделя имела определенный эффект. В Петербурге забеспокоились, и Петр повелел отправить в Ингерманландию дополнительные войска из внутренних губерний. Пленных шведов разослали по городам «в крепкие места».

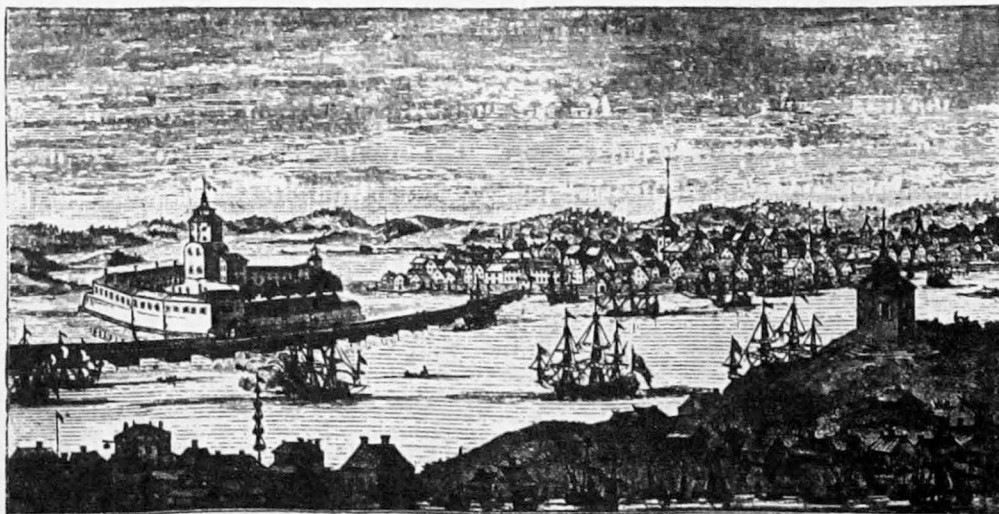
В следующем, 1706 году, шведские отряды в количестве 2000 человек под командованием того же генерала Майделя снова появились у Санкт-Петербурга. Они подошли к Охте, разграбили несколько деревень и 1 августа ушли в сторону Выборга.

Эти постоянные «беспокойства», причинявшиеся новой столице и Котлину, показывали, что «Ингрия колебалась в руках». К.Крюйс настойчиво советовал Петру взять Выборг, разорить город и срыть крепость до основания. То же самое следовало сделать с Кексгольмом. По мнению К. Крюйса, это не только лишало шведов возможно-

сти действовать в приграничных с Россией финляндских областях, но и в значительной степени подорвало бы финансы Швеции, так как от одних так называемых «соляных отпусков» из восточной Финляндии шведское королевство получало доход свыше 800000 ефимков в год.

В 1706 году основные силы шведской армии покинули Ингерманландию и направились в Саксонию. Петр I решил воспользоваться благоприятной ситуацией. Он решил захватить важнейший опорный пункт Швеции — крепость Выборг. К Петербургу стали стягиваться русские войска. 4 октября 1706 года русские части общей численностью около 20000 человек (13000 солдат пехоты, 5000 — регулярной кавалерии и 2000 — казаков) вышли в поход. Вечером 7 октября войска подошли к Сестре-реке. На следующее утро началась переправа, была она довольно сложной: после неё для «соборания и отдыха» войска простояли весь следующий день и двинулись в сторону Выборга. Однако в составе русских войск было слишком мало артиллерии и, кроме того, отсутствовала поддержка флота. Поэтому эта попытка взять штурмом Выборгскую крепость кончилась неудачей.

В Российском государственном архиве военно-морского флота хранится «Чертеж дороги от С.-Петербурга до Выборга, сделанный для лагерного расположения войск в ходе экспедиции на Выборг, сентября месяца 1706 года». Однако на чертеже нет ни дороги, даже самого Карельского перешейка. Изображены Петербургская (Петропавловская) крепость, а также прибрежные части Городового (Петербургского) и Адмиралтейского островов и Стрелка Васильевского острова. Но можно предположить, что прежде чем выйти в этот поход на предполагаемом пути следования войск была проведена тщательная разведка.

Вид замка в Выборге в 1708 году.

С весьма редкой шведской гравюры Дальберга, находящейся в собрании П.Я. Дашкова.

Одним из эпизодов штурма Выборга в 1706 году стал бой русской абордажной команды под командованием сержанта гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка М.Щепотьева. В начале октября командующий войсками, осаждавшими Выборг, Ф.А. Апраксин получил донесение о том, что в Выборгском заливе у острова Тупоран-сари стоят на якоре купеческие суда с грузом для выборгского гарнизона. В ночь на 12 октября команда добровольцев, состоявшая из 52 человек (среди них были два-унтер-офицера: Н. Сенявин и Е.Скворцов, ставшие впоследствии известными русскими вице-адмиралами), на пяти рыбацких лодках отправилась на поиски противника. Однако вместо купеческих судов русские солдаты обнаружили одномачтовый военный корабль. Как выяснилось позднее, это был шведский конвойный бот «Эсперн» с экипажем в количестве 108 человек. Несмотря на такое неравенство сил, преображенцы решили атаковать шведов. Вахта на «Эсперне» слишком поздно обнаружила наши лодки. Первыми на шведский корабль поднялись сержант М.Щепотьев и бомбардир А.Дубасов. Шведы потеряли убитыми в рукопашном бою пять офицеров и 73 нижних чина. Остальных русские заперли в трюме. Победа русским досталась дорогой ценой — 34 гренадера были убиты, в том числе и сержант М.Щепотьев, и лишь четверо из оставшихся в живых не получили ран.

Унтер-офицеры Н.Сенявин, П.Скворцов с трудом привели захваченный бот в расположение наших войск. За мужество и героизм государь произвел в офицеры оставшихся в живых участников этого боя и сам повязал каждому из них офицерские шарфы. Трофеи составили: корабль с четырьмя пушками и большим числом зарядов, 57 фузей, 53 шпаги, пистолеты, боевые топоры и кортики. Часть трофеев была сдана в Арсенал, а впоследствии боевые топоры попали в Морской музей.

Потом была знаменитая победа под Полтавой. На рассвете 27 июня русские войска в количестве 42000 человек встретили атаку 30-ти тысячной шведской армии. С большими потерями главным силам шведов удалось прорваться через линию русских редутов. Правый фланг противника оказался под ударом со стороны русского лагеря. Наши артиллеристы открыли сильный огонь по шведам, и им пришлось отступить к Будищенскому лесу.

После этого Петр I решил дать бой на открытой местности. Он вывел войска из лагеря и выстроил их в две линии. Конница разместилась на флангах. Построив полки для решительной атаки, Петр обратился к войскам с речью: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за Отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали... А о Петре ведайте, что ему жизнь недорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!»

В девятом часу противник перешел в наступление. Русские войска с близкого расстояния открыли сильный артиллерийский и ружейный огонь, наносивший шведам

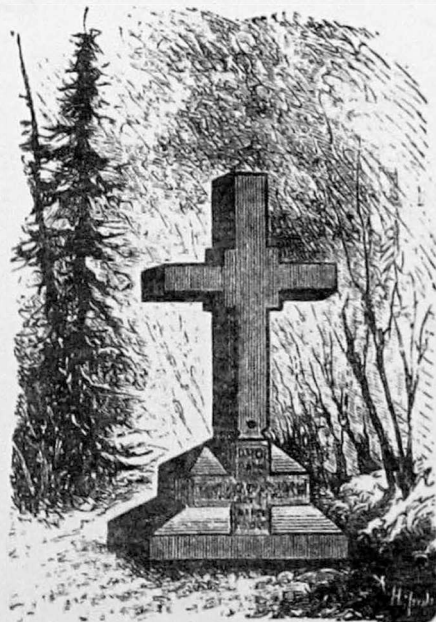
большой урон. Однако они продолжали атаку, настойчиво стремясь прорвать фронт русских войск. Началась рукопашная схватка. Правое крыло шведов стало теснить передовой порядок Новгородского полка. Первая линия русских войск была прорвана. В это время Петр I лично повел в бой батальон второй линии Новгородского полка. Стремительным ударом русские войска смяли прорвавшегося противника и закрыли прорыв. Ожесточенный рукопашный бой шел по всему фронту. Конные полки под командованием А. Д. Меншикова, сосредоточенные на левом фланге, стали угрожать тылу шведской армии. Противник дрогнул, начал отступать и вскоре обратился в беспорядочное бегство. К 11 часам знаменитая Полтавская битва завершилась блестящей победой русской армии.

Шведы потеряли в Полтавском сражении убитыми 9234 солдат и офицеров, 19000 пленными, в том числе весь генералитет шведской армии. Королю Карлу XII удалось бежать в Турцию. Могущество шведской армии было существенным образом подорвано. Победа русских войск под Полтавой во многом предопределила победоносный исход Северной войны

В следующем, 1710 году, состоялся второй поход на Выборг. Русские отряды под командованием Ф. М. Апраксина совершили труднейший поход по льду Финского залива от острова Котлин к стенам Выборга. Как только Выборгский залив очистился ото льда, сюда прибыли корабли русского флота, доставившие мощные артиллерийские орудия. С их помощью была проведена мощная бомбардировка крепости, что дало России возможность основательно укрепить свои позиции на Балтике, создать флот, который уже не давал возможности атаковать новую столицу с моря.

Тем не менее, военные действия продолжались и не только на суше, но и на море. В 1714 году русский флот одержал выдающуюся победу в Гангутском сражении, а в 1720-м — в Гренгамском.

30 августа 1721 года в Ништадте был подписан долгожданный мирный договор. Между сторонами устанавливался «вечный истинный и нерушимый мир на земле и на воде» (А.С.Корх). Швеция уступала России Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгским округом, города Рига,

*Памятник русским воинам,
убитым в Гангутском сражении.*

Пернов, Ревель, Дерпт, Нарва, острова Эзель и Даго и другие прибрежные территории.

Условия Ништадтского мира отвечали интересам России. Она получала возможность наладить культурное, экономическое и политическое общение со странами Запада, многие из которых в свою очередь были заинтересованы в развитии экономических, в особенности, торговых связей с Россией. Одним из главных итогов Северной войны стало возвращение России берегов Балтийского моря.

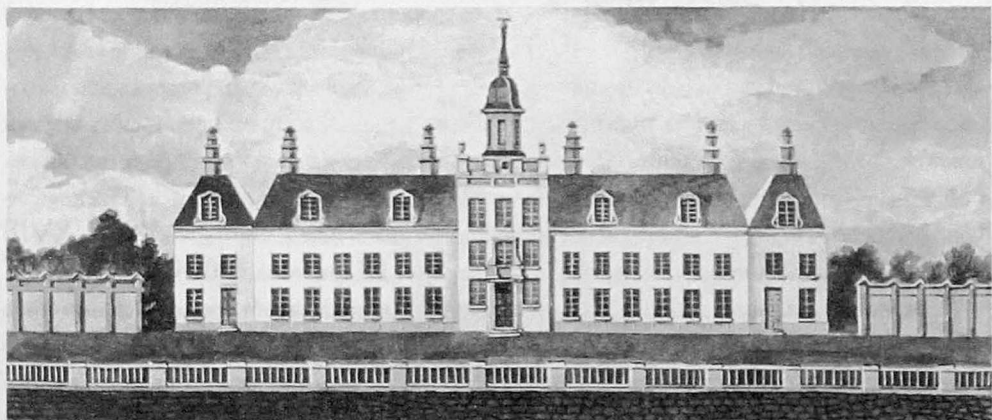
**СЕСТРОРЕЦКИЕ
ДУБКИ.
ВЕК XVIII**

Сестрорецкие «Дубки» - это уникальный памятник. Парк давно имеет *статус исторического и культурного памятника*. К этому следовало бы добавить, что в силу природных особенностей территории парка он объективно заслуживает и статуса *памятника природы*, но это отдельная тема, которую надо обсуждать в другом контексте. Что же касается историко-культурной значимости «Дубков», то она зафиксирована в ряде документов.

1. В официальном справочнике «*Памятники истории и культуры Ленинграда, состоящие под государственной охраной*», изданном в 1985 г., Сестрорецкий парк «Дубки» с водоемами и историческими сооружениями значится под номером 72. В этом справочнике создание загородной резиденции Петра I датируется 1719-1725 годами, планировка парка и регулярного («Голландского») сада — 1723-1725 гг. В качестве автора проекта указан архитектор Стефан ван Звитен.

2. Советом ЮНЕСКО 17 октября 1989 г. парк «Дубки» включен в *список объектов Всемирного наследия* по номинации «Исторический центр Петербурга и его пригороды», и сессия ЮНЕСКО, проходившая 7-12 декабря 1990 г. в Банфе (Канада), приняла соответствующее решение.

Одна из неудачных попыток реконструировать дворец Петра I в Дубках. Нарушены пропорции башни, вместо галерей изображены глухие заборы. Рисунок неизвестного художника начала XX века

3. Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 г. парк «Дубки» включен в *перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения* по разделу III — памятники градостроительства и архитектуры и в перечне по Петербургу (всего 35 позиций) числится под номером 25.

Начало истории «Дубков»

Датой рождения «Дубков», как и рождения Сестрорецка, следует считать 20 сентября 1714 года. В этот день Петр I осматривал после Гангутской виктории возвращенные России земли на северном берегу Финского залива. Здесь он заметил недалеко от устья судоходной тогда Сестры длинный мыс с дубовой рощей на нём. Там он и повелел построить свою резиденцию, позже названную Дальними или Сестрорецкими Дубками. Она стала самой северной на Балтийских берегах, самой «морской», самой «голландской» из петровских резиденций и последней по времени создания.

То, что «Дубки» зародились в год «морского перелома» в Северной войне — не случайно, так же как и то, что их последующий расцвет был приурочен к победе в этой войне.

В сентябре 1714-го состоялось всего лишь волеизъявление Петра: иметь здесь, в дубовой роще, увеселительный дворец (хотя акта волеизъявления оказалось достаточно, чтобы потомки именно с него начали летосчисление самому городу Сестрорецка!). Едва ли тогда было что-то построено, разве что очередной «попутный домик» Петра (его биографы говорили, что в каждом понравившемся ему месте царь рубил себе избу). До расцвета резиденции и до пуска Сестрорецкого завода тогда оставалось еще ровно десять лет, до возникновения селения Сестрорецк — несколько десятилетий, до приобретения Сестрорецком статуса *города* — два века. Напомним, что название «Сестрорецкий завод» (а на картах XVIII в. — «Сестрорецкие заводы», во множественном числе) означало не «завод в городе (селении) Сестрорецк», а «завод на реке Сестре». Завод был первичен, а возникшее при нем поселение вторично. Оно появилось благодаря заводу практически на пустом месте. Упомянутый еще с петровских времен шведский топоним *Сестербек* был названием не поселения, а реки, и представлял собой всего лишь шведский вариант финского названия Сиестарийоки и русского — Сестры-реки. Об этом свидетельствуют сохранившиеся шведские карты XVII-XVIII вв. и архивные данные, приведенные в книге А.М.Шарымова (2004).

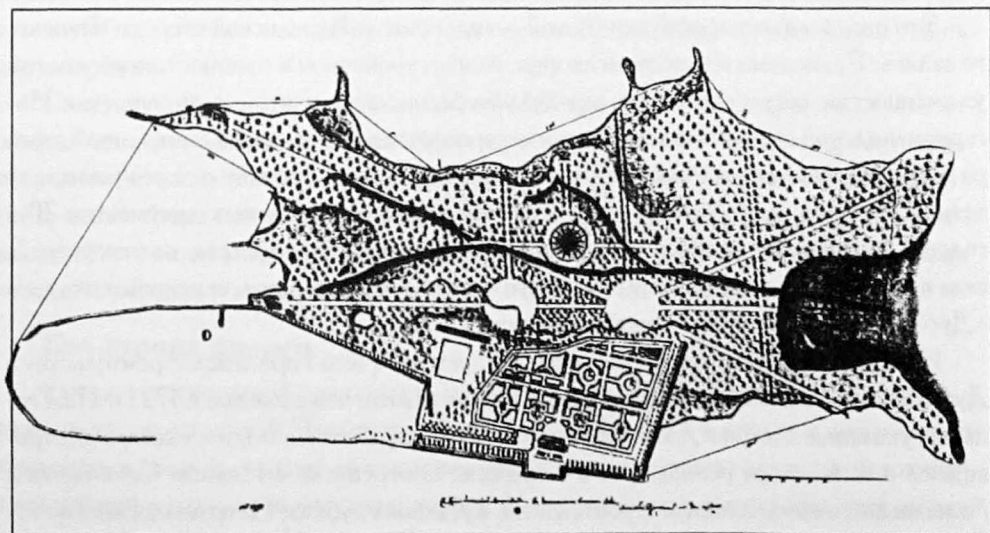
Название *Дальние дубки* новая резиденция получила, чтобы ее можно отличить от двух других петровских «Дубков» на северном берегу залива: от тех, что были у Лисьего Носа и стали называться *Старыми* (Средними) и от тех, что вскоре появились у Лахты (*Новых*, или Ближних). Дальние дубки были особенно удобны при тех частых поездках, которые Петр I совершал в Кронштадтскую крепость и на завод, строившийся на реке Сестре.

«Дубки» Петра-царя

Начиная с 1714 года, в Дальних дубках постоянно шли различного рода работы. Они начались с того, что была привезена так называемая «черная земля» и саженцы деревьев. Затем при личном участии Петра были проведены посадки дуба и других пород в роще, заложен и обустроен сад («огород») с использованием привозной земли, построены оранжереи, различные строения хозяйственного назначения, гавань с окружавшей её дамбой.

Для самого Петра последовательно строились деревянные хоромы, именовавшиеся в документах XVIII века дворцами (кстати, дворцом назывался тогда и известный всем домик Петра на Петровской набережной в Петербурге). Их было два: *старый*, «первоначальный» у гавани и *новый* на не сохранившейся северо-западной оконечности Дубовского мыса. Царь часто бывал в Дубках, иногда вместе с Екатериной. Камер-фурьерские журналы 1720 года пестрят упоминаниями о том, что Петр «размечал место под огород» или «обедал в одних Дубках и поехал ночевать в другие».

Можно также догадываться, что эти посещения не были чисто утилитарными: Петр просто полюбил места у Дубовской косы. Здесь все было так, как нравилось ему: и море с трех сторон узкого мыса, с которого видно чуть ли не всё отвоеванное у шведа побережье залива, и любимые со времен подмосковного детства дубы, которых так немного близ северной столицы, и взлелеянный собственной рукою сад. И то главное, что в 1714 году привело сюда Петра, а теперь

Генеральный план усадьбы Дальние дубки. Проект. 1722 г.
Показана западная часть Дубовской косы с регулярным (Голландским) садом, аллеями, дамбой гавани и несколькими зданиями, но еще без главного строения — каменного дворца с башнями и галереями

требовало неустанной заботы — нарождающийся у местных руд оружейный завод; и, наконец, близость год от года мужавшей крепости в Кронштадте, откуда с западным, попутным ветром до Дубков можно было добежать под парусом за каких-то полчаса.

Примечательно, что 31 августа 1721 года именно *на пути в Дальние дубки*, куда Петр I спешил морем из Кронштадта, он встретил судно с гонцом, везущим с севера весть о заключении *Ништадского мира*, о победоносном завершении многолетней Северной войны со Швецией за выход к Балтийскому морю! Начался новый этап в жизни России и Петербурга.

«Дубки» императора Петра

С окончанием в 1721 году Северной войны начался новый этап и в жизни Дальнедубковской усадьбы Петра, — теперь уже резиденции императора Петра Великого. Изменился ее статус и функции. Если раньше Дальние дубки были по существу «приватным» имением царя Петра для его личного отдыха и приятной работы в саду, местом увеселения в кругу ближних сподвижников, уютным привалом в частых деловых поездках на строящийся завод или в Кронштадт, то теперь Дубки стали приобретать черты парадности и официальности. Политическая ситуация в Европе после 1721 года позволяла России активно осваивать северное побережье Финского залива и в то же время, очевидно, побуждала акцентировать каждый шаг такого освоения. Дубковская резиденция была подобна знамени, водруженному на отвоеванной земле.

Это определило высокий ранг новой резиденции на Карельской стороне Финского залива. Размерами и красотою дворца, благоустройством и пышностью убранства, ухоженностью регулярного сада она должна была соперничать с резиденциями Ингерманландской стороны, в том числе и петергофскими, прославляя символикой декора победоносную мощь России. (Гордое словосочетание «противу петергофских», то есть не хуже их, примененное к Дубкам, мы находим в архивных документах 20-х годов XVIII века по крайней мере дважды: в высказываниях Петра о планах устройства в «Дубках» фонтанов, а по смерти его — в указах Екатерины, пекущейся о судьбе «Дубков» — последней петровой «обновки»).

Из многих документов того времени следует, что Петр I придавал строительству в Дубках весьма большое значение. Достаточно сказать, что дважды, в 1721 и 1722 годах по указанию Петра в Дубки были переброшены работные люди и мастера из строящейся в те же годы резиденции в Стрельне. В переписке с Иваном Семеновичем Алмазовым, возглавлявшим строительство в Дальних дубках, Петр неоднократно торопил его со сроками завершения дворца. По-видимому, Петру I необходимо было как можно скорее демонстративно утвердиться, «ногою твердой встать при море» на Карельской стороне.

Начало строительства императорской резиденции

Прежде всего, был составлен *Генеральный план усадьбы*. Этот план — проектный чертеж, он хранится в Эрмитаже, его формат приблизительно 120 на 53 см. Масштаб его, по нашим подсчетам, около 12 м в 1 см (на самом плане масштаб не указан). Под чертежом имеется надпись: «Сия копия с плана Дубков, который подписан рукою его Императорского Величества, сходна» и подпись архитектора С. ван Звитена. План датирован мартом 1722 года. Очевидно, создание плана на местности, со всеми измерениями углов и линий произошло не позднее осени 1721 года, то есть сразу после окончания Северной войны. На чертеже изображена западная часть Дубовского мыса, где показана гавань, окруженная дугообразной искусственной дамбой; роцца, прорезанная аллеями (или просеками); регулярный сад. В саду четко обозначены аллеи, пруды с партерами вокруг них, каналы (те самые, что сохранились до наших дней!), а также газоны, шпалеры (полосы подстриженных кустарников), скульптуры и фонтаны. На плане изображены также постройки: оранжерея, мелкие строения хозяйственного назначения, садовые павильоны и, наконец, здания, которые можно идентифицировать как возможные жилища Петра — от первого «попутного домика» до небольшого деревянного дворца. По различиям в характере начертания разных объектов можно заключить, что некоторые из них, изображенные очень обстоятельно, являлись предметами собственно проектирования (например, все детали регулярного сада, подпорная стенка насыпной дворцовой террасы). Другие объекты, показанные схематично, «криво-косо», уже существовали в момент составления плана (хозяйственные постройки), и надо было просто показать, что они находятся там-то и там-то. План не раз публиковался разными авторами.

Следует подчеркнуть, что на генплане 1722 года *еще не показано то здание каменного дворца с галереями и башней, которое через два года станет ядром дворцово-паркового ансамбля и символом резиденции* на тогдашних картах. А на том месте, где суждено будет подняться дворцу, показано совсем другое строение, небольшое и простоватого вида; академик И. Э. Грабарь назвал его «ящиком с окнами». По-видимому, это первоначальный вариант дворца, отвергнутый Петром.

Кто строил дворец

Строительство новой резиденции на совершенно плоском (как в Голландии!), в отличие от окрестностей Петергофа, берегу давало Петру I и повод, и возможность воплотить в ансамбле еще не до конца реализованную любовь к голландской архитектуре и вообще голландскому стилю жизни. Недаром именно в эти годы, уже по возвращении из поездок по Италии и Франции, он пишет своему обучающемуся за границей «пенсионеру» (стипендиату, стажеру) И. К. Коробову, будущему строителю Адмиралтейства, что не во Франции и Италии нужно учиться русскому архитектору.

Надо жить в Голландии, изучать фундаменты, пропорции садов («огородов») и шлюзному делу обучаться. «Надо поучиться украшать огороды лесом и всякими фигурами, чего нигде столько хорошева нет как в Голландии, и я ничего так не требую, как сего». В письме же к российскому послу в Голландии Б. И. Куракину в 1718 году Петр I приказывает *нанять и прислать в Петербург голландского архитектора*. Очевидно, исполняя именно этот приказ, Куракин в ноябре 1720 года принимает на русскую службу молодого Стефана ван Звитена (Фанзвитена), который становится единственным тогда в России архитектором-голландцем.

Не случайно именно его Петр привлекает к созданию проекта дворца в Дальних дубках. Дело, наверно, было не в том, что главного зодчего, молодого француза Леблон уже не было в живых, что знаменитый швейцарец Трезини по горло был занят возвращением ансамбля Двенадцати коллегий, что итальянец Микетти и русский Земцов завершали в Петергофе леблоновы замыслы, и только «второстепенный Фанзвитен» оказался под рукой. Нет, дело скорее в том, что в другой постройке, созданной год назад голландским дебютантом на острове возле Екатерингофа — Подзорном дворце с его башней, шпилем, видовой площадкой на крыше («якобы некая абсерватория морская быть могла») — увиделось Петру нечто такое, чего ему не хватало в любимом Монплезире. Монплезир, небольшой дворец в Петергофе, был задуман Петром как сугубо голландская постройка. Но, должно быть, немец Браунштейн, француз Леблон, итальянец Микетти не совсем по-голландски реализовали тот царский замысел.

Свежая голландская кровь должна была влиться в жилы нового северного проекта, чтобы Петр смог получить свое «новое удовольствие» — свой новый, «дубковский» Монплезир. Но судьбу архитектора и его творений в России нельзя назвать удачной. Ни одна из его построек не сохранилась, а сам он в 1727 году, после переноса Петром II столицы в Москву был, подобно многим иностранцам, уволен и выслан на родину. Дальнейшая судьба его нам не известна.

Кроме ван Звитена в создании Дальнедубковской резиденции участвовал фламандец Франсуа де Вааль, палатный мастер, исполнитель чертежей по ван-Звитенским проектам. Ему не раз поручали завершать строительство по проектам ван Звитена, когда того «перебрасывали» на новый объект. Де Вааль также вплотную занимался созданием регулярного сада в Дубках. Петру I нравился голландский стиль рисунков и чертежей де Вааля, он предлагал фламандцу взять в обучение детей каменщиков. Но позже историки искусства сочли его чертежи неумелыми, претенциозными. Как сказали бы теперь, он старался «сделать красиво» и иногда к изображениям фасадов зданий добавлял от себя детали, отсутствовавшие в проекте. Поэтому теперь, сравнивая *проектные* де Ваалевские чертежи дворца в Дубках с изображением *реально* построенного здания, сделанным другим мастером, и видя в нем некоторую простоватость, мы должны понимать: различия отчасти могут быть связаны с тем, что у де Вааля было просто «красивше нарисовано».

Известны и другие имена создателей дворца и сада. Это садовник швед *Олаф Удельфельт*; штукатурных и лепных дел мастера *Антонио Квадри* (знаменитый своими работами в Петергофе) и *Семен Борисов*; столярный мастер (француз?) *Мишель*; шпичных (от слова шпич, или шпиль) и кровельных дел мастер голландец *Гарман ван Болес* (тот, что возводил в Петербурге шпиль первоначальной Петропавловской крепости); кровельных дел мастер *Константин Генекрей*; плотники *Федор Нивин*, *Ефрем Колпаков*, *Михаил Албанов*, *Матвей Боклинов*. А еще трудилось там великое множество безвестных работных людей и солдат.

Руководил же строительством капитан *Иван Семенович Алмазов*, занимавший в те годы и другой ответственный пост — судьи Канцелярии городских дел.

Ход строительства каменного дворца

Петр поручил ван Звитену составить проект каменного дворца в мае 1722 года. Готовый проект был подписан Петром в январе 1723 года. Еще до этого Петр уточнил и место возведения дворца, оставив прямо на чертеже Генплана-1722 своеобразный автограф-директиву. Внутри кареобразного выступа подпорной стенки, вплотную к ее краю, чья-то уверенная рука (его рука, кто же другой посмел бы!) карандашом начертала овал, как бы приказывая: вот где должен стоять дворец! А не там, дальше от берега, где первоначально указал проектировщик. Это согласуется с письменным указанием Петра руководителю строительства И. С. Алмазову, отданным в 1722 году: строить так, «чтоб галереи встали по даму», т.е. по дамбе, по кромке насыпной террасы.

Таким образом, в Дальних дубках Петр был верен своей обычной, отмеченной многими историками, привычке *активно участвовать в проектировании и реализации проектов своих резиденций*. Рассматривая чертеж генплана 1722 года, мы можем найти еще один пример такого активного участия. Очень интересной деталью на чертеже является крупное *одиночное дерево* в северо-восточном углу регулярного сада. Оно изображено «индивидуально» — детальнее и крупнее, чем условные значки деревьев, заполняющие контур рощи или ряды в аллеях, на этом дереве прорисованы сучья. Очевидно, волею самого Петра I (едва ли кто-то еще посмел бы это сделать!) вопреки законам устройства регулярных садов, где всё подстрижено и всё по линейке, было сохранено это большое дерево, скорее всего дуб, — за красоту, мощь, хорошую тень. Возможно, что именно ради этого дерева аллея была оставлена несколько более широкой и в отличие от других аллей не имела второго ряда шпалер.

Весной 1722 года начались работы по генплану. 21 апреля последовал Указ Петра о направлении работных людей, занятых на земляных работах, из Стрельны в Дубки. Тогда же туда начинают поступать строительные материалы, инструменты для сада (садовые ножницы, посадочный материал, саженцы яблони, груши, ильм и «буксбом» для шпалер регулярного сада. Поражает объем работ по прочистке рощи, потребовавший только одних «топоров новых 500 штук».

В конце 1722 года Петр корректирует план работ на следующий год. В январе 1723 года он утвердил проект каменного дворца, и уже весной того же года был готов фундамент, началось возведение кирпичных стен. При этом обнаружился внеплановый расход кирпича в количестве 172 тысяч штук. Алмазов получил наказ отделать палаты хотя бы наполовину, «чтобы жить можно», и доделать галереи дворца.

Примерно на рубеже 1723 и 1724 года И.С. Алмазовым был представлен развернутый рапорт о проделанной работе. Были закончены гавань, дамба которой была укреплена и поднята в высоту на три венца, «хоромы» (дворец), пристань, «сажелка на камне» (возможно, беседка в море), новая большая галерея, цветники, бассейны, аллеи в Голландском саду. Продолжались работы по достройке последней защитной дамбы, облицовке камнем каналов и бассейнов.

В марте 1724 года были закончены штукатурные работы в восьми больших и восьми малых палатах дворца по рисункам Антона Квадри, а также работы в цветниках и бассейнах.

Следует отметить, что основным источником финансирования строительства служил так называемый соляной сбор. Из того же соляного сбора выплачивалось жалованье солдатам, которые принимали участие в строительстве наряду с работными людьми.

Таким образом, строительство дворца — завершающего компонента и ядра парково-архитектурного ансамбля Дубков, — началось весной 1723 года, когда был заложен фундамент. Оно было практически окончено в конце августа 1724 года, когда состоялась, выражаясь современным языком, «презентация» дворца.

Каким был дворец

Дворец представлял собой протяженное (около 180 метров вместе с деревянными галереями) двухэтажное кирпичное здание на каменном фундаменте (это были валуны, скрепленные известково-песчаным раствором, вскрытые разрезами археологов в 1993 и 2004 годах), вытянувшееся вдоль южной стороны Дубовского мыса, укрепленное деревом и камнем. Крышу здания венчала восьмигранная башня со шпилем, который мог вздымать императорский штандарт на 100-футовую высоту (около 30 метров). С башни Дубковского дворца можно было видеть широкую панораму Финского залива, ограниченную слева, то есть с юга, выступом Лисьего носа, справа, на западе — стрелкой Дубовской косы.

До постройки форта Тотлебен оставалось еще почти два века, так что вид на западе не был ничем заслонен. Хорошо просматривался остров Котлин с молодым Кронштадтом и весь северный фарватер впереди и позади него с бегущими в обе стороны парусами. В ясную погоду Петергоф четко рисовался на фоне Гостилицких высот, а левее высилась Воронья гора. По существу Дубковский дворец был еще лучшей «морской обсерваторией», чем сам Подзорный дворец. Башня Дубковского дворца стала его эмблемой на географических картах второй четверти XVIII века.

Здание отличалось благородной ясностью линий, соразмерностью всех своих частей, удачно гармонировало с ландшафтом. Благодаря этому единству с ландшафтом, динамичной линии фасада, контуру крыши и, конечно, изящной башенке, возвышавшейся над плоской, как в Голландии, равниной, создавался эффект большой декоративности здания, хотя его стены были лишены каких бы то ни было украшений. Южным своим фасадом, сверкавшим тремя десятками больших окон, раскрывавшихся тоже на «голландский манер» (верхняя половинка рамы откидывалась внутрь) обратилось оно к морю, а северным — к регулярному (Голландскому) саду. Весь облик здания был рассчитан на восприятие именно с моря, на фоне зелени регулярного сада и угадываемой за ним дубовой рощи.

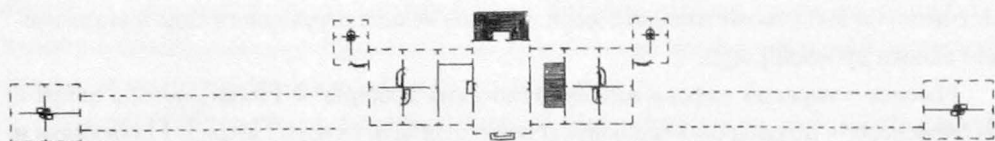
Именно «морской пафос» ван Звитеновских дворцов — Подзорного, а затем и Дубковского — должен был особенно хорошо отвечать вкусам Петра I. Подзорный и Дубковский дворцы были похожи, но первый можно все-таки считать черновиком, пробным опытом, а второй — вершиной. Используя элементы голландской архитектуры и собственный четырехлетний опыт работы в России, ван Звитен создает здесь, в Дальних дубках, свою лебединую песню. Ему удалось достигнуть соразмерности всех частей ансамбля в целом: морского берега, облагороженного укрепленной стенкой, дворцовой постройки с выразительной вертикалью башни, широко раскинувшимися над морем галереями, а также сада и рощи, служивших задником, фоном для дворца.

Общая площадь дворца составляла, по нашим подсчетам, около 1000 кв. метров. В нем было запланировано свыше 30 покоев разного размера (от 10-15 до 170 кв. метров), что предопределяло и разнообразное их назначение. Во дворце вполне можно было разместить весь набор помещений, присущий престижным европейским дворцам того времени: ассамблейные и пиршественные залы, парадные гостиные и спальни, кабинет, курительные комнаты, библиотеку и др. Наверняка, как и в других дворцах, у Петра I здесь тоже была мастерская. Известно, что во дворце была домовая церковь, куда из Троицкой церкви в Петербурге был передан образ Святого Николая.

Комнаты дворца сообщались друг с другом, образуя две анфиладные оси вдоль всей длины здания, что также было характерно для европейских построек. Рядом с ассамблейным залом находилась поварня с огромной печью-плитой. По проекту все помещения (по крайней мере, на первом этаже) были *отапливаемыми*: предусматривались печи, каминные или их сочетания, в то время бывшие модной новинкой. Такие сочетания были запланированы и в павильонах-люстгаузах на концах галерей, в каждом из них было по четыре комнаты. Всё это доказывает, что выражение «*летний дворец*» по отношению к дворцу в Дальних дубках неточно, это был *теплый дом*. Известно, что Петр нередко останавливался в Дубках зимой и поздней осенью. И его последнее посещение дворца, закончившееся печально знаменитым штормом у Лахты, усугубившим болезнь Петра, состоялось 2 ноября 1724 г., а по новому стилю это соответствовало уже середине ноября, предзимью.

Общий вид Дальнедубковского дворца с юга, со стороны моря. Проект. Архитектор Стефан ван Звитен, чертеж Франсуа де Вааля. 1722 г.

Дальнедубковский дворец. План 1-го этажа Проект. 1722 г.

Если сопоставить проектные чертежи дворца, выполненные «палатным мастером» Ф. де Ваалем по проекту С. ван Звитена с так называемыми фиксационными чертежами, изображающими уже готовую постройку, можно видеть, что они различались только в деталях. Иными словами, дворец был построен по проекту ван Звитена, но в процессе строительства были внесены изменения, отчасти, возможно, продиктованные соображениями экономии, а главное — делавшие здание более теплым и удобным для проживания.

В реально построенном здании отсутствовал третий этаж, показанный на проекте и на символических изображениях дворца на тогдашних картах. Но возможно, что он и не проектировался, а изображенный на рисунке третий ярус окон был лишь верхним ярусом в так называемом двухсветном, «двухэтажном» зале. Было изменено также расположение главных входов, усовершенствована конструкция открытых галерей, что делало их более защищенными от дождя и ветра.

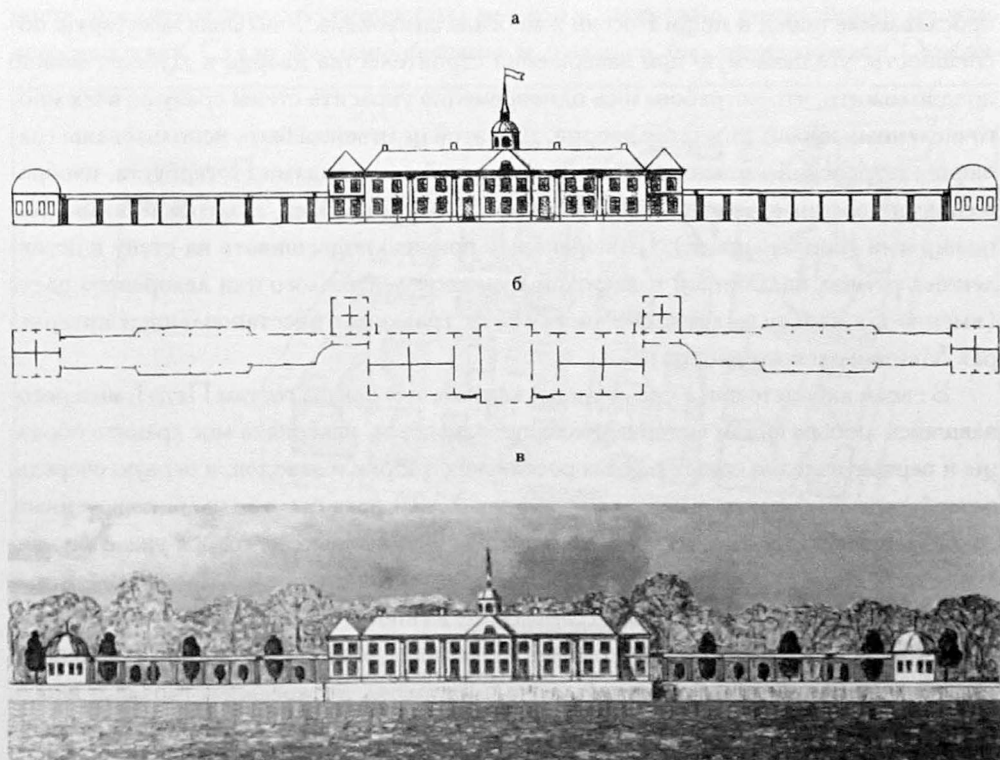
Прямых данных о внутреннем убранстве дворца немного. Эти сведения известны из ордера на «раскулачивание» дворца в послепетровское время. 30 мая 1727 года, менее чем через месяц после смерти

Екатерина I (1684—1727). Гравюра Я.Хубракена 1724 г. с оригинала К.Моора 1717 г.

Екатерины I, князем А. Д Меншиковым — регентом при малолетнем императоре был составлен ордер, содержащий указ Петра II об утрате Дубками статуса царской резиденции и о вывозе всего ценного из дворца и сада. Вскоре, 1 июля того же года, Канцелярия от строений прислала специальную бригаду из шестнадцати работных людей и матросов «на трех больших шхерботах» для изъятия из дворца полов, панелей, дверей, оконниц, печей, мебели, драпировки, а из сада — деревьев ценных пород (их тогда только переписали и оставили до осени, до сезона пересадок) и «машины, что на пруду стояла». Машину и деревья предписывалось передать в Петергоф. А все остальное — в строящийся дворец Петра II. Вскоре зеркала, драпировки и мебель передали в Гофинтендантскую контору, а иконостас и все церковные принадлежности были пожертвованы в Петропавловскую церковь при Сестрорецком заводе.

Из этого следует, что перечисленные предметы дворцового интерьера имели значительную материальную и, очевидно, художественную ценность. Полы, декоративные панели, двери были выполнены лучшими мастерами из ценных пород дерева. Печи были облицованы модными тогда изразцами (простые кирпичные печи вряд ли стали бы выламывать и везти морем).

Дворец в Дальних дубках. Фиксационный чертеж и план. Копия Петра Дружинина. 1748 г.
а — фасад, б — план, в — коллаж с фасадом и рисунком его местоположения

Косвенно о художественной отделке дворца можно судить и по тому, что в ней принимал участие Антонио Квадри, известный своими лепными и другими отделочными работами в Петергофе.

О том, как выглядели покои Дальнедубковского дворца, можно приблизительно судить по воссозданным или уцелевшим интерьерам сохранившихся дворцов первой четверти XVIII века — Летнего и Меншиковского в Петербурге, Монплезира в Петергофе, а также старой, «лебловской» части Большого Петергофского дворца, построенной при Петре I. Сравнительно недавняя реконструкция их интерьеров и декора выполнена на исключительно высоком научно-историческом и художественном уровне, и потому они могут служить в качестве моделей-аналогов для воображаемого или материального воссоздания интерьера и декора Дубковского дворца.

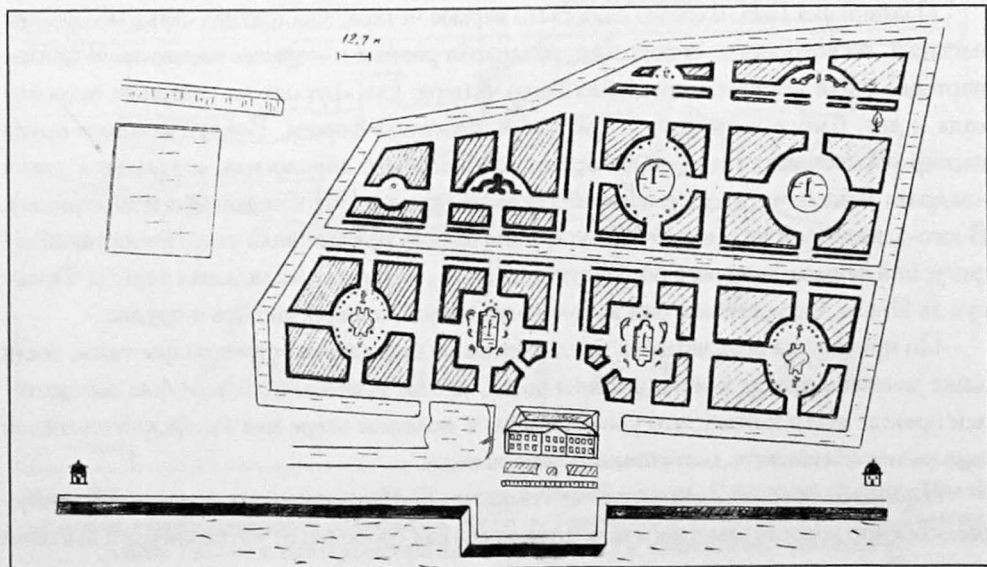
Дубковский дворец был дворцом такого же ранга. В нем должны были быть богато убранные, каминами обогретые, на «голландский манер» украшенные, обставленные достойной императорского дворца мебелью покои, библиотека, картинная галерея, парадные комнаты, где висели бы шпалеры уже от своей новой фабрики, пусть с нехитрым поначалу узором, зато с клеймом «РІ» — царя Петра инициалом. Тематика декора была, очевидно, такой же, как и в других дворцах той поры, — прославление побед и мощи России и морская символика. Учитывая некоторую поспешность, угадываемую при завершении строительства дворца в Дубках, можно предположить, что потребовалось одновременно украсить стены сразу во всех многочисленных жилых комнатах дворца. Для этой цели могли быть использованы гравюры Петровской «грыдоровальной мастерской» — с видами Петербурга, изображениями морских сражений, «портретами» славных кораблей, аллегорическими композициями (конклюзиями). Гравюры было принято подвешивать на стену в остекленных рамках на длинной и широкой муаровой ленте алого или лазоревого цвета (именно так наряду с картинами висят сейчас гравюры в восстановленных интерьерах Меншиковского дворца).

В своем кабинете или в специальной комнате для показа гостям Петр I, интересовавшийся любым видом материального производства, наверняка мог хранить образцы и первые изделия самых разных российских фабрик и заводов, в первую очередь, петербургских. А таких в начале 20-х годов XVIII века было немало: кожевенные, солодовенные, сахарные, горшечные, каменные, пороховые, не говоря уже о множестве кирпичных. И, конечно же, существовал еще один завод, чья продукция непременно должна была красоваться на самом виду в гипотетической Дубковской коллекции Петра I, а может быть, и украшать стены парадных комнат — новорожденный Сестрорецкий оружейный завод. Клинки и багинеты, корабельные гвозди и якоря, тончайшая проволока, так поразившая воображение польского дипломата, и пробы пороха — все это уже было реальностью в первую осень новопостроенного дворца и в последнюю осень Петра.

Давая оценку дворцу в Дальних дубках, хочется процитировать слова, сказанные знатоками про другой любимый Петром дворец — голландский домик Монплезир. «Сходство с интерьерами и фасадами зданий на полотнах голландских мастеров несколько не затмевает значение приморского петровского дворца как уникального памятника русской архитектуры, прекрасного образца раннего барокко, в котором воплощены представления передовых людей того времени о рациональном, удобном и вместе с тем художественно оформленном жилище образованного человека». Теперь мы знаем, что эти слова с полным правом могут быть отнесены и к Дубковскому дворцу.

Голландский сад

Это свое название неправильный четырехугольник регулярного сада — по существу остров, окруженный каналом, — получил благодаря определенному типу пересечения аллей (под прямым углом, в отличие от радиального типа пересечения, характерного для французских садов), расположению партеров, газонов, подстриженных деревьев. На площади чуть более 3 га создателям проекта удалось достигнуть большого разнообразия в оформлении сада и в то же время продемонстрировать пластичность, продиктованную особенностями рельефа и, возможно, пожеланиями державного заказчика. Сад не был однообразным и, очевидно, был очень наряден. Особен-

Деталь Генерального плана-1722 — Голландский сад.

Скальковано О.Растворовой. Косой штриховкой показаны контуры, закрашенные на оригинале зеленым цветом (газоны, буленгринь), горизонтальной прерывистой — голубым (каналы, пруды), утолщенной линией — полосы шпалер.

Аллеи вокруг сада здесь не показаны.

Отрезок в верхней части рисунка (12,7 м) на оригинале равен 1 см.

но красивая панорама должна была открываться с полукруглой возвышенной площадки перед северным входом во дворец, откуда можно было одновременно видеть: прямо перед собой — перспективу осевой аллеи с угадывающимися пересечениями двух каналов, замыкаемую высокими деревьями рощи, а справа и слева, через оставленные в шпалерах просветы — фонтаны, цветники, скульптуры. С этой точки не могла быть заметна асимметрия сада, и он должен был восприниматься как воплощение правильности, гармонии и порядка на Земле.

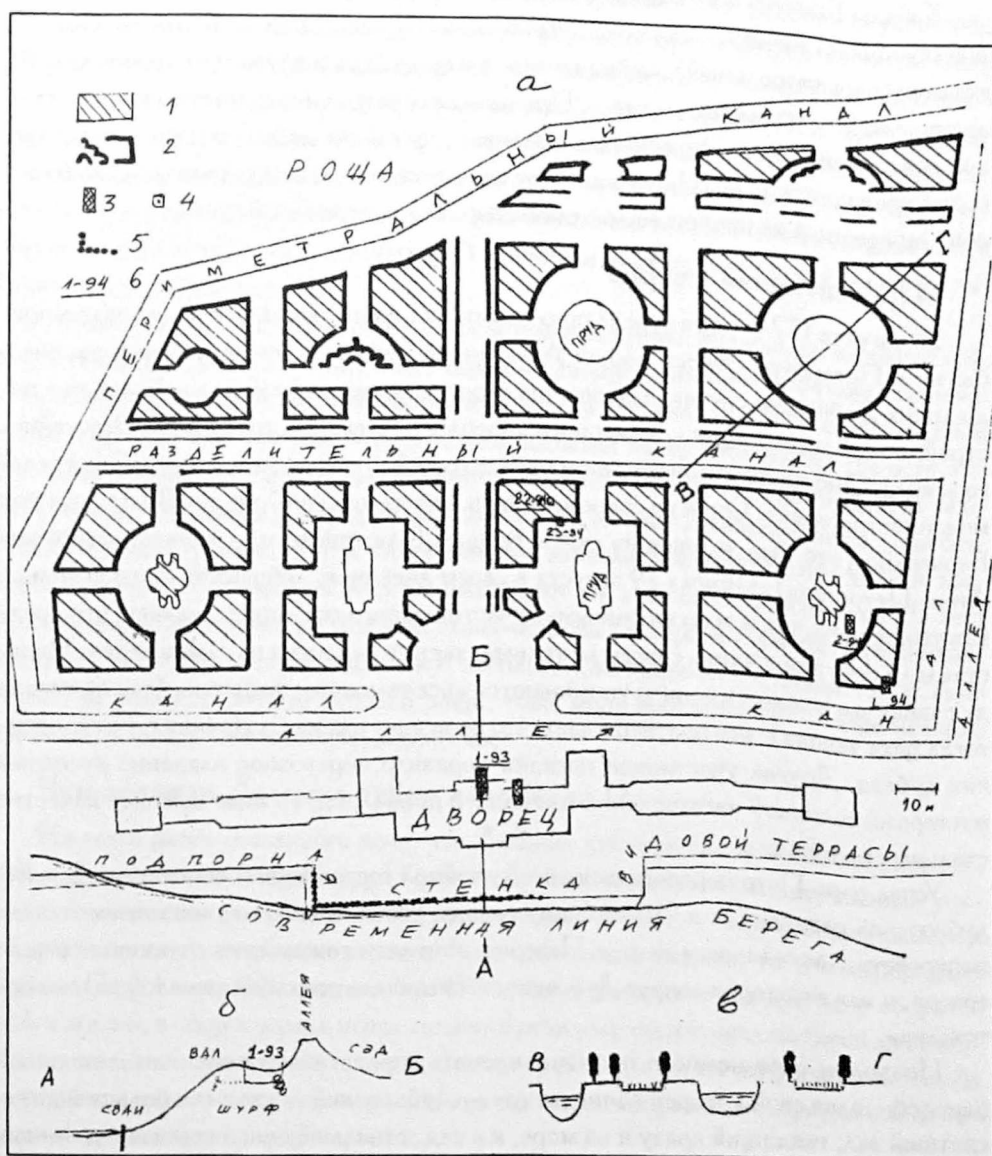
Позади сада высилась дубовая роща, прочищенная, ухоженная, прорезанная аллеями, где в дополнение к старым дубам было подсажено около 2000 молодых. Среди дубов здесь, как и на всем побережье от Лахты до Дубовского мыса, тогда уже встречались вековые деревья. Недаром лесоводы еще сравнительно недавно находили пни 400- и даже 600-летних дубов.

Рядом с дворцом и в пределах Голландского сада высаживали не дуб, а другие породы: «каштан через липу», яблони и груши, привезенные из Швеции, ильм в качестве породы для формирования подстриженных шпалер. В заявках Алмазова был указан и «буксбом» (буксовое дерево, или самшит). Едва ли эта южная порода успешно росла на Дубовской косе. Возможно, термин «буксбом» использовался как собирательный, означая любую породу деревьев, которой с помощью стрижки можно придать заданную форму. Чаще всего это был ильм.

Планировка Голландского сада была весьма четкой: квадратная сетка невысоких насыпей, по которым шли дорожки, разделяла ровные площадки партеров. В центре партеров были устроены пруды, их было четыре: два круглых на северном островке сада и два, ближе к дворцу, — фигурной, барочной формы. Вокруг каждого пруда партер образовывал подобие кольца одной высоты с дорожками, а дальше к углам квадрата лежали чуть «утопленные» секторы газонов (так называемые буленгрины). В юго-западном и юго-восточном углу сада вместо прудов были углубления такой же фигурной формы, — своего рода «сухие пруды», которые выкладывал дерном Франсуа де Вааль. Со временем они заполнились водой, превратившись в пруды.

По проекту на всех четырех прудах должны были быть устроены фонтаны, были даже завезены трубы для подведения воды, но этот замысел Петра не был осуществлен прежде всего потому, что уровень воды в молодом озере над заводской плотиной еще не мог обеспечить достаточного напора воды.

Планировка сада сохранилась до наших дней. Все элементы регулярной структуры особенно хорошо заметны в моменты, когда сад свободен от кустарников и высокой травы. В периоды, когда территория Голландского сада по много лет не расчищалась от сорных кустарников, эта структура полностью «пропадала». Достаточно сказать, что всего через 20-25 лет после создания сада, в 1740-х годов, составители нового генерального плана усадьбы уже не нашли следов этой планировки и обозначили территорию как «место, где был сад».

План Голландского сада и прилегающей к нему береговой полосы. Составлен О.Растворовой на основе картографических материалов XVIII в. (проектного Генерального плана Дальних дубков 1722 г. и фиксационного плана 1740-х гг.) и современных наблюдений.

а — план, б и в — профили по линии АВ и ВГ; 1 — бывшие газоны-буленгрини (сейчас — сырые луга), неаштрихованный фон — относительно более высокие участки;

2 — линии бывших шпалер (сейчас местами, там, где шпалеры были двоянными, — неглубокие канавки); 3 — шурфы археологов; 4 — почвенные разрезы;

5 — линия сохранившихся свай подпорной стенки.

Каналы Голландского сада сохранились, конечно, лучше, хотя от их былой каменной облицовки ничего не осталось, были найдены лишь единичные плиты. Один из каналов (периметральный) окаймляет всю площадь сада, а другой (разделительный), делит её на два отдельных «ломтя». При западных ветрах и соответственно при высокой воде в каналах, сообщающихся с заливом, прогулочные лодки и гидропеды свободно проходят по ним. Ширина каналов на проектном плане составляла около 6 метров. Теперешняя их ширина мало отличается от первоначальной.

«Презентация» дворца

28 августа 1724 года в череде празднеств, устроенных императором в честь прибытия в Петербург святых мощей Александра Невского, было и празднование в Дальних Дубках по случаю завершения строительства главной и самой пышной постройки этой резиденции — каменного дворца — и пуска Сестрорецкого Оружейного завода. Оно прошло при большом съезде гостей, в том числе и «знатнейших вельмож иностранных». Один из современников, камер-юнкер Фридрих Вильгельм фон Берхгольц (это был человек из свиты герцога Голштинского — жениха цесаревны Анны Петровны), записал 29 августа в своем дневнике: «общество было довольно как угощением, так и всем виденным». Участники поездки «признавались, что представляли себе эти дворцы совсем не такими, какими нашли их на самом деле». Наряду с дворцом и садом в записи упоминаются «все тамошние фабрики» (так называли тогда цеха завода), это подтверждает, что речь идет именно о Дальних, Сестрорецких дубках. Других участников поездки поразило виртуозное владение русскими мастерами техникой изготовления тончайшей проволоки, а также высокое качество стальных клинков.

Успел царь Петр порадоваться своей двойной сестрорецкой обновке — Дальнедубковской резиденции и Оружейному заводу, успел показать ее именитым гостям, попить с ними в новом дворце. Наверно, в тот августовский вечер состоялся и фейерверк, и вся акватория вокруг Дубовского мыса была «пальбой тяжелой далеко потрясена».

Позволим себе немного пофантазировать, представить себе, как довольный царь, обновляя свой «второй Монплеизр» — Дубковский — входил в большой двухсветный зал, глядящий сразу и на море, и в сад, с пылающими в середине длинных стен каминами. Как предстал его взору по бокам здания широкий размах двух рук-галерей, которые держали по краям два павильона с крутыми крышами-куполами, точно две пивные кружки с высокими шапками пены - глядеть весело! А посередине между увенчанной башней головой центрального объема и руками-галереями поднялись над берегом два широких, крепких плеча о двух этажах, где разместил дотошный голландец чуть не три дюжины разных покоев да покойцев, да еще и залы нагромоздил друг на друга. И все украшено знатно, на голландский

манер. Есть где ассамблеям развернуться, где парадный для обедов зал устроить, да и поварню при нем; где танцевальную залу, где курительную, да и где Богу помолиться, где кунштюки разные заморские да от своих новых фабрик образцы в хороших поставках выложить, да карты разных земель, и парсуны, и чертежи гыдоровальные большим кораблям по стенам укрепить. И самому хозяину есть и кабинет, и спальня, и банька, и мастерская, где станку новому нартовскому жужжать. И государыне есть покои, и дочерям-невестам, и пятилетней Натальюшке с мамками. И гостям, что поименитее. А прочим и в павильонах-люстгаузах не зазорно будет разместиться.

А уж сколь утешна в новых палатах светелка на крыше подзорная, на манер той, что в позапрошлый год тем же голландцем во дворце близ Екатерингофу ставлена. Любо взбежать туда по новенькой резного дерева лесенке. Высокие окна с частым переплетцем на все стороны глядят. Только поспевай трубу наставлять. На осте, где Угольная сторона, всё дымы, дымы тянутся. Добрый будет уголь для горна. На зюйде будто лиса мордой к морю припала, пьет: спина еловым лесом ерошится, уши острыми же елками торчат, крутой лобик ивовыми зарослями круглится, нос долгий, вострый камышовый полосой на воду положила, вот уж истинно — Лисий нос! На вест всего веселей глядеть: видно, как у Котлина-острова и галеры и галиоты, и торншхойты паруса несут, вот и сюда один галиот поспешает, на правый галс поворотился. А на норде, за зеленым шатром дубовой рощи, тоже море проглядывает — еще недавно свейское, а теперь уже свейское, российское!

Что значили Дальние дубки для Петра I?

Из всего ранее сказанного ясно, что Дальние дубки не были заштатной приватной резиденцией, нужной Петру I только для того, чтобы провести державный уик-энд поблизости от своего любимого стратегического объекта — Оружейного завода, а на досуге посадить очередные деревья. Есть основания полагать, что в Сестрорецких Дубках Петр I *старался создать* и в 1724 году, в последние месяцы рано оборвавшейся жизни, в общих чертах *успел создать* резиденцию, которая по своей значимости в его делах, по размерам, красоте, благоустройству и богатству убранства дворца не уступала другим загородным резиденциям, исключая разве что официальный парадный Большой дворец Петергофа.

Прямыми доказательствами этого положения являются, прежде всего, значительные размеры дворца и особенности его внутренней планировки: наличие больших помещений, которые могли быть пиршественными, ассамблейными залами, рассчитанными на многочисленное общество; большое число (не менее 30) комнат разной величины, что предполагало их различное назначение. Подтверждением служит наличие во дворце ценных элементов интерьера: резных панно, наборных деревянных или, возможно, каменных полов, изразцовой облицовки печей, а также зеркал, драпиро-

вок, дорогой мебели и др., впоследствии именно в связи с их ценностью конфискованных для дворца Петра II, а также планы Петра I (не осуществившиеся) по созданию системы фонтанов, не уступающих петергофским; участие в оформлении дворца такого известного мастера декора, как Антонио Квадри; высокая оценка современниками иностранцами.

Косвенными доказательствами высокого ранга резиденции можно считать: переброску значительной части средств, рабочей силы и специалистов (садовников) из Стрельнинской резиденции на постройку Дубковской; наличие преемственности и известного сходства Дубковского дворца с любимым Петром I дворцом Монплеизир в Петергофе — расположение на искусственной террасе у моря; общий характер членения здания, наличие двухсветного центрального зала с двумя каминами на середине продольных стен; настойчивость Петра I в требовании закончить строительство дворца (хотя бы части помещений) в указанный срок.

«Дубки» после Петра

Период расцвета резиденции в Дубках, как мы видим, был очень коротким. Его вершиной можно считать лето 1724 года, когда во дворце, еще не окончательно отделанном, прошла Петровская ассамблея.

В тот праздничный день 28 августа 1724 года Петру I оставалось пять месяцев жизни. Грозная ноябрьская Лахта 1724 года ждала его на середине этого временного отрезка, как раз на *полпути от Дубков к Петербургу*. Не могло не пошатнуться здоровье императора после той штормовой купели. Даже если, вопреки легендам, не вытаскивал он из воды гибнувших людей, а просто, как и записал в своем дневнике тот же Берхгольц, во время бури умело вел свое небольшое судно, не давая волнам выбросить его на прибрежные камни. И этим спас судно, себя и бывших с ним людей. Понятно, что долгие часы, пока длился этот поединок с морем, кормчий находился под потоками ледяной воды. И хотя после этого Петр работал, как прежде, и даже сумел во время поездки на Олонецкий завод выковать в кузнице длинную железную полосу, болезнь подтачивала его силы.

28 января 1725 года Великого преобразователя России не стало.

Осиротевшая усадьба в Дубках два года сберегалась заботами *Екатерины I*, которая 24 мая 1725 года официально подтвердила принадлежность резиденции к дворцовому ведомству (к Канцелярии от строений) и повелела поддерживать там такой же порядок, как в Петергофе и Стрельне. Недоделанное доделывалось, прохудившееся или худо сделанное — чинилось. При Екатерине временная крыша из гонта была заменена долговечными железными кровельными досками. Под руководством знаменитого ван Болеса, возводившего для Трезини «шниц» Петропавловской крепости, были переделаны купола во «флюгерах» (флигелях) дворца, а из Петергофа в Дубки были направлены четыре плотника

«к делу галерей, лестниц и шпица». В Дубки наезжал в это время и А. Д. Меншиков, в частности, 12 ноября 1725 года, делал необходимые распоряжения по благоустройству усадьбы.

Когда 5 мая 1727 года не стало и Екатерины, пришел разор и дворцу, и саду. По указу нового императора, малолетнего *Петра II*, Дальние дубки были признаны недостойными статуса царской резиденции, их передали в ведение Адмиралтейской коллегии. Как было сказано выше, по ордеру князя Меншикова, регента при *Петре II*, подписанному 30 мая 1727 года, дворец лишился всего ценного, вплоть до окон и дверей, а из сада были взяты все деревья ценных пород, а также некая «машина из сада» и весь инвентарь из оранжереи. Дворец и сад были преданы волнам и забвению.

В царствование *Анны Иоанновны* дворец вместе с рощей, покосами и другими угодьями ее именованным указом был передан в июле 1735 года от Адмиралтейской коллегии в ведение Главной артиллерийской канцелярии (Оружейной конторы). Ее возглавлял тогда генерал-лейтенант Вилим (де) Геннин, начальник Сестрорецкого оружейного завода. Дворец стал для завода подсобной постройкой. Сама Анна Иоанновна в том же году посетила Сестрорецк. Ее принимали не в Дубковском, а в другом, деревянном дворце «о двенадцати покоях» возле завода, построенном в 1722 году. К ее приезду его специально заново отделали, о чем вслед за «Памятником искусств» (1843) подробно написал А.И.Давиденко (1962). Сведениями о посещении императрицей Дубков мы не располагаем.

Начало царствования *Елизаветы Петровны* пришлось на годы очередной войны со шведами, недолгой (1741-1743) и победоносной для России. Для Сестрорецких краев эта война не прошла бесследно. На случай возможного шведского десанта были возведены фортификационные валы, в том числе и в Дубках, недалеко от гавани. Вдоль побережья залива от Дубковской гавани до Устьерецкой (в устье Сестры) был устроен сигнальный телеграф, не нынешний электрический, а «визуальный». Сигналы могли передаваться от поста к посту с помощью отмашки флажками (как на флоте) или быть световыми.

В 1748 году Елизавета Петровна побывала в знакомых ей с детства Дубках «со значительно во многих местах разру-

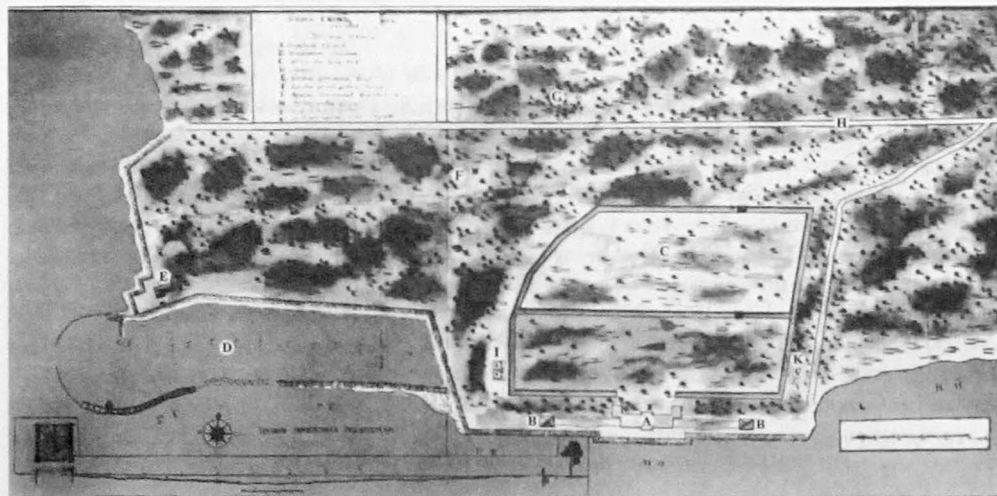

*Цесаревна Елизавета Петровна.
С гравированного портрета Вагнера.*

шившимся дворцом», полакомилась поспевшими к ее приезду орехами лещины и повелела доставлять их к своему столу. Такое же распоряжение — доставлять к столу — последовало и в отношении рыбы, которую специальная артель рыбаков должна была ловить у берегов Дубовской косы.

Тот же, 1748 год, стоит запомнить еще потому, что этим годом помечен важный для Дубков документ — фиксационный план дворца и изображение его фасада (на основе которого создан приводимый в главе коллаж). Точнее, некий «архитектурный ученик» Петр Дружинин изготовил в 1748 году копию с неизвестного нам оригинала, очевидно, более раннего.

Интересным событием в жизни Дубков были «инвентаризационные» работы, в результате которых был составлен *новый генеральный план усадьбы Дальние дубки*. Его датируют по-разному: второй четвертью XVIII века либо конкретно 1740-ми годами. Более вероятно, что работы были выполнены в царствование Елизаветы, а не Анны, то есть не в 1730-е, а именно в 1740-е годы, возможно, в военное трехлетие 1741–1743 годов. Это тем более вероятно, что обследовалась и акватория гавани. Измерения показали ее мелководность, что ис-

Генеральный план усадьбы Дальние дубки второй четверти XVIII в.
(«План ситуации Дальних дубков»). РГИА, фонд 485, опись 3, дело 80.

Текст экспликации плана: А — каменный дворец, В — павильоны деревянные, С — место, где был сад, D — гавань, E — старый деревянный дворец, F — часовня и один старый погреб,

С — камень, на котором была беседка, H — перспективная дорога,

I — два погреба вновь построить, K — изба для караульной вновь построить.

Внизу на врезке: «профиль поперечная под литерами» с промерами глубин и изображением профиля дамбы гавани.

В отличие от Генерального плана-проекта 1722 г., линии «главной перспективы», каналов Голландского сада и берега перед дворцом параллельны друг другу. Кареобразный выступ подпорной стенки перед дворцом сделан более широким, чем на проектном плане, здание дворца с галереями почти не отличается от проектного чертежа.

ключало заход шведских кораблей, эта информация могла иметь тогда стратегическое значение.

Этот новый план («План ситуации Дальних дубков»), который хранится в Российском государственном историческом архиве, является не проектным, а фиксационным, т.е. отражает реальное положение вещей. Сравним этот план 1740-х годов с первым планом 1722 года.

На генплане 1740 года изображена не вся территория, показанная на генплане 1722 года. Есть и другие различия. На генплане 1740 года вдоль южного берега мыса протянулось здание дворца с деревянными павильонами и галереями, отсутствовавшее на генплане 1722 года. Его размеры и формы *совпадают* с проектными чертежами Стефана ван Звитена — Франсуа де Вааля и еще полнее — с фиксационным планом Дружинина. Кроме каменного дворца, на генплане 1740 года обозначены и другие сохранившиеся к тому времени *памятники петровской поры*: *старый деревянный дворец и камень, на котором была беседка*. До наших дней они не сохранились. Сведений относительно нового деревянного дворца, который был на оконечности мыса, генплан 1740 года не содержит, так как эту часть территории план не охватывает.

Главные различия касаются регулярного сада. Его контур, окруженный каналом, в северо-западном углу отличен от контура на генплане 1722 года (хотя современный контур с генпланом 1722 года совпадает!), что говорит о трудной доступности этого заболоченного участка в 1740-е годы и (или) о несколько небрежном картировании. Удивительно, что на генплане 1740 года совершенно *отсутствуют следы первоначальной планировки сада*, и в экспликации этот контур назван как «место, где был сад». Это означает, что за 2-3 десятилетия сад настолько заглох, зарос диким кустарником, что его разметка тогда совершенно не просматривалась (хотя при отсутствии травы и кустарников она ясно «читается» даже сейчас, спустя почти три века). Возможно, ее просто не искали, так как заболоченная и заросшая лесом низина Голландского сада не представлялась ценным угольем.

На генплане 1740 года есть также весьма любопытные детали, позволяющие судить о жизни Дальних дубков той поры, когда они уже утратили статус царской резиденции, и быте их обитателей — караульной команды, охранявшей ветшающий дворец, который стал «складочным магазином» для грузов, привозимых на Сестрорецкий завод через Дубковскую гавань. Так, на плане помечены «*часовня и один погреб старый*». Часовня, которая появилась после 1722 года (так как на генплане 1722 года она не показана) была деревянной и находилась в самой высокой части мыса, неподалеку от нынешнего дота. Погреб был поблизости от нее. Мелкие хозяйственные постройки петровского времени, видимо, не сохранились — на новом плане их нет.

В экспликации генплана 1740 года есть приписка другими чернилами, очевидно, более поздняя: «*два погреба вновь построить*» и «*изба для караульной вновь пост-*

роить». Места, на которых надлежало их построить, намечены пунктиром. У северной стены дворца, на том месте, где сейчас стоит домик самого прозаического назначения, на плане также показано небольшое строение, возможно, того же рода. Похоже, что нынешний тип использования этого клочка земли имеет давнюю традицию.

С самого своего возникновения Дальние дубки подвергались атакам морских волн. О существенном ущербе от наводнения в 1723 году, во время строительства резиденции, докладывал Петру I Алмазов. Тогда пострадали сад, строящийся дворец, «машина, что на пруду стояла». Но тогда, при Петре, последствия сильных бурь и наводнений, обрушивавшихся на Дубовскую косу, своевременно устранялись, и строительство продолжалось. Теперь же никто не мог уделять бывшей резиденции столько заботы и средств. Последовали наводнения 1725, 1726, 1729, 1736 годов с подъемом воды в Неве до 260 см, катастрофические бури 1743 и 1745 годов с навалом льда. Попутно надо отметить, что роковые для Дубков и всего Сестрорецка 1743 и 1745 годов даже не попали в список наводнений с подъемом воды в Неве более 200 см.

Но печально знаменитый 1752 год оказался тяжелым и для Петербурга (три наводнения выше 200 см) и для Сестрорецка, где «в ноябре 1752 года бурный морской прилив докончил разрушение дворца. Были смыты набережные галереи с железными решетками, служившие любимым местом для гуляния перед дворцом, разрушены до основания гавань, дворец и оранжереи, которые с этого времени перестали функционировать».

В 1763 году «полуразвалившееся от времени дворцовое здание в Дубках по распоряжению правительства было сколь возможно исправлено, перекрыто и до разрушения служило вместо складочного магазина для заводского провианта, выгружаемого в Дубковской пристани». В многочисленных архивных документах есть несколько выписок из прошений, протоколов, связанных с тяжбами частных лиц и государственных учреждений, в ведении которых в разное время находилась усадьба. Значительное место в них занимает выяснение вопроса, за чей счет должно ремонтироваться здание дворца. «По великости» его крыши Оружейная контора, к которой принадлежал Сестрорецкий завод, не могла выполнить ремонт за свой счет и обращалась за помощью в бывшую Канцелярию от строений, в чьем ведомстве когда-то находились Дубки. Оттуда поступали отписки, а дворец продолжал разрушаться, и уже не был нужен заводу даже под склад.

В 1779 году «из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации было направлено письмо Григорию Орлову с изложением всей истории и предложением: по самой наибольшей ветхости того дворца его весь разломать и кирпич, перевезя на завод, употребить впредь к заводским строениям», поскольку для иных «заводских надобностей по ветхости его оному быть там ни к чему»¹. Разрешение было получено, и в 1781 году здание было разобрано, а кирпич в 1782 году использован частью для заводских зда-

¹ Цит. по: Василевская (1984)

ний, частью для постройки церкви во имя Петра и Павла в центре Сестрорецка. Положенный в стены этого храма материал, из которого были сложены когда-то стены «самого морского из жилищ Петра I» простоял еще около полутора веков, пока и это здание не было разрушено силой еще более сокрушительной, чем все морские штормы и наводнения — социальной бурей.

Из других событий XVIII века, затронувших Дальние дубки во времена *Екатерины Великой*, следует упомянуть очередную войну со шведами, затеянную тогдашним ее королем Густавом III. Для защиты селения от возможного вторжения с моря Дубковская роща была отделена от Сестрорецка *земляным валом*, насыпанным в 1788 году и сохранившимся до наших дней. Ломаной линией он пересекает восточную часть мыса от Дубковского пляжа до Водосливного канала. Остается загадкой, почему ров (в наши дни почти постоянно заполненный водой) расположен не западнее вала, а восточнее его, т.е. не со стороны потенциального нападения, а со стороны защитников Сестрорецка. Одно из возможных толкований: вал воздвигался спешно в условиях артиллерийского обстрела со шведских кораблей (или угрозы такого обстрела), и строители, прячась за валом, наращивали его грунтом, вынутым «из-под себя». Это было возможно, если работа проводилась в сухое время.

Чтобы завершить перечень августейших особ, побывавших в Петровской дубовой роще, надо упомянуть визит *Александра I*, но оно было уже не в XVIII веке, а 12 июля 1805 года.

Самое же последнее событие XVIII века, которое удалось проследить в истории «Дубков», связано с именем *А. В. Суворова*, который посетил Сестрорецк в июле 1792 году, возвращаясь в Петербург после победного завершения войны с Густавом III. «Памятник искусств. Сестрорецк» (1843) со многими подробностями описал этот визит на завод, нанесенный Суворовым инкогнито, это описание воспроизведено в Приложении к книге. Кроме заводских цехов, Суворов побывал и в Дубковской роще в сопровождении того заводского мастера, который был его гидом на заводе и принимал в своем доме.

Почему мы не знали этого раньше? Расцвет царской резиденции в Дальних, Сестрорецких дубках продолжался очень недолго, *всего пять месяцев* — он оборвался со смертью Петра, и мир ничего не успел узнать о Дубках, кроме коротенькой дневниковой записи голштинского придворного.

Если бы Дубковская резиденция «вошла в силу» раньше, хотя бы в 1719 году, или если бы жизнь императора не оборвалась на 53-м году жизни, у Петербурга и России было бы время узнать и оценить ее. При Петре она бы часто посещалась, ее достоинства были бы многократно усилены, обстоятельно описаны современниками и торжественно воспеты.

У историков Петербурга XVIII в. Дальнедубковский дворец не попал в реестры дворцов, в лучшем случае там есть упоминание о неких Дубках, основанных якобы в

1711 году; судя по числу верст от Петербурга — Средних Дубках, что у Лисьего носа. Возможно, топоним «Дубки» и был у всех на слуху, с ним связывали трагические события последних месяцев жизни монарха, но толком никому ничего не было известно. Осталась лишь загадочная патетическая надпись на латыни рядом с крошечным значком дома с башенкой на Академической карте 1741 года: «*Palatium Imperatorium in dubcae lateribus confertum*». И тут же по-русски: «Каменной дворецъ в Дубках». Но многие ли пользовались этой картой?

Почти двести лет пролежали Петровские архивы, пока А. Н. Бенуа и московский историк А. И. Успенский в юбилейном, двухсотлетию Петербурга посвященном выпуске «Художественных сокровищ России» (издание Общества поощрения художников), не приоткрыли тайну Дальних дубков, опубликовав статью о «Новых палатах» в Дальних дубках с множеством архивных ссылок. А в ней поместили чудный чертеж, выполненный в 1722 году фламандским «палатным мастером» Франсуа де Ваалем с наивными лебедями и крошечными парусными лодочками, не достающими мачтой и до подножия Ван-Звитенского дворца, увенчанного стройной башней со шпилем.

Еще полвека прошло, пока в 1953 году неутомимая исследовательница из ЛИСИ Татьяна Борисовна Дубяго не совместила карту с архивом, архитектурный чертеж с планом. Пройдя по всему побережью, она «расставила» по местам и Старые («Лисьеносовские»), и Дальние (Сестрорецкие), и Новые дубки («Ближние», у Лахты), «сыскала» им архитекторов и садовников, посчитала годы дубам. В общем, сделала всё, чтобы у последователей был такой фундамент, на котором — в прямом и переносном смысле — можно возводить новую кладку.

Но, похоже, что и Т. Б. Дубяго не совсем осознавала, что значила для Петра I эта резиденция в Дальних дубках. Исследовательница просто извлекла из небытия очередное звено цепочки, еще одну, по ее терминологии, из «композиций второго типа» — на плоском ландшафте. Собирая такую цепочку, заботятся главным образом о том, чтобы все звенья были на месте, шли в должной последовательности и прочно держались друг за друга.

Так что же осталось в «Дубках» от времен Петра I

От прекрасного, самого морского дворца Петра I не осталось ничего, и в то же время осталось очень многое, материальное и не вполне материальное.

Сохранилось место, где дворец стоял. А ведь от многих шедевров Петровской эпохи не осталось и этого — их место было застроено новыми зданиями, может быть более роскошными, но другими, лишенными духа простоты, целесообразности и мощи, присущего петровской поре. А здесь, на южной скуле Дубовской косы, к счастью, ничего не построено, и можно прийти сюда, встать ногой на эту твердь, на эту ровную прямую высокую полосу вдоль берега, которая потому и стала ровной, прямой и высокой, что в

основе ее — искусственная терраса, подготовленная под дворец. Можно смотреть отсюда в эту даль, на плоский Котлин с бугром Морского собора, на острый контур Петергофского собора, наполовину закрытый длинным телом дамбы, которая — вслед за Петром — замахнулась на стихию вод. Можно просто дышать морским воздухом, процеженным сквозь ветки упрямых ив — тех ив, которые, невзирая на увечья, причиняемые им водой, камнями и человеком, самоотверженно спасают своими корнями берег и нас вместе с ним. Можно просто стоять здесь, как на могиле Петра, и думать о том, что было бы и чего не было бы, не будь у Сестрорецка, у Петербурга, у России, у планеты — Петра. Для всего этого и сохранилось место. Может быть, единственное такое место на Земле. Оно свято, и надо обращаться с ним, как со святым местом.

Сохранились — в глубине, под слоем набросанного морем гравия, *остатки фундамента*. Это скрепленные песчано-известковым раствором валуны, которые еще недавно были видны в шурфах археологов, заложенных сначала в 1993-м, а потом в 2004-м году.

Сохранились каналы *Голландского сада*, окаймляющие его неправильный четырехугольник, разделенный каналом же на две широкие доли. В большую воду лодка или гидропед легко проходят по ним, не цепляясь — после недавней прочистки сада, — за нависшие ветки старой черемухи. Стайки уток беззвучно скользят по темной воде, по отражениям папоротника-страусника.

Сохранились — на удивление хорошо — формы *рукотворного рельефа* в Голландском саду, четко видимые, когда нет высокой травы: прямые аллеи, «утопленные» ниже их уровня фигурные газоны — буленгрины, круглые, а когда-то бывшие фигурными, пруды, разбросанные в узлах угадываемой сетки, замысленной зодчим. Остановленные насыпной стенкой, волны даже самых сильных бурь не смогли разрушить эту правильность форм. Не бури, а небрежение может стать причиной того, что она исчезнет. Рельеф искажают приствольные повышения у спиленных деревьев ольхи, выросших не по линейке, а дико, куда падет семя. Постоянный застой воды, уровень которой давным-давно не регулируется «машиной, что на пруду стояла», уже третий век портит некогда завезенную сюда драгоценную почву, и шансы на ее «регенерацию», как и шансы вырастить здесь что-нибудь кроме ольхи и таволги, сходят к нулю.

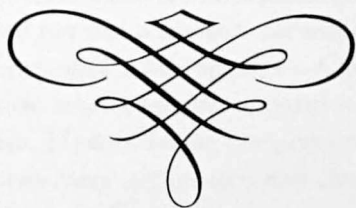
Сохранились *остатки листовничных свай* квадратного сечения, вбитых в дно залива. Обглоданными пеньками встают они над водой, чтобы напомнить нам о некогда тесных рядах бревен, образующих крепкие клетки, которые все загружал, засыпал, забивал для прочности камнями верный и неутомимый капитан Иван Семенович Алмазов со товарищи. Сохранились, хоть и неизвестно где именно, *кирпичи дворцовой кладки*, вернее та часть их, что попала больше ста лет назад не в церковные стены (тех уже нет), а в заводские. Невидимыми талисманами, тайно излучающими жар Петровского обжига, они лежат, поодиночке или рядками, в заводских постройках.

Наверно, чуткий человек, проходя мимо этих стен, может ощутить следы этого жара. Ведь ничто на земле не пропадает. Если только не очень стараться специально уничтожить. И сейчас, если после шторма походить по берегу у бывшего дворца, можно найти обломки (а недавно попадались и почти целые) необычных кирпичей: каленых до лиловости, на срезе состоящих как бы из скрученных слоев, напичканных разноцветным гравием.

Сохранилась *память*. Дом, как и человек, жив, пока его помнят. Пока еще вокруг нас мало памяти об этом дворце и этом саде. Может быть, эти строки увеличат объем знания и любви к этому дому, чтобы он продолжал жить, чтобы захотелось сделать из памяти нечто вещественное.

Сохранился, остался *долг*. Наш долг перед Домом и его Хозяином, до сих пор во многом определяющим судьбы всех, кто живет на этих берегах. Пора в полной мере осознать этот долг.

**ЗАВОДСКАЯ
ПЛОТИНА
И ОЗЕРО
РАЗЛИВ**

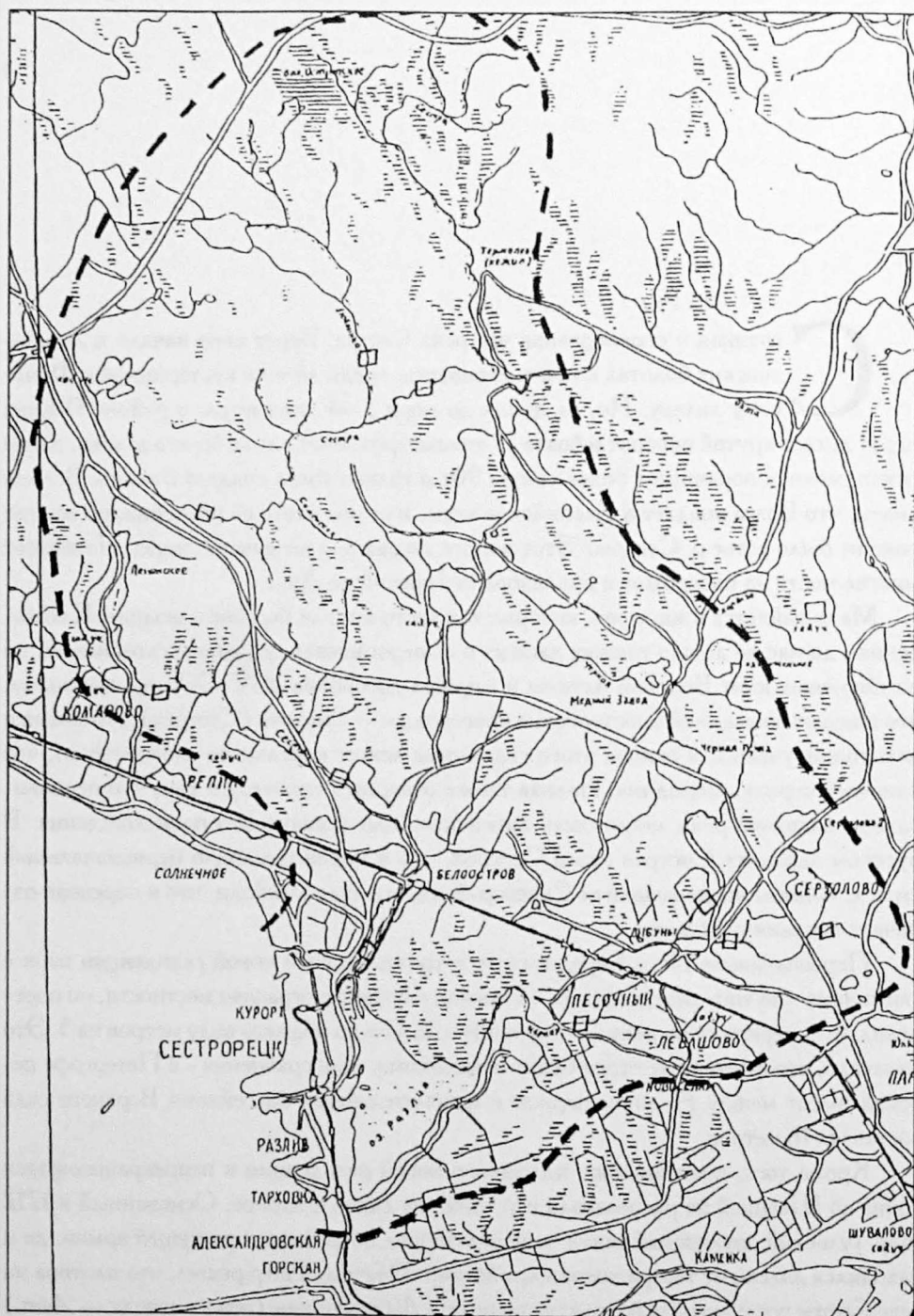

Странная и своеобразная эта река Сестра. Берет свое начало в Лембовских болотах и течет, извиваясь, среди лесов и кустарников к Финскому заливу. Но, не дойдя до моря 3–4 километра, в районе Репина вдруг делает крутой поворот и более 15 километров течет вдоль берега залива, затем опять резко поворачивает более чем на 90° и только тогда впадает в залив. Все мы знаем, что Волга впадает в Каспийское море, и знаем место её впадения, но вот где раньше было устье р. Сестры? Этот вопрос до сих пор вызывает споры. Называют многие места на побережье в диапазоне от Горской до Дюн.

Мало найдется в мире рек, которые так часто меняли бы свое название. К сожалению, до нас не дошло точных данных о её первоначальном карельском имени, но из писцовых книг Водской пятины и мирных договоров XIV–XV вв. мы знаем, что шведы называли её Сюстербек, а новгородцы — Систрия (Сестрея). По мнению некоторых ученых, в основе этого гидронима лежит карельское слово *siehtari*, что означает черная смородина. Нельзя также отвергать гипотезу о том, что первоначально название реки могло быть латинского или славянского происхождения. В русском варианте Систрия стала Сестрой, что в корне изменило первоначальный смысл. Финны же называли её Сиестар-йоки, позднее Раяйоки, что в переводе означает пограничная река.

Первоначально Петр I предполагал устроить в своей новой резиденции парк с фонтанами «по типу петергофских». Однако, изучив топографию местности, он определил, что, перегордив реку Сестру плотиной, можно поднять воду метров на 5. Это означало, что фонтанные струи будут невысокими. Для сравнения - в Петергофе перепад высот между Нижним парком и накопительными бассейнами Верхнего сада составлял 16 метров.

Кроме того, приграничное положение новой резиденции и непрекращающаяся война со Швецией не располагали к устройству садов и парков. Основанный в 1712 году Тульский оружейный завод не удовлетворял потребности растущей армии, да и находился далеко от театра военных действий. Поэтому Петр решил, что плотина на реке Сестре послужит для более важной цели: «Дабы машины (нового завода — Авт.) действием воды в движение приводить».

Бассейн озера Сестрорецкий Разлив (по В.В.Беликову)

В 1720 году с Олонецких заводов был вызван плотинный мастер Венедикт Беер — «для усмотрения под строение на Сестре-реке удобного места». Изучив местность, Беер предложил устроить запруду на крутом повороте реки Гагарки, образовавшейся при слиянии рек Сестры и Черной. Река Гагарка, впадавшая в Финский залив, в этом месте делала зигзаг на юго-запад и прорезала, по одной из версий, полуостров Дубовский мыс.

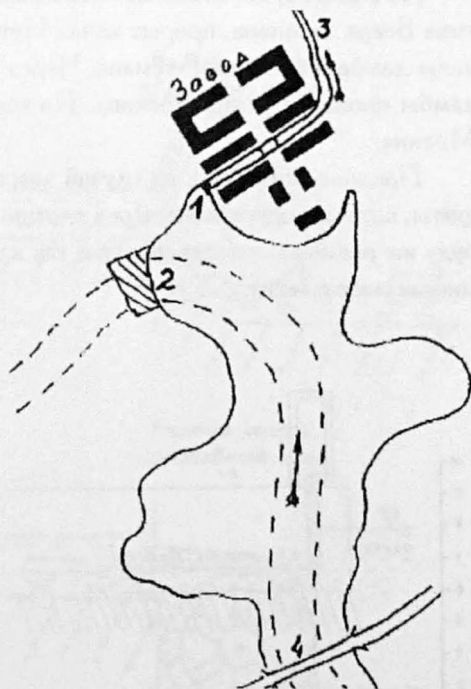
Для строительства завода предполагалось использовать естественную низину, находившуюся к северу от изгиба реки. От этого изгиба до низины планировалось прорыть канал и соорудить в нем деревянный желоб, по которому вода из водохранилища будет падать на водяные колеса.

К концу 1723 года было завершено строительство завода. К этому же времени закончилось и строительство плотины и сооружение земляной дамбы, которой перегородили реку Гагарку. С этого момента началось заполнение водой долин рек Сестры и Черной и формирование нового озера.

Через 9 лет, в 1732 году, была составлена карта местности вокруг озера Разлив. На карте показана береговая линия Финского залива, реки Сестра и Черная, само озеро и новая река, по которой производился сброс озерной воды.

Сравнивая эту карту с современной, мы видим, что форма озера в 1999 году отличается от формы 1732 года. В начале XVIII века озеро имело серповидную форму, а в конце XX - треугольную. На карте 1732 года отсутствует река (нынешний сбросной канал или Шипучка, как ее называют сестроречане), которая прорезала мыс Дубовский. После сооружения плотины она исчезла, и вся озерная вода сливалась по новой реке, текущей параллельно берегу и называемой ныне Сестра-Заводская или Новая Сестра.

Таким образом, Беер, соорудив плотину, изменил направление реки, пустив ее в низину, где она проложила себе новое русло. Согласно данным исследований В.В. Беликова, река Сестра-Заводская - действительно молодое образование, созданное искусственно за счет стока воды из озера

План-схема местности завода начала XVIII века. Цифрами обозначены: 1. плотина Беера; 2. запруда; 3. водосброс - будущая река Сестра Заводская; 4. Офицерский мост (составлена В.В.Беликовым)

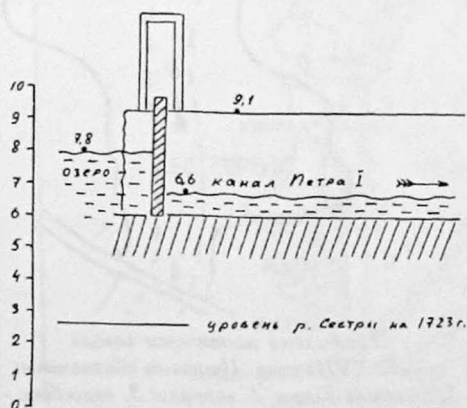
Сестрорецкий Разлив. Свидетельством того, что эта река заведомо моложе нынешнего Водосливного канала (бывшей реки Гагарки), служит по мнению В.В.Беликова, и мыс Дубовский, через который река Гагарка текла, который ею был образован и продолжает ею формироваться в наши дни. Песчаные отложения выносятся ее водами далеко в Финский залив, что хорошо видно на аэрофотоснимках.

Еще одним подтверждением того, что нынешний Водосливной канал и есть прежнее русло реки Гагарки, может служить корюшка, которая идет на нерест именно в этот канал, как и многие тысячи лет назад. Если бы река Сестра-Заводская была той самой рекой, которую запрудили, корюшка нерестилась бы и там.

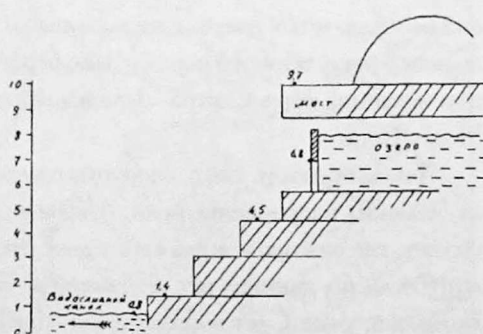
На плане XVIII века плотина находится слева от завода. Когда реку перегородили запрудой, на месте ее крутого разворота образовался заливчик. К северу от него - завод и плотина, в южной его части построили мост, соединяющий Сестрорецк с материком, поскольку по плотине Беера ездить и ходить было нельзя. Потом этот мост назовут Офицерским, потому что к нему со стороны Сестрорецка примыкает улица Офицерская.

На плане XX века изменилась конфигурация северного берега заливчика - плотина Беера закопана, прорыт канал Петра I, построена Заводская плотина, сооружена дамба и плотина Гаусмана. Через канал Петра I проложен мост. По гребню дамбы проходит улица Воскова. По гребню запруды и плотине Гаусмана - улица Мосина.

Предположительно, на случай аварии плотины были предусмотрены запорные щиты, которые опускались перед плотиной и позволяли производить ее ремонт. Запруду же размывало неоднократно, так как вода всегда стремится течь там, где текла многие тысячелетия.

Схематический разрез Заводской плотины
(составлен В.В.Беликовым)

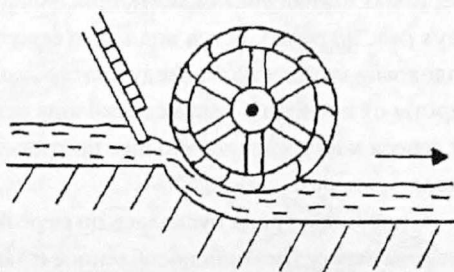
Схематический разрез плотины Гаусмана
(составлен В.В.Беликовым)

В 1723 году абсолютный уровень воды в реке Сестре в этом месте составлял 2,5 метров. Глубина была около 2 метров, ширина более 100 метров. Через 9 лет после сооружения запруды уровень воды поднялся до 5,2 метров (а не 7,8 или 8,6, как указано в некоторых источниках), то есть на 2,7 метра относительно прежнего уровня реки Сестры. Вот почему на карте 1732 года озеро Разлив имеет серповидную, а не треугольную форму.

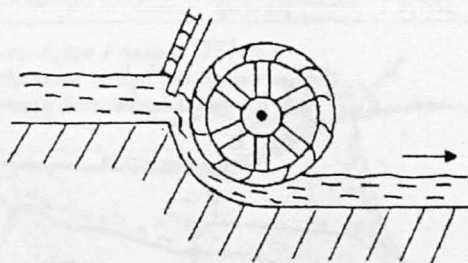
На современных (1980-х годов) топографических картах абсолютная высота территории, на которой расположен завод, составляет 4,5 метра. С момента создания завода прошло 285 лет, и территория его подсыпана примерно на 1 метр. Таким образом, на момент создания завода абсолютная высотная отметка территории была примерно 3,5 метра, перепад воды для вращения колеса составлял примерно 1,7 метра. Территория, на которой строился завод, расположена на 1 метр выше уровня реки Сестры. Между рекой и выбранным местом для строительства завода была песчаная дюна, поросшая растительностью, то есть укрепленная. Эту дюну В. Беер прорезал каналом, а перед ним построил плотину. Плотины строили «по-сухому». Беер выбрал место на крутом повороте реки, а когда плотина была готова - перегородил реку запрудой.

Однако даже хитрый и опытный Беер не мог предположить, что озеро получится больше, чем он рассчитал. Он не знал того, что процессы накопления осадков в искусственно созданном водоеме проходят не так, как в естественном.

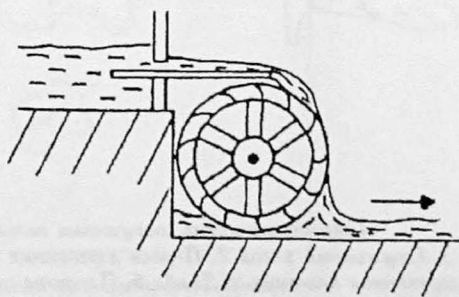
Как рассказывает книга «Памятник искусств. Сестрорецк», изданная в 1843 году, машины Сестрорецкого оружейного завода приводятся в движение водой, посредством наливных вододействующих колёс. Вода притекает к колёсам по особо устроенным деревянным водопроводным руслам из заводского водохранилища, называемого местными обывателями, по обшир-

Водяное колесо
подливного типа

Водяное колесо
среднебойного типа

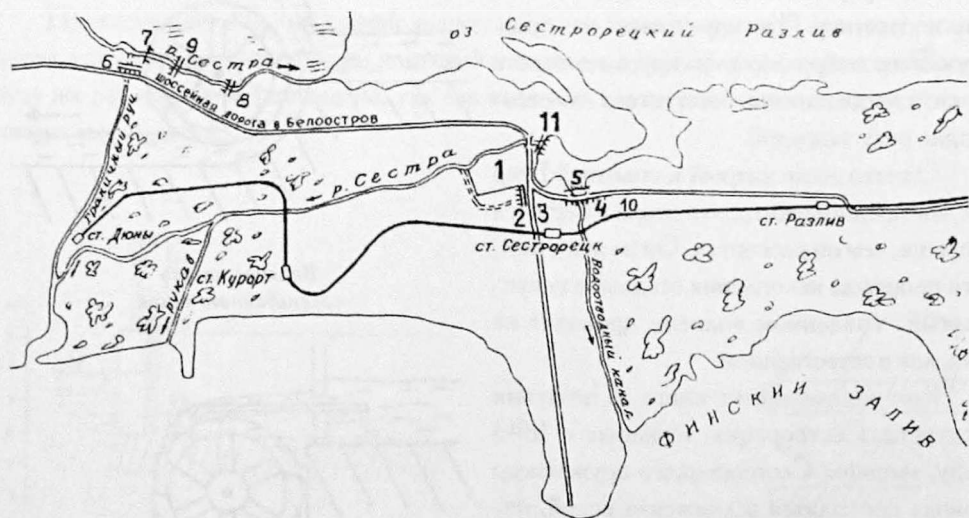

Водяное колесо
наливного типа

ности его разливом. Водохранилище это первоначально образовалось от запруды реки Сестры, в которую на 2,5 версты выше впадала река Чёрная. Остановленная в течении своём вода от двух рек — Сестры и Чёрной, по мере накопления выступала из берегов, разлилась и затопила прилегающую низменную местность (до 12-ти квадратных верст), окаймлённую песчаными возвышенностями и горами, которыми она с западной стороны отделяется в виде узкого перешейка (до 2-х верст) от Финского залива.

С образованием такого искусственного разлива покрылось водою самое устье реки Чёрной. Поэтому на последующих планах местности уже не обозначается соединение двух рек, но река Сестра впадает в северную часть, а река Чёрная в восточную часть водохранилища, и вода, следуя натуральному склону местности, разлилась к югу на 4 версты от прежнего места соединения рек, так что разлив принял продолговатый вид от севера к югу, где наибольшее протяжение составляет 7 вёрст, а от востока к западу около 3,5 вёрст.

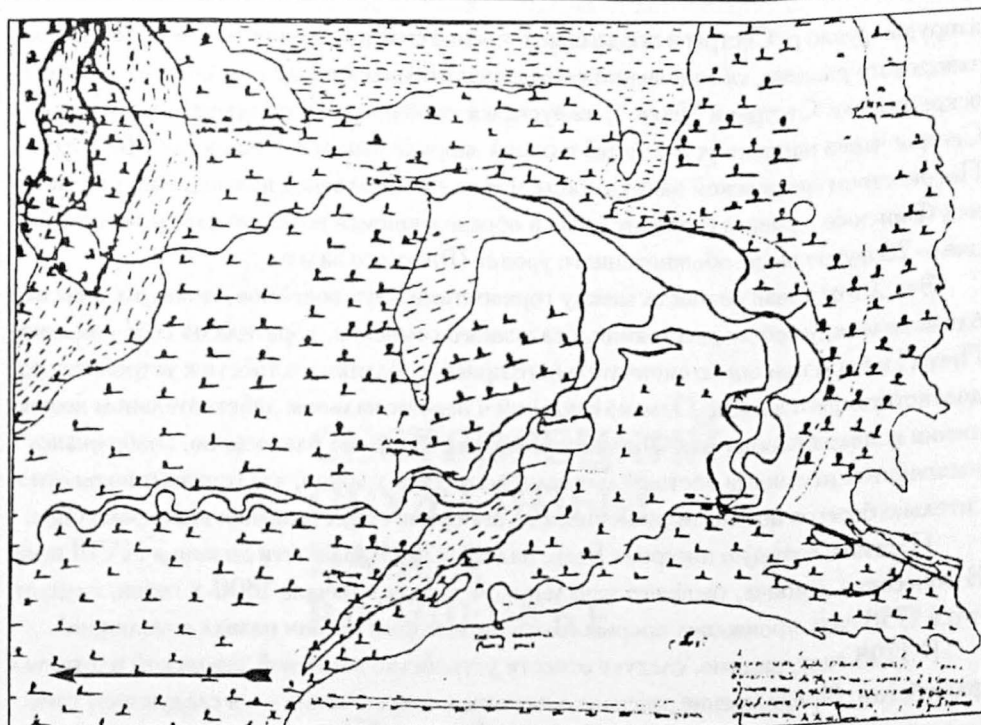
Скопленная вода пускалась по мере надобности, через особо устроенное в берегах разлива отверстие, приспособленное к закрыванию и открыванию его, по так называемым водопроводным верхним руслам (по ларям, скрыням), к вододействующим колёсам, которые она приводит в движение, а летом, выливаясь из колёс, она по подземному каналу, так называемому нижнему руслу, впадала в прежнее натуральное, ниже

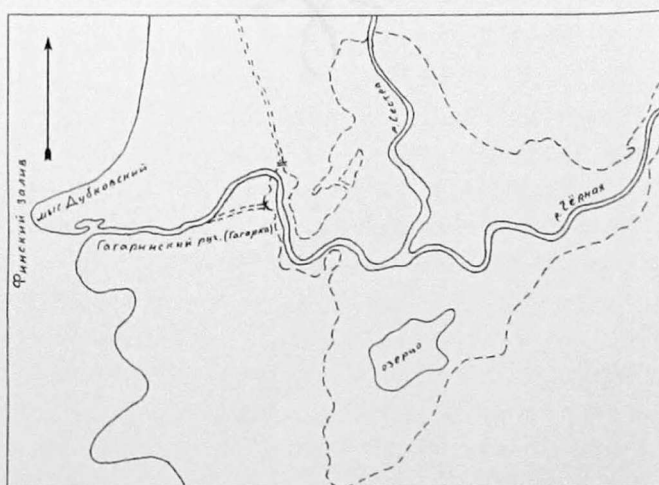
Гидротехнические сооружения завода на реке Сестре и на озере Разлив

1. Оружейный завод 2. Первая деревянная плотина 3. Каменная плотина 4. Временная деревянная плотина 5. Дамба 6. Плотина на отводном канале на 39 км (Ржавая канава)
7. Плотина на реке Сестре 8. Дамба на реке Сестре 9. Временная деревянная плотина
10. Основная плотина Гаусмана 11. Заводской водоспуск

Схема В.Д.Яковлева

Карта местности искусственного озера Разлив. 1732 год.
По-видимому, штриховкой на ней показаны места покрытые водой,
значками — места где имеется растительность

Карта палеорекострукции низовий рек Сестры и Чёрной,
отражающая географическую ситуацию 1723 года
(по В.В.Беликову).

--- — современная граница озера Сестрорецкiй Разлив

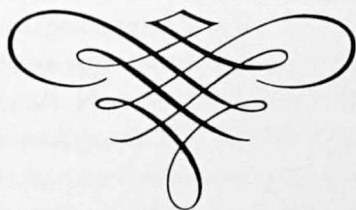
запруды, русло р. Сестры и продолжала течение своё в Финский залив. Избыток вод заводского разлива, обыкновенно весьма значительный после дождей и от весеннего вскрытия рек Сестры и Чёрной, выпускался помимо колёс по прежнему руслу реки Сестры через нарочно устроенный в самой запруде заводской водоспуск (бейшлот). Посредством петровской запруды вследствие значительного возвышения местности над Финским заливом горизонт воды в образовавшемся водохранилище поднят был около 28 футов выше обыкновенного уровня Финского залива.

Эта 28-футовая разность между горизонтами двух водоёмов, лежащих в весьма близком между собою расстоянии, без всякого сомнения, обратила на себя внимание Петра I и была причиною окончательного приспособления местности к устройству вододействующего завода. Однако сведений о первоначальном действительном возвышении водохранилища над Финским заливом собрать не удалось, но, соображаясь с настоящими местными обстоятельствами допустить должно, что горизонт воды относительно берегов не многим изменился во всё время существования водохранилища.

Плотина, которую построил Беер, надёжно работала почти до конца XVIII века. В донесении Дибича, бывшего начальником завода в начале 1800-х годов, следует, что в 1758 году произошёл прорыв плотины, который Дибич назвал революцией.

К 1798 году, видимо, следует отнести устройство каменной заводской плотины с флютбетом. Продолжение рассказа о плотине и озере Разлив — в следующем томе.

СЕСТРОРЕЦКИЙ
ОРУЖЕЙНЫЙ
ЗАВОД
В XVIII ВЕКЕ

Еще до Полтавского сражения, ознаменовавшего перелом в ходе Северной войны, Россия спешно начала освоение отвоеванных морских побережий. В 1706 году недалеко от устья реки Сестры развернулись большие работы по сооружению гавани. Затянувшаяся Северная война со Швецией и все более осложнявшиеся отношения с Англией, грозившие войной, требовали увеличения производства военного снаряжения и в первую очередь оружия. В 1712 году началось строительство Тульского оружейного завода, который вскоре приступил к изготовлению заряжавшихся с дула гладкоствольных ружей с кремневым замком — фузей. Но, учитывая грандиозные планы Петра, этого было недостаточно. К тому же перевозка боеприпасов и оружия, изготовленных на заводах Тулы и Урала, занимала много времени и не могла обеспечить в срок нужды армии.

Необходимость создания оружейного завода в непосредственной близости от новой столицы была очевидной. И тогда вспомнили о Карельском перешейке, богатом озерами, болотами и болотной рудой. В 1710 году сюда прибыла специальная комиссия офицеров с указанием изыскать железные руды и составить карту местности. Однако военные заботы вынудили отложить на время изыскательские работы.

Лишь 20 сентября 1714 года, после разгрома шведского флота у Гангута, Петр I прибыл на реку Сестру. Живописные пейзажи северной природы произвели на него столь сильное впечатление, что он тут же распорядился основать в дубовой роще у реки Сестры — в «Дубках» свою летнюю резиденцию по составленному им самим плану.

Могучие, еще не тронутые человеком леса по берегам Сестры, были ценнейшим строительным и топливным материалом. Развивая на Балтике судостроение, Петр распорядился строжайше охранять строевой лес на всем побережье. Позже, 22 сентября 1720 года, он издал специальный указ «О запрещении рубить дубовый лес в ближних от С.-Петербурга провинциях под смертной казнью». Исключения допускались лишь в тех случаях, когда дубовые бревна ставились к Адмиралтейству «на галеры и блоки, и на прочие дела, на какие годны».

Главное же достоинство мест у реки Сестры заключалось в том, что строение ее долины позволяло построить здесь плотину будущего завода. Ведь в те годы металлургические заводы России были вододействующими: все механизмы приводились в

действие водой. Берега высотой около 10 метров создавали достаточную высоту для падения воды. Река была многоводной и делала в этом месте поворот, удобный для создания водохранилища.

В 1719 году Петр I приказал построить при впадении реки Сестры в Финский залив Устьрецкую гавань. Посредством этой гавани строительство, а позже и возникшее селение Сестрорецк получили дешевое и удобное сообщение с Петербургом и Кронштадтом, откуда приходили с разными материалами военные и коммерческие суда. Река Сестра в то время была настолько глубока и обширна, что по ней из гавани доставлялись материалы на судах прямо на завод. Около гавани постоянно стояли часовые при пушках — канониры, от которых селение получила название Канонирка. Для наблюдения канонирами за появлением чужестранных судов в ночное время при гавани находился каменный высокий маяк с фонарем, освещавшим на значительном расстоянии вход в гавань.

Одновременно строился дворец, точнее, дворцы для Петра в Дубках — сначала деревянный, а в 1723—1725 годах — обширный каменный, из добротного кирпича местного производства, с домовою церковью, простоявший до 1781 года. Над его сооружением работало более 2000 солдат и приписных государевых крестьян. Они же под наблюдением царя, собственноручно посадившего около 200 молодых дубков в смеси с лещиной, высадили в Дубках 2000 деревьев.

Вдоль побережья между дворцом и гаванью «пригонные люди» огромными деревянными бабами забивали сваи, засыпали пространство между ними песком и камнем. Сделанная таким способом искусственная насыпь не только ограничивала доступ водам Финского залива в Дубки, но потом долгие годы служила дорожкой для прогулок вдоль набережной. Недалеко от берега по направлению к Кронштадту был выстроен маяк, указывавший путь кораблям в Сестрорецк.

Еще в 1714 году Петр I отдал распоряжение о сооружении на реке Сестре (по-фински Сиестарийоки или Смородинная река, по-шведски Систербек) оружейного завода. Строили завод мастера Олонецких заводов, переселенные сюда вместе со своими семьями. Специально для них построили 204 избы. Кроме того, в строительстве завода принимало участие большое количество приписных государевых крестьян и солдат.

Руководство строительством нового завода Петр поручил одному из своих сподвижников, голландцу Вильяму (Вилиму Ивановичу) Геннину, крупному специалисту «инженерного искусства». Администратор горного дела при Петре, он был определен вначале к Литейному двору, затем поступил в артиллерию офицером, в шведскую войну дослужился до чина полковника артиллерии, затем был комендантом Олонецких заводов.

Чертежей Сестрорецких заводов, выполненных Геннином еще до приезда в Санкт-Петербург, не найдено, но, судя по его письму 1720 года, первоначальный план при-

надлежал именно ему: «Получив указ из кабинета Е.И.В. из Санктпитебурха, по которому надлежит мне немедленно ехать в СПб с чертежом сестрорецким ради своего партикулярного дела...»

Планировка В. Геннина была настолько рациональна, что сохранялась в основных чертах, несмотря на перестройки отдельных зданий, в течение двухсот лет. В плане завода четко прослеживается композиционный замысел, построенный на двух взаимно перпендикулярных осях, закрепленных большой литейной мастерской и Дворцом Петра в одном направлении, Канцелярией и Кордегарией — в другом. По периметру здания были сблочкированы так, что образовывали сплошную ограду производственной площадки со зданием Канцелярии во главе и охранными вышками по углам.

Поселок завода не был первоначально включен в композицию, но застройка его сложилась так, что завод стал постепенно композиционным центром селения.

При основании завода была устроена плотина. Она соединялась с Дубковским дворцом широкой дубовой аллеей. Вдоль реки парами располагались мастерские: расковочная, плющильная и молотовая, в стороне большая литейная, в середине комплекса — кузница. В 1720 году для Петра был построен у завода деревянный дворец из 12 покоев, с бельведера этого дворца (а не Дубковского, как пишут некоторые авторы — тот находился от завода на расстоянии более чем две версты) Петр любил наблюдать за работами на заводе.

Для рубки леса и заготовки дров к Сестрорецкому заводу присоединили четыре церковных прихода («4 кирхи») в Выборгском уезде, всего 162 двора. Крестьяне должны были рубить дрова, жечь уголь, добывать и обжигать руду для Дыбуновского чугуноплавильного завода, а также доставлять произведенные материалы на Сестрорецкий завод. За эти работы летом платили пешему 5 копеек, конному — 10, зимой соответственно 4 и 6 копеек в сутки.

В феврале 1720 года, подъезжая к затерявшейся в густых зарослях на мызе Лахта, Петр I снова озаботился сохранением корабельного леса. Он приказал «поставить караул и хранить, как око, весь лес в окружности до 200 верст. Сей лес нужен для строения и содержания впредь Сестрорецких заводов, на жжение угля и на прочие надобности к долговременному и непрерывному его действию». Так около 70 тысяч гектаров лесных богатств, в границах «от мызы Лахта вверх по речке Каменке и от Лахты до Черной речки по край моря до большой старой Выборгской дороги», были предназначены для создания военного арсенала. Год спустя огромные бревна из окрестных лесов уже дымилась на кострах на Угольном острове, где выжигался уголь для нужд завода.

Осенью же 1720 года «плотной мастер» Венедикт Беер, призванный со своим сыном с Олонецких заводов «для усмотрения под строение на Сестре-реке плотины удобного места», доложил об окончательном своем решении строить плотину на крутом повороте реки Сестры. Петр в знак своего согласия водрузил на указанном месте флаг государства Российского. По-видимому, в то время речь шла уже не о фонтанах.

Плотина была нужна для более важных целей: «под тою же плотиною для дела якорей, ружья и протчего действующие водой машины».

С 1 января 1721 года начались работы по подготовке к строительству первых сооружений Сестрорецкого оружейного завода. Выделенными специально для этих целей из ведомства «соляных дел» денежными средствами ведал комиссар Антон Кормедон. В июле 1721 года главным строителем завода был назначен крупный специалист в области горного дела, военной техники, металлургии полковник Вильям Геннин, бывший до этого командиром Олонецких заводов.

Из далеких северных окраин страны в сестрорецкую (Устьрецкую) гавань одно за другим прибывали тяжело груженные суда с людьми, строительными материалами и продовольствием. Геннин сам отбирал на разных заводах нужное железо и отправлял его водным путем на реку Сестру.

И вновь круглые сутки в лесной чаще, на берегах реки и залива слышен был стук топоров и лопат, звон железа, крикливые команды надсмотрщиков и свист кнута, без которого тогда в России нигде не обходилось. А на петербургских площадях проходили ежедневные торги: под оглушительный грохот барабанов дьяки выкрикивали условия на поставку для завода материалов, продовольствия, рабочей силы. Несмотря на участие в стройке большого числа приписных крестьян и солдат Новгородского, Толбухинского и Владимирского полков рабочих рук не хватало.

В 1724 году с Олонецких заводов перевели 100 душ мастеровых вместе с семьями. В том же году был пристроен пороховой завод (но в 1741 году из-за опасности пожара его переведут на Охту), восемь пороховых мельниц, материальный магазин (склад материалов), несколько машин, девять казарм для артиллерийских служителей. Для улучшения работы были присланы из Адмиралтейства 116 мастеровых, с Ижорских заводов — 15, с Ладожских — 40. Каждому мастеровому, поселившемуся при Сестрорецком заводе, в 1725 году давали определенные льготы: 6 десятин земли для выгона скота и сенокосов, право на свободную вырубку леса для дров и благоустройства собственного жилища.

С 1721 по 1726 год были возведены главные постройки на заводе. Кроме плотины с руслами, было построено 17 деревянных и мазанковых фабрик (т.е. цехов) с 28 вододействующими колесами, 10 «магазинов» (складов) и кладовых, жилые дома для рабочих и мастеровых. Были построены также дома для офицеров: одноэтажных — 2, односемейных — 70. Кроме оружейных фабрик и заводов были устроены мастерские: якорная, проволочная, для изготовления пил по образцам, выпущенным из Англии, машина для резки железа и меди.

В 1723 году (по другим данным, в конце 1722 года) Геннин был отправлен на сибирские заводы, а руководство строительством оружейного и пороховых заводов принял полковник Матвей Вырубов, умный и знающий оружейное дело человек. При нем завершились работы по сооружению плотины, которая перегородила русла двух

рек — Сестры и Черной. Взбухшая под сильным напором вода поднялась высоко над Финским заливом и со временем затопила пространство площадью 20 верст по окрестности. Образовалось искусственное озеро Разлив.

Одновременно в расположенной за плотиной низине заканчивалось строительство двадцати по преимуществу деревянных «оружейных фабрик» - двух якорных мастерских, домны, стальной мастерской для «выделки клинков и багинетов», шпикарни, где изготовлялись гвозди для Адмиралтейства, проволочной, пушечной, фонарной, компасной, котельной, пильной, стволовой, заварной, точильной, отделочной, замочной и других. Для того времени это были первоклассно оборудованные мастерские, на которые возлагались большие надежды. Уже 20 ноября 1723 года в письме Геннину на сибирские заводы Петр I писал: «... что вы заводы Уктусские, Алапаевские исправляли и железо доброе на них делают и зачнете по указу пушки и мортиры лить, то хорошо, а что вы зачали делать фузеи и шпаги, то по получении сего, вели отставить впредь там ружья делать не надобно, а железо, потребное на оружейное дело, присылайте сюда на Сестрорецкие заводы, которые уже совсем сделаны».

Здания всех механических мастерских располагались параллельно друг другу на небольшом расстоянии. В более удаленных от плотины местах строились заготовительные мастерские. Склады завода (магазинны) располагались полукругом непосредственно за мастерскими и заменяли ограду завода. От здания конторы, находящегося в вершине ряда магазиннов, всю территорию прорезал широкий проезд, по сторонам которого торцами к проезду симметрично строились здания цехов. Проезд завершался двухэтажным зданием приемной комиссии.

В 1722 году при оружейном заводе началось строительство порохового завода. В этом же году Петр «указал», что Сестрорецкий оружейный завод будет находиться в ведении Адмиралтейства. К 1724 году строительство завода завершилось. Машины, станки и разного рода технические приспособления были доставлены с петровских Олонецких заводов и Ладужской якорной кузницы.

Открытие Сестрорецкого завода состоялось 27 января 1724 года. У заводских ворот собрались все жители селения. Петр I принял от Вырубова рапорт об окончании строительства, а затем распахнул ворота и впустил на заводской двор первых 47 мастеровых. Постепенно заводской поселок стали заполнять мастера, прибывавшие в Сестрорецк из Москвы, с Олонецких заводов, с Ладужской якорной кузницы, с Тырпицкого (Белозерского) завода. Приглашались иностранные специалисты — немцы и шведы. Для заготовки и доставки леса к заводу приписываются крестьяне близлежащих деревень Выборгской губернии.

Все машины на заводе приводились в движение водой. С возведением плотины вода в реке Сестре поднялась, сначала на небольшую высоту (в наше время на 8,5 метров). По деревянным лоткам вода направлялась на расположенные вдоль цехов «мельницы» (деревянные колеса диаметром 4-4,5 м, наподобие колес водяных мель-

ниц). Всего на заводе их было 20. От валов мельниц работали станки, молоты, производилось дутье в домнах и нагревательных печах.

Отработанная вода сбрасывалась в русло Сестры, восстанавливая прерванное плотиной течение реки. Большое водохранилище, образованное разлившейся рекой Сестрой и названное «Разлив», обеспечивало работу механизмов завода в течение всего года.

Сестрорецкий оружейный завод стал одним из крупнейших предприятий российского государства. По своей технической оснащенности он был одним из лучших в то время в России, а по количеству рабочих превосходил многие крупнейшие мануфактуры России. С первого дня ведущую роль в производстве играли русские оружейники. В 1727 году учеников и рабочих людей здесь насчитывалось 683 человека. Среди них были и заварщики, и точильщики, и ковшики — число специальностей доходило до 50. Но оружие, изготавливаемое заводом, было очень дорогим. Дело в том, что завод находился далеко от источников сырья. А основное — железная руда — доставлялось на Сестрорецкий завод из значительно удаленных мест России, в основном из Сибири и с Урала. Летом водным путем на баржах, зимой — на санях. Транспортные расходы составляли значительную долю в себестоимости изготовления ружей.

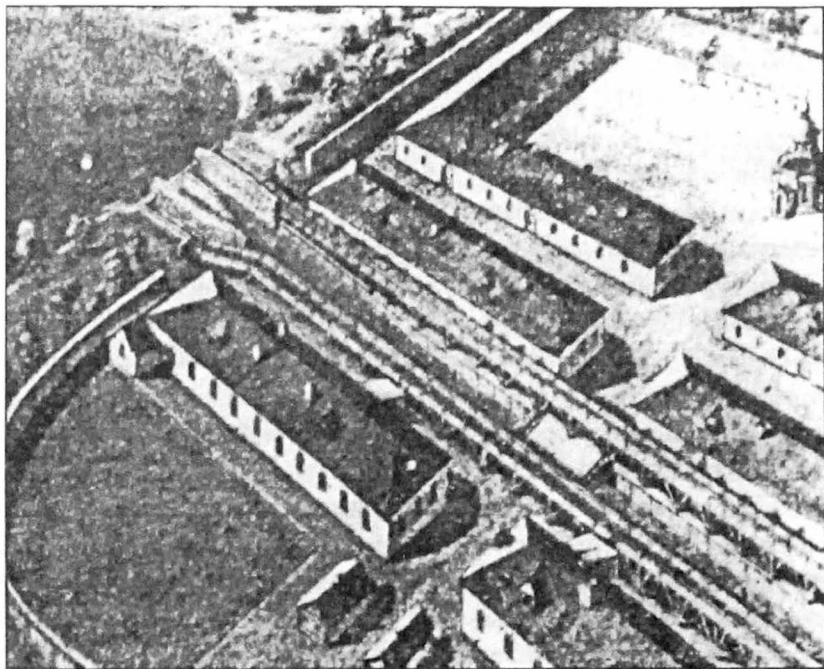
По тем временам Сестрорецк находился довольно далеко от Санкт-Петербурга, в местности малонаселенной, поэтому и жизнь здесь была дорогой. Доставка провианта для рабочих стоила немалых денег. Финансовое положение завода осложнялось тем, что казна отпускала заводу деньги только на производство. Ремонт и обновление оборудования и здания должны были осуществляться за счет средств, сэкономленных на производстве.

Совсем по другому было организовано изготовление ружей на Тульском заводе, который был так называемой смешанной мануфактурой. Часть оружия изготавливалась на заводе, часть — дома у оружейников. На Тульском заводе было меньше цехов и оборудования, но действовали они эффективнее сестрорецких. Поэтому стоимость тульского ружья была на 30% ниже сестрорецкого.

К 1726 году жителей в Сестрорецке было до 475 душ. Частных построек было до 97, некоторые из них принадлежали торговцем съестными припасами и другими товарами.

После смерти Петра I высокая стоимость сестрорецких ружей стала причиной попыток правительства закрыть завод. В журнале Адмиралтейств-Коллегии от 1 мая 1727 года упоминалось, что «ныне имеющегося при адмиралтействе и на заводах готового ружья ценою на 46082 руб. 65 коп. не приемлют; и тако ежели оное ружье впредь тамо делать, то на дело оного может произойти не малая сумма, к тому ж, и сделанное на ту сумму ружье в магазинах будет лежать втуне и от многого лежанья может перержаветь, которое принуждено будет перечищать и переплавливать паки, на что тако ж может произойти сумма не малая ж»¹. Некоторые

¹ Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Л. 1968. С.46

Вид завода в начале XVIII века.

высокопоставленные лица не учитывали, что Сестрорецкий завод — это главный поставщик оружия для молодой российской столицы. Потребность в нем по-прежнему была очень высока, и в случае закрытия Сестрорецкого завода ружья пришлось бы закупать за границей, что было бы еще дороже. Видимо, следовало попытаться снизить себестоимость изготовления ружей на Сестрорецком заводе, но в тот же день, 1 мая 1727 года, было принято решение «на Сестрорецких заводах объявленного офицерского и солдатского ружья, шпаг и палашей впредь до указа не делать»².

Бывшие оружейные фабрики стали приспособляться к изготовлению другой продукции. Там, где совсем недавно точили и полировали клинки, стали делать топоры и пилы. Вместо изумительных по красоте и качеству кортиков и шпаг завод стал изготавливать гвозди, якоря, железо для оковки деревянных лафетов, проволоку и многое другое. Постепенно исчезали и прежние названия мастерских, связанных с производством стрелкового оружия. Ствольная и заварная мастерские стали называться «инструментальной фабрикой».

Постепенно завод приходил в упадок. В 1732 году вышел указ о присоединении Сестрорецкого порохового завода к охтинским. Вскоре встал вопрос о существовании самого теперь уже бывшего оружейного завода. Кабинет министров решил перевести

² Там же

Сестрорецкий завод в «безубыточное и удобное место», а в Сестрорецке в память о Петре Великом оставить лишь небольшую часть завода.

Спасла завод осложнившаяся международная обстановка. Россия готовилась к войне с Турцией, чтобы продвинуться на юг и закрепить за собой западное побережье Каспийского моря. Война началась в 1735 году. Следовало резко увеличить выпуск оружия, так как в магазинах не осталось ни одного ружья.

Из ведения Адмиралтейств-Коллегии завод передали в ведение Кабинета министров, а командиром завода назначили Геннина. На содержание и ремонт мастерских выделили большую по тем временам сумму — 4000 рублей в год. Это позволило с 1736 по 1741 годы отремонтировать и перестроить большую часть заводских мастерских, поставить в кузнице 36 горнов, в ствольной мастерской — 20 станков, перестроить пильные мастерские. На восстановление оружейных и шпажных мастерских выделили дополнительно 12000 рублей.

Наконец, решили обеспечить Сестрорецкий завод более дешевым сырьем. До 1728 года он получал руду из разных мест, в том числе и с Урала и из Сибири. В 1728 году железную руду начали добывать на окрестных рудниках. Однако это не решило проблемы, так как это были незначительные месторождения, к тому же разбросанные по округе. Скоро их запасы иссякли, и поиски новых месторождений пришлось продолжить.

Вскоре обнаружили достаточные запасы железной руды на Дыбун-болоте, недалеко от Черной речки у мызы Осиновая роща. Здесь в 1735 году построили Чернореченский чугунолитейный завод, перерабатывающий местную руду, «которая в действии явилась самая добрая».

Пятьдесят сестрорецких мастеров, переселенных сюда по приказу Адмиралтейского ведомства, выполняли наиболее сложные строительные работы и выплавляли сталь. Это были мастера своего дела, получавшие сравнительно невысокое жалование: первоклассные специалисты — 60 рублей, второклассные — 40 рублей, подмастерья — 20 рублей в год. Все же остальные «рабочие люди», вначале это были 1622 крестьянина Выборгского уезда, купленные Адмиралтейским ведомством у адмирала Крейца, около 3000 человек, купленных у графа Чернышева, добывали руду из болот, обшивали ее, обжигали, заготавливали дрова и выжигали уголь для домиц.

Осенью новое предприятие выдало первую плавку, и с этого момента Сестрорецкий завод стал получать сырье хорошего качества и значительно дешевле, чем прежде. Сталь получалась чистой, белой, в год ее выплавляли 30000 пудов. Стоимость 1 пуда составляла 14 коп. Но, несмотря на это и все попытки удешевить производство, сестрорецкое ружье стоило на 1 рубль 25 копеек дороже тульского.

В 1736 году завод должен был изготовить для армии 4000 солдатских ружей и 3000 шпаг с так называемыми медными приборами. Однако перерыв в работе завода имел отрицательный эффект. Большая часть опытных мастеров была переведена в другие места, в результате завод смог выполнить лишь половину заказанного.

Заводу требовались опытные оружейники, поэтому в Сестрорецке стали обучать оружейному делу детей мастеров, а также мастеровых из солдат. Кроме того, удалось вернуть часть мастеров с других заводов.

В первой половине 1737 года Сестрорецкий завод получил наряд на изготовление 1943 фузей для Семеновского гвардейского полка и 1000 карабинов для конного гвардейского полка. В августе оружейники смогли изготовить первую партию ружей. Представленные на смотре ружья, сработанные сестрорецкими оружейниками, ни в чем не уступали лучшим образцам оружия, присланным из Франции.

В том же 1737 году кабинет министров провел обследование Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов. В результате обследования был сделан вывод о том, что для более успешного развития оружейного дела необходимо изменить управление оружейными заводами. 22 сентября 1737 года новое Положение об оружейных заводах было утверждено. Для управления Сестрорецкими заводами была образована Оружейная канцелярия, деятельность которой контролировал Сенат. Тем же Указом от 22 сентября к заводу дополнительно приписали крестьян Выборгской губернии, которые должны были заготавливать руду, уголь и бревна, заниматься постройкой и ремонтом фабричных зданий. Число мастеровых не должно было превышать 326 человек. Увеличивать численность оружейников разрешалось лишь при условии удешевления стоимости продукции, то есть ружей.

В 1741 году началась очередная война со Швецией. Интересно, что манифест о войне был составлен шведами 24 июня, 28-го его объявили в Стокгольме «при звуках труб и литавр», а жители Финляндии были оповещены об этом лишь 10 августа. Шведы считали успех настолько обеспеченным, что полагали составление какого-либо плана кампании излишним. Такая самоуверенность дорого обошлась Швеции. На этот раз военные действия проходили вне Карел. Тем не менее, на возможных путях движения противника к Санкт-Петербургу были построены полевые укрепления: Мульский ретраншемент, Сувек-шанец, Кивиниемский шанец и Улицкий шанец. Русские армия и флот и в этой войне стали победителями — 30 ноября Ростовский и Казанский полки вступили в Стокгольм.

Начавшаяся война потребовала снабдить личный состав приграничных крепостей и полевых укреплений дополнительным вооружением. Сестрорецкий завод начал изготавливать для них длинные штуцера и мушкетоны с железными приборами. Однако такая работа продолжалась недолго. Уже в декабре 1741 года Кабинет министров был упразднен, и оружейные заводы перешли в ведение Военной коллегии. Она по-прежнему считала, что лишь один Тульский завод должен снабжать русскую армию оружием. Поэтому Военная коллегия решила передать Сестрорецкий завод в какое-нибудь другое ведомство. Главная канцелярия артиллерии была готова взять завод в свое ведение, но при условии ежегодной дотации в 8000 рублей на его содержание, ремонт зданий и оборудования.

Одновременно Военная коллегия получила еще одно предложение. В. Беер, ближайший помощник В. Геннина, назначенного главным директором сибирских заводов, предложил свою кандидатуру на пост командира завода. Он брался содержать завод «без употребления вышеупомянутой безвозвратной суммы 8000 рублей, одними прибыльными от сделанных припасов деньгами». Это выгодное для правительства в финансовом отношении предложение, разумеется, было принято, и командиром завода стал Беер, а сам завод был оставлен в ведении Военной коллегии.

В 1743 году наплывами льда и сильными ветрами начали разрушаться Устьрецкая и Дубковская гавани. К 1745 году они разрушились до основания. Под действием морских штормов развалился маяк. Но жизнь в селении не замерла. Завод продолжал выпускать ружья, клинки, кортики, пушки, корабельное оснащение, якоря по 100-200 пудов каждый, мушкетоны, шпаги, компасы, а также гвозди, пилы, проволоку. Но особенно прибыльным для государства завод по-прежнему не был.

Действовали также 15 пороховых мастерских, основанных в 1723 году, в их числе мельничные амбары, крушильни, размывная изба, сушильни, селитерная варница. В 1725 году они дали Адмиралтейству 135 пудов пороха, а в 1727 году — уже 6948 пудов. В 1740 году пороховое оборудование Сестрорецких мастерских было передано Охтинским пороховым заводам.

В этот период Сестрорецкий завод получал все меньше и меньше заказов на изготовление оружия. А в 1746 году последовало распоряжение: «Нового армейского ружья с армейским прибором без особой нужды за дороговизной цены на Сестрорецких заводах не делать». Поэтому завод занимался не столько производством оружия, сколько починкой ружей, и лишь изредка, «чтоб мастеровым в здешнем недовольном месте в праздности не быть, делать некоторую небольшую часть армейского ружья».

Но мастеровые в праздности не пребывали — они изготавливали такие изделия, которые принесли заводу заслуженную славу. Из чугуна и меди были сделаны часы для Петропавловской церкви в Сестрорецке, тогда еще деревянной, весившие почти 890 кг. Механизм часов работал точно и исправно, и испортились часы лишь спустя 20 лет во время сильной бури, которая разрушила ветхую колокольню собора. В 1752 г. завод получил почетный заказ Академии Наук — изготовить «папинову машину», необходимую Михаилу Васильевичу Ломоносову для работы в химической лаборатории (подобие автоклава для герметизации процесса). Заказ был выполнен в 1753 г., и М. В. Ломоносов сам прибыл на завод для получения машины. В настоящее время она находится в Кунсткамере в кабинете Ломоносова.

90 пудов серебра пошло на гробницу Александра Невского. Ковалась и чеканилась она мастерами-умельцами Сестрорецка. В настоящее время знаменитая гробница экспонируется в Эрмитаже.

Были и совсем прозаические заказы. В это время завод изготавливал дверные затворы, петли, медные ручки, делали пуговицы для мундиров и другие мелкие предметы.

Таким образом, в начале второй половины XVIII века Сестрорецкий завод использовался для выполнения заказов, не связанных с его основным производственным профилем — изготовлением оружия.

В 1747 году в царствование Елизаветы Петровны правительство выделило деньги на строительство при заводе медеплавильной фабрики (цеха). Помимо разных деталей для оружия там производили пуговицы для всей армии.

А в 1755 году при заводе был построен Монетный Двор для переделки старых денег. Уже в октябре 1756-го завод должен был всю имеющуюся при Арсенале в Петербурге медь «перечислить на дело копеек». Но помешала стихия. Завод был разрушен наводнением вместе с другими оружейными цехами. Надо сказать, что наводнения часто причиняли значительный урон заводу, и правительству постоянно приходилось оказывать заводу денежную помощь на восстановление разрушенного. Другим бедствием были пожары. Забегая вперед, скажем, что с 1778 по 1789 год все деревянные фабрики постепенно были заменены каменными

В 1761 году пришлось вместо разрушенного построить новый монетный завод для выделки 2000000 рублей из бракованных артиллерийских орудий.

Переделка монеты на заводе продолжалась до 1766 года, когда Монетная экспедиция была переведена на Монетный двор. А заводские помещения, использовавшиеся для этой работы, были приспособлены для оружейных мастерских. В эти годы завод занимался в основном изготовлением холодного оружия и ремонтом старого. Мастера работали не только на заводе, но и выезжали в войсковые части, где ремонтировали огнестрельное оружие и обучали этому полковых оружейников.

С очень малой загрузкой работали в этот период и Чернореченские заводы. Дальнейшая судьба Сестрорецкого завода складывалась неблагоприятно. Генерал-фельдцейхмейстер (главный начальник артиллерии) князь Григорий Орлов прибыл в Сестрорецк и, обследовав завод, представил Военной коллегии обстоятельный доклад. Орлов считал, что, несмотря на то, что оружие Сестрорецкого завода стоит дорого, завод следует сохранить на случай «подрыва» Тульского завода. Орлов предложил вернуть заводу заказы на выпуск ружей для русской армии, но, несмотря на то, что Екатерина II утвердила доклад Орлова, ни одного заказа завод не получил. Талантливые сестрорецкие оружейники продолжали заниматься ремонтом оружия и производством предметов домашнего обихода. В 1760 году был разработан план реконструкции Сестрорецкого завода, но осуществить его не удалось.

Екатерина II, любившая делать подарки своим фаворитам, пожаловала в 1766 году князю Орлову мызу Лахта. В результате завод лишился большей части своего основного богатства — лесов, прекрасного топливного и строительного материала. В 1767 году завод лишился и большей части приписных крестьян — их осталось всего 200 человек.

Предполагаемый вид завода после реконструкции 1760 года.

В том же году, чтобы добиться от завода хоть какой-то прибыли, Орлов предложил правительству отдать его производства в частное владение. Однако это предложение принято не было.

В 1779 году последняя опора Сестрорецкого завода — Чернореченские заводы вместе с Осиновой рощей и близлежащими лесами — была передана в подарок от Екатерины II графу Потемкину. В указе от 25 января 1779 года «о дарении Осинорощинской мызы вместе с заводом» императрица собственноручно начертала: «...состоящий в ведомстве оной канцелярии (главной артиллерии и фортификации) Чернореченский чугунный завод, находящийся в дачах нашего генерала князя Потемкина, по неимению оной для артиллерии надобности, повелеваем уничтожить». Сестрорецкому заводу теперь пришлось покупать металл вдали от Сестрорецка.

Напрасно крупные русские инженеры убеждали императрицу в необходимости сохранить завод, который при высоком качестве руды выплавлял металл отличного качества. Екатерина II не изменила своего решения, но, тем не менее, Чернореченский завод был уничтожен не сразу.

После смерти Потемкина завод вместе с имением был взят в казну для погашения долгов бывшего владельца и передан в аренду английскому купцу Шарпу, занимавшемуся «плющением железа» (то есть обработкой его под прессом — этот способ существовал до изобретения прокатных станков). Затем по указу Павла I от 4 декабря 1797 года Чернореченский завод был отдан вместе с мызой Осиновая роща в потом-

ственное владение генерал-майорше Монахиной, и с того времени навсегда прекратил свое существование.

25 июня 1780 года Сестрорецк постигло большое несчастье. Деревянные дома, существовавшие в поселке и на заводе с самого их основания, ремонтировались крайне редко и с каждым годом становились все более ветхими. И вот в этот злосчастный день «в четвертом часу, от производимой в генеральной кузнице работы, от закравшейся в кровле искры, которой по ветхости всей фабрики никак вскоре усмотреть было невозможно, разгорелся пожар». В результате сгорели кузница, полировочная, замочная и вертельная мастерские.

Но и в этот тяжелый период своей истории Сестрорецкий завод продолжал удивлять всех мастерством своих оружейников, создававших изделия, которые навсегда останутся в истории как истинные произведения искусства. Например, по проекту знаменитого архитектора Джакомо Кваренги завод изготовил мосты длиной в несколько сажень и шириной в 4 аршина, беседки, «китайским манером железные с решетками да и с другими украшениями, два моста для Царского села, 390 железных решеток и 12 железных ворот для Екатерининского канала и реки Фонтанки. Эти изделия до сих пор украшают наш город.

Никто их преемников Петра не мог оценить всю важность существования северного арсенала России. «Веселая» государыня Елизавета вспомнила о Сестрорецком заводе лишь в ходе семилетней войны, когда государственная казна вконец истощилась. Под страхом полного банкротства она издала указ о доставке меди на Сестро-

Среди экспонатов заводского музея — оружие и доспехи воинов

Сестрорецкий рубль

Петербургский монетный двор, сестрорецкие оружейники стали изготавливать языки для колоколов, чугунные балюстрады для Екатерининского канала в Санкт-Петербурге (ныне канал Грибоедова), готовальни для сената, чугунные пушки, медные тарелки для оркестров, инструменты для одевания Петропавловской крепости камнем и замки для арестанских цепей.

На заводе работало 1400 человек оружейников, среди которых было очень много искусных. Иллюстрацией может служить сказ «Левша» Николая Семеновича Лескова. А родилось это замечательное произведение здесь, на нашей земле. В 1878 году на даче в Сестрорецке писатель познакомился с помощником начальника оружейного завода Болониным. От него писатель узнал об оружейном производстве, познакомился с яркими примерами уникального мастерства. Так в творческом воображении писателя сложился образ Левши — мастера-самоучки.

Такие же безвестные умельцы сделали для императрицы Анны Иоанновны охотничий штуцер (нарезное ружье, заряжающееся с дула) с роскошной золотой насечкой, который был подарен ей, когда она совершила «высочайшую инспекторскую поездку» на Сестрорецкий завод.

В 1786 году по указу императрицы Екатерины II к Сестрорецким заводам был пристроен Пушечный Двор, который предназначался для литья орудий малого калибра по иностранным образцам.

До сих пор хранят потомки сестрорецких оружейников предание о памятной встрече с Суворовым. Он пару дней пробыл в заводском поселке, был в гостях у оружейников, хлебал с ними уху из рыбацкого котелка, живо интересовался производством, сам брался за инструменты, дал высокую оценку сестрорецким штыкам, карабинам. Когда именно это было? Называют разные даты: июнь 1772 года, 16 мая 1791 года, как следует

рецкий завод «для переплавки в монету». На заводе стали спешно строить плавильные печи, устанавливать машины для проката меди и чеканки монеты. Сырье доставлялось из Петербурга и даже из Архангельска до Дубковской пристани. Отсюда люди и лошади волоком по раскисшим дорогам и лесным просекам тащили на заводской двор многопудовые медные стволы прусских трофейных пушек и короткие толстые мортиры. Только в одном 1761 году в Сестрорецк было завезено и переплавлено в монету 601 орудие весом 22034 пуда.

В 1766 году, когда монетная экспедиция вместе со станками была перевезена на

из рапорта капитана артиллерии Карпова командиру завода. «Сего числа, едучи из Выборга чрез Сестрорецкие оружейные заводы, его сиятельство господин генерал-аншеф и разных орденов кавалер граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский соизволил смотреть заводы, коему как все работы, так и вододействующие машины были показаны, о чем Вашему Превосходительству и имею честь рапортовать»³. В книге «Памятник искусств. Сестрорецк», изданной в 1843 году, названа еще одна дата (июль 1792 года).

Сестрорецким оружейникам лишь изредка удавалось показать свое высокое мастерство, которым так восхищался А. В. Суворов — нарядов на производство оружия почти не было. Сократилась и численность оружейников. В конце XVIII века оставалось 408 человек чиновников и мастеровых. Напомним, что в 1727 году только мастеровых было 683 человека. Казна отпускала заводу ежегодно 9768 рублей, которые следовало возвращать. Заводу приходилось искать заказы у частных лиц, но и таких заказов было слишком мало. Положение завода становилось все тяжелее.

В декабре 1796 года завод получил, наконец, приказ изготовить к 20 января 1797 года 2400 ружей для Преображенского полка. С этого времени изготовление ружей возобновилось. Но урон, нанесенный заводу в предыдущие годы, был настолько велик, что он не смог вовремя выполнить наряд. Не хватало мастеровых. Так, на заварке стволов вместо 30 человек работало только семь. Такое же положение было и в других мастерских. Поэтому завод смог изготовить к указанному сроку лишь 280 ружей.

Срочно начались поиски мастеровых. 12 декабря 1796 года командир завода поместил в «Петербургских ведомостях» объявление о том, что Сестрорецкому заводу срочно требуются опытные оружейники. Однако никто не откликнулся. Тогда в помощь заводу Адмиралтейств-коллегия откомандировала 49 человек и наняла несколько десятков слесарей. Чтобы выполнить наряд, мастеровые работали и днем, и ночью с небольшими перерывами на отдых. К 24 марта 1797 года все заказанные ружья были изготовлены. Через месяц был получен новый наряд на изготовление ружей для Павловского и Гренадерского полков. Так постепенно снова стало налаживаться про-

*А.В.Суворов (1730—1800).
Великий русский полководец.
Неизвестный художник. 1799 г.
Холст, масло.*

³ Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Л. 1968. С.47

изводство оружия на Сестрорецком оружейном заводе. К 1798 году завод изготавливал «оружия всякого на 5000 человек и 1200 тесаков» ежегодно.

К этому времени на Сестрорецком заводе сложился определенный порядок работы: командир завода получал наряд на год и сообщал об этом старшему смотрителю работ. Тот вычислял недельные задания для каждого цеха и распределял их. После этого каждый оружейник получал свое задание. За того, кто не выполнил работу, отвечал весь цех. В конце каждой недели мастер собирал у оружейников изготовленные изделия, осматривал их, заносил в приходную книгу и затем под расписку сдавал мастеру следующего цеха. Последний, осмотрев все полученные изделия, отдавал годные для дальнейшей отделки. Если обнаруживались какие-либо недостатки, изделие возвращалось обратно.

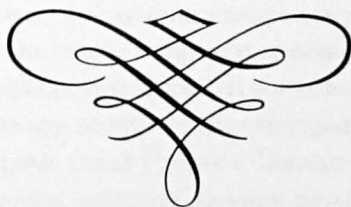
Таким образом, изделия проходило из цеха в цех и, выдержав установленную пробу порохом, доходило до приемной палаты, где браковщик и надзиратели разбирали его на части, осматривали каждую деталь отдельно, а потом испытывали ее. На оружие, признанное совершенно годным, ставилось клеймо завода, и оно переносилось в заводской арсенал, где хранилось до востребования.

В мае 1798 года началось частичное перевооружение русской армии. В июне оружейникам завода было предписано начать изготовление ружей со взаимозаменяемыми частями. Изготовленные на заводе ружья не должны были иметь «ни малейшей разноты ни в мере, ни в весу, ни в пропорции». Кроме того, было предписано сделать запасные части, которые могли бы без какой бы то ни было подгонки заменить поврежденное.

Это требовало высокой точности работы. Степень точности проверялась специальными мерительными инструментами — лекалами. Изготовление взаимозаменяемых частей было крупным успехом русской промышленности и всех тех, кто работал на оружейных заводах. Уже в 1799 году Сестрорецкий завод изготовил для Преображенского полка 300 ружей со взаимозаменяемыми частями.

Однако настоящей, как сказали бы сейчас, унификации изделий можно было достигнуть лишь при применении машинной техники. Переоборудование завода началось уже в XIX веке.

**ЖИЗНЬ
ВОЕННОГО
ПОСЕЛЕНИЯ
В XVIII ВЕКЕ**

Экономика России на рубеже веков

В конце XVII века Россия вступает в новый период экономического и социального развития. В стране складывается ремесленное производство, возникают новые города, появляются первые мануфактуры. Между отдельными районами страны устанавливаются экономические связи. Постепенно формируется всероссийский рынок, расширяется торговля с зарубежными странами.

Наметились изменения и в государственной жизни. С 1653 года прекращается созыв Земских соборов, все реже собирается Боярская дума. В 1682 году было отменено местничество — старинный принцип распределения административных и военных должностей и мест в Боярской думе по знатности и родовитости. Теперь должностных лиц стали подбирать не только по происхождению, а по знаниям, способностям и опыту. Это привело к выдвижению дворян. В военном деле все большую роль начинают играть стрелецкие полки и полки иноземного строя.

Расширяются культурные связи России с Западной Европой. В Россию из-за границы приезжают инженеры, офицеры, врачи и другие специалисты.

Однако Россия отставала от передовых стран Запада, в первую очередь от Англии и Голландии. По образному выражению известного русского историка В. О. Ключевского, Европа того времени была шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами. В европейских государствах развивалось книгопечатание, выходили труды по философии, астрономии, естественным наукам и технике, издавались газеты, работали театры.

Что тогда имелось в России? Несколько железоделательных заводов в Туле, Кашире, близ Москвы и Воронежа, 20—30 писчебумажных, стекольных и соляных мануфактур. Армия была плохо вооружена. Между войнами ее распускали по домам, чтобы не тратить на содержание государственные средства. Школ было мало, да и то при церквях. Типография печатала в основном церковные книги.

На огромной территории Российского государства нелегко было наладить экономические связи, централизованную систему управления. На развитии России отрицательно сказывалось отсутствие удобного морского пути на Запад. Северный морской

путь десять месяцев в году был скован льдами. Берега Балтийского моря захватила Швеция, а северное побережье Черного моря принадлежало Турции.

Экономическая и военная отсталость России создавала для нее постоянную угрозу потери национальной независимости. Для Европы Россия была варварской державой. Многие смотрели на нее как на будущую колонию Европы.

Жизнь настойчиво требовала ускоренного экономического и культурного развития, укрепления обороны, совершенствования системы управления. До начала XVIII века Россия ввозила из-за границы железо, медь, ружья, сукно, серебро, олово. Развитие металлургического производства стало жизненной необходимостью страны. Правительство пыталось самостоятельно организовать мануфактуры на Урале. Вступили в строй четыре больших завода. С конца 1710 года намечается переход к поощрению частного предпринимательства.

Русская промышленность развивалась в условиях господства крепостного права. Так как в стране почти не было свободных рабочих рук, наемными работниками становились иностранные мастера, солдаты, посадские ремесленники, беглые крестьяне, бродяги, каторжники и т. п. Владельцы заводов стали усиленно распространять крепостнические порядки на работников мануфактур. В результате подобной политики начался рост мануфактурного производства. Если к концу XVII века в стране насчитывалось около 30 мануфактур, то за период петровского правления их стало более 100. Петровская эпоха врезалась в память народа как время ломки больших и малых традиций старой Руси. Время бритья бород, переплавки церковных колоколов на пушки, забвение столетних дворцов, сбитых на скорую руку домиков на невыхских берегах.

В начале XVIII века был заложен Санкт-Петербург. 20 сентября 1714 года начато строительство Оружейного завода и рядом с ним поселения Сестрорецк. Сестрорецкий оружейный завод (первоначально металлургическая мануфактура) строился как вододействующий. Для нужд производства на реке Сестре возвели плотину, чтобы машины под действием воды приводились в движение. Так образовалось озеро Разлив. Плотина и водосброс сохранились и действуют в наши дни.

История семьи, города, деревни, военного поселения в любой исторический период всегда трудна, противоречива, а порой и трагична. Сестроречане сполна хлебнули и того, и другого. До XVIII века — пограничные споры, отстаивание своей земли, поиск добрососедства с угро-финнами, шведами, северными народами. Старый московский уклад изменился на западный манер. В XVIII веке Балтика стала центром новых испытаний.

В начале XVII века выход на берега Балтийского моря, по Столбовскому миру, закреплён был за шведами, а торговля и экономическое развитие перестали удовлетворять растущим потребностям российского государства. В начале XVIII века Петр I выполнил поставленную задачу. Швеция была побеждена, Россия получила выход к Балтийскому морю. Продолжается строительство Петербурга. Законодательно Петр I окончательно закрепил крепостное право приравняв крепостных к холопам, а между

тем главное бремя по тяжелой воинской повинности лежало теперь не на одном служивом сословии, а на том же податном населении.

В первое десятилетие XVIII века из состава малонаселенной страны на военные нужды было отнято до 200 тысяч рабочих рук. Отбывание рекрутчины легло новым тяжелым бременем на плечи народа. Кроме помещичьих крепостных и дворовых в числе несвободных групп населения в XVIII веке следует считать заводских «посессионных» крестьян, которые были частью людей, причисленных навсегда к заводам. От крепостных «посессионные» крестьяне отличались тем, что они принадлежали не частному лицу, а заводу или фабрике и отдельно от заводов не могли быть проданы. В условиях недостатка рабочих рук к заводам стали приписывать для работы большие группы крестьян, так как в 1721 году было разрешено покупать крестьян к заводам. Таким образом, особенностью развития русской промышленности первой половины XVIII века было широкое использование зависимого труда. Русская мануфактура, особенно в таких отраслях, как металлургия, полотняная и суконная промышленность, сближалась с крепостной вотчиной. Вольнонаемный труд использовался эпизодически.

А в конце своего царствования Петр I издал указ о единонаследии, когда недвижимое имущество мог наследовать только старший брат, а остальные, естественно, вынуждены были поступать на государеву службу. Не все купцы могли покупать землю с крестьянами, а только те, которые занимались промышленностью. И жизнь приписанных к заводу крестьян была настоящей каторгой. В качестве примера приводим текст указа от 26 июля 1721 года «Об отсылке виновных баб и девок в берг- и мануфактур-коллегии для отдачи в работу на фабрики»: «Для ссылки в работу виновных баб и девок отсылать в берг- и мануфактур-коллегию, и отдавать из той коллегии компанейщикам, описывая, сколько которой лет в работе быть или по смерти, и содержать их при тех работах под караулом, давая им на пищу кормовые деньги по рассмотрению. Буде же чего к мануфактурным будет не отдано и за тем таковых отсылать в Москву, и отдавать по препорции парусного дела на прядильные дворы и к прочим мануфактурным делам, и там содержать их по тому же»¹.

Правительство Петра I оказывало постоянную поддержку русским купцам и промышленникам. В 1724 году был введен покровительственный таможенный тариф — высокие пошлины на иностранные товары, которые могли быть изготовлены или уже выпускались отечественными предприятиями.

Северная война принесла новые увеличения всех государственных расходов. Петр I издает ряд указов, где устанавливаются новые права на уголья или отрасли промышленности, где значительно ограничивается право частной собственности. В оброчные статьи превращаются домашние бани, постоялые дворы, мельницы, рыбная ловля. К этому времени в качестве повышения питейного обложения устанавливается «поведерная» пошлина.

¹ Архив музея Сестрорецкого инструментального завода

До начала XIX века в России холодное оружие изготавливали отдельные мастера-самородки. Это производство на Тульском и других оружейных заводах было второстепенным, даже эпизодическим, так как основной продукцией заводов было огнестрельное оружие. В основном холодное украшенное оружие для царского двора, придворной и военной знати закупалось в крупнейших оружейных центрах Западной Европы: Золингене и Клингентале. Закупочные цены постоянно росли, из-за чего возникли экономические трудности, которые поставили Россию в зависимость от иностранцев. Положение изменилось к лучшему с вводом Сестрорецкого завода.

Уже с 1724 года в двадцати мастерских Сестрорецкого завода начали изготавливать фузеи, клинки, кортики, пушки, корабельное оснащение, якоря по 100—200 пудов каждый, мушкетоны, шпаги, компасы, гвозди, пилы, проволоку. Например, 7-линейная кремневая фузея (ружье) с удобным прикладом и штыком, которым вооружили пехоту, позволяла пехотинцу вести и огонь, и штыковой рукопашный бой.

28 ноября 1718 года Петр приказывает провести поголовную перепись, а 11 января 1722 года — сделать «раскладку на души мужеского пола крестьян и дворовых деловых людей и иных, которые с ними равно в тягло положены, по 8 гривень с персоны». С посадских душ брали 1 рубль 20 копеек. В итоге при правлении Петра к 1724 году прямые налоги составили 55,5%, косвенные — 24,9%, регалии (монетная, соляная и почтовая) — 10,5%.

В России вотчинная промышленность была основана на принудительном труде крепостных крестьян вотчины или поместья. В первой половине XVIII века помещики строили в своих имениях в основном небольшие промышленные мануфактуры, продукция которых шла на удовлетворение личных потребностей владельцев.

Термин «работные люди» встречается с XVII века, а с начала XVIII века с появлением военных мануфактур этот слой работных людей пополнился и посессионными крестьянами, которых часто называли работными людьми. Социально-экономическое положение различных групп работных людей — крепостные и наемные, квалифицированные «мастерские» и вспомогательные работники — было неоднородно.

Институт военных поселений в России имеет длительную историю и традиции и своими корнями уходит в XVI—XVII века, когда воинские поселения существовали на засечных чертах и линиях и служили средством защиты границ российского государства. В XVIII веке особый вид военных поселений составляли полки ландмилиции. Первый опыт их создания относится к Петровскому времени.

В Советской исторической энциклопедии² военные поселения определяются как особая организация войск в России в 1810—1857 годах, совмещавшие военную службу с занятием сельским хозяйством. В 1721 году покупка людей для нужд промышленных производств впервые была разрешена не дворянам.

² Советская историческая энциклопедия. М. 1963

Заводы европейской России находились в ведомстве конторы берг-коллегии. В своей деятельности она руководствовалась берг-привилегией и берг-регламентом, а также именными и сенатскими указами.

Берг-коллегия выполняла различные функции: подготовка места под завод, взыскание с промышленников налогов и обязательная поставка меди и железа, приписка к заводам государственных крестьян и выдача разрешения на покупку крепостных к заводам. Берг-коллегия рассматривала жалобы не только промышленников, но и приписных крестьян и мастеровых людей. Коллегия могла осуществлять карательные операции по отношению к крестьянам, проявившим непослушание. Органы Берг-коллегии управляли казенными заводами и организовывали сбыт продукции.

«Инструкция или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях», принятая в январе 1719 года, содержала в 27-ми пунктах подробный и четкий перечень обязанностей земского комиссара, порядок их выполнения, взаимоотношения с провинциальными и губернскими органами управления, штрафы, жестокие наказания за несвоевременные и неполные сборы податей. Кроме этого, он отвечал за порядок в округе, состояние дорог, мостов, постоялых (гостиных) дворов, сыск беглых, разбойников, воров, убийц, обеспечение войск провиантом и квартирами³.

В 1711 году в Петербурге был заложен Литейный двор — второе по величине промышленное предприятие России. Руководил строительством выдающийся инженер В. Геннин, а затем генерал-фельдцейхмейстер Я. Брюс.

В. Геннин предвидел осложнение материальных и бытовых условий жизни мастеровых. Поэтому в прошении Петру I в 1721 году обращал на это внимание государя: «без такого указа зело опасен и жить будет тяжело, также и плотниках и мастеровых людях»⁴.

Но Петр I, хоть и опережал свое время, в 1721 году специальным указом лишь осудил продажу людей «как скотов», но не запретил ее. Известный своими крутыми мерами в других областях, Петр I пошел на поводу у крепостников, ограничился рекомендацией — продавать «цельми фамилиями или семьями, а не порознь», «от чего немалый вопль бывает». Во второй половине XVIII века наступил апогей крепостного права. Манифест о дворянской вольности, датированный 18 февраля 1762 года, отменил обязательную службу дворян в мирное время и фактически установил частную помещичью собственность на землю.

Жители Сестрорецка

К открытию Оружейного завода Петром I с Олонецких заводов в Сестрорецк было переведено 475 человек мастеровых с семьями. Впоследствии численность населения постепенно увеличивалась.

³ Архив музея Сестрорецкого инструментального завода

⁴ Там же

Важнейшим классом жителей были оружейники. Они делились на три разряда: молотобойцев, учеников заводских или полковых и мастеров, состоящих на задельной оплате. Для первого разряда нужна была только сила и здоровье.

Второй разряд состоял из детей оружейников, достигших совершеннолетия. Под руководством опытных мастеров они шаг за шагом постигали секреты оружейного дела, начиная от подручного труда и заканчивая получением звания мастера. Эти два разряда рабочих состояли на полном казенном обеспечении, получали кроме провианта и жалования еще 36 рублей в год (данные середины XIX века) и жили в казармах.

После совершеннолетия они поступали в ученики, и при получении звания мастера переходили на задельную плату и не имели права переходить в другое сословие. Мастер третьего класса мог заработать до одного рубля в день. Над ними был старший мастер, контролировавший качество и сдачу оружия. За сохранность материала каждый цех отвечал круговой порукой. Цеховые депутаты занимались хозяйственными и финансовыми делами. Каждый цех представлял собою как бы родную семью. Завод работал ежедневно, кроме табельных и воскресных дней в среднем 280 дней в году. В выходные входила одна неделя для говения и две - для сенокоса. Рабочий день длился от 10 до 12 часов в сутки.

Третий разряд, самый многочисленный, почти 700 человек, составляли опытные оружейники, получавшие задельную плату. На эти средства они могли содержать себя и семью. На постройку и починку жилья они получали лес, а для сенокоса и пастбища завод выделял им 6 десятин земли.

Помимо обязательного правительственного заказа, оружейники выполняли частные заказы. Средства от них шли в общую копилку заводского капитала. Из этого фонда оказывалась помощь поселянам на случай стихийного бедствия согласно решению общего приговора и утвержденному начальником завода.

Каждый оружейник обязан был прослужить на заводе не менее 25 лет. После действительной заводской службы оружейник мог продолжить ее и получать сверх обыкновенной платы награду от 50 до 100 рублей, в зависимости от усердия. Причем эта прибавка увеличивалась через каждые пять лет.

Оружейник, прослуживший бессрочно 40 лет, или получивший какие-либо увечья или болезни, препятствующие продолжению службы, освобождался от заводских работ. Награды, получаемые им прежде, составляли его пенсию. Все представления о наградах, пенсиях, отставках рассматривались и утверждались инспектором оружейных заводов. Для облегчения управления заводом была должность штаб-офицера, который заменял начальника завода при его отсутствии. В случае крайней необходимости правление завода имело право нанимать вольных мастеров или чернорабочих людей. Одновременно оно вело ссудную и следственную части, при этом все работники завода судились военным судом, а жены, дети, отставные мастеровые и вольные поселенцы - гражданским.

Продовольствие закупалось заводским начальством у продовольственного ведомства и хранилось в особых магазинах. Мастеровым продукты отпускались по цене закупки с учетом издержек доставки. Сюда входили мука и крупа. Остальные продукты население покупало в городе или у вольных обывателей, торговцев, которых в то время было до 50 человек.

Каждый оружейник в свободное от работы время должен был обустроить свой быт. По возможности вырабатывать больше задельной платы, иметь дворовую птицу, корову или две. Рубка леса производилась за разливом Сестры-реки, по которому они летом на лодках, зимой - на санях перевозили дрова. За домами на огородах сажали овощи, излишки продавали. На вырученные деньги жены оружейников могли побаловать себя кофе, чаем и сахаром, привозимыми из Гельсинфорса.

Все мужское население увлекалось рыбной ловлей, а некоторые - охотой. Все эти занятия укрепляли здоровье заводчан. Имеются примеры долголетия до 100 лет и более. Воровство встречалось крайне редко. Некоторые отставные заводчане содержали лошадей для извоза или занимались выращиванием картофеля.

Женщины, кроме постоянной выручки за молоко, сливки, сыр и яйца, продавали дары природы: летом — летние ягоды, весной и осенью - клюкву и грибы. Женщины зимой занимались вязанием чулок, которые с успехом сбывали в столице.

Категории рабочих людей на оружейном заводе были различными: посадский люд, ремесленники, рекруты, мастеровые и приписные крестьяне. От характера их труда зависела и оплата. Например, мастеровые, которые изготавливали оружие, получали до 66 копеек в день, а мастеровые-кузнецы, молотобойцы только лишь до 7 копеек в день. Приписные крестьяне были на различных подсобных работах, которая была не только тяжелой, но и плохо оплачивалась.

В архиве Военного исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи есть списки дел о сыске сбежавших с Сестрорецкого завода. Администрация завода строго наказывала нарушителей режима предприятия: «жестокое наказание палкою чинено и притом подтверждено ежели и впредь в казенные заводские работ тож и к возке угля выезжать не будут, то наижесточайше наказаны и будут».

Режим на заводе был строгим и тяжелым: с 4 часов утра до 11 часов затем обед и до 8 час вечера. На заводе за любую провинность жестоко наказывали. Одно из страшных испытаний — прохождение сквозь строй вооруженных палками солдат.

Старый рабочий С. А. Федоров вспоминал: «За неповиновение, малейшие пропуски, по малейшему подозрению пороли не только розгами, но и били палками, пропуская сквозь строй, и если человек не мог вынести положенного числа ударов — падал забитый и истекающий кровью, — его относили в госпиталь, подлечивали и снова пропускали сквозь строй солдат. чтобы добавить количество оставшихся ударов»⁵. Об этом рассказывал и М.А. Кириллов: «Помню хорошо я один случай, как били одного

⁵ Реформы Петра I. Сб. документов М., 1937, с. 165-174

рабочего в заводе. Выстроили 60 человек солдат и дали им в руки толстые, но гнущиеся ивовые палки, поставили впереди барабанщика, а рабочего в крестовину вывели и повели его два солдата вдоль строя. Раздалась команда капрала, забил барабан, и началось избиевание человека. Через несколько ударов по оголенной спине вздувшиеся кровавые рубцы лопнули, потекла кровь, а удары сыпались и сыпались на несчастного. Сзади бьющих солдат шел капрал и следил за ударами. Если плохо и тихо ударишь, он поставит мелом на спине крест, что означало так же к порке этого солдата за неправильный удар и невыполнение инструкции»⁶.

Чтобы легче было поймать беглых, работным людям иногда клеймили руки раскаленным железом. Так поступали одно время с тульскими мастерами, призванными для производства пушек.

Первая попытка выступления работных людей против существующих условий труда и жизни семей была предпринята в 1725 году. Прокурор Адмиралтейств-коллегии Козлов попытался разобраться в причинах возмущения мастеровых и признал, что мастеровые доведены до тяжелейшего положения.

Рабочим выдавали часть провианта в счет аванса. И, несмотря на то, что к концу 1725 года семьи мастеровых получили участки земли под огород и были освобождены от государственных податей, полуголодная жизнь лучше не стала. Смертность на заводе была высокой.

Первый фабричный закон, изданный Петром I, ограничивал продолжительность рабочего дня на фабриках и заводах. А по регламенту 1741 года хозяева фабрик были обязаны «надзирателям, мастеровым и работным людям построить близ фабрик способные казармы и при оных и госпиталь для больных завести», рабочим рекомендовалось держать в чистоте инструменты и платья.

Толчок в развитии медицинских дел дал Петр I, заменив аптекарский приказ на медицинскую канцелярию и положив начало санитарному законодательству. Петр I объявил аптеки вольными, учредил «гофшпитали». В 1735 году был издан «генеральный регламент о госпиталях и должностях докторов, комиссаров и проч. »

С Петровских времен при заводе был свой врач. Больной рабочий получал на свое выздоровление 3 копейки в день. Население завода увеличивалось. Из-за плохого климата и сложных условий работы — то жар, то стужа, — количество больных с каждым годом возрастало. В 1748 году был устроен первый лазарет на 50 человек. На содержание больных, поступавших в него, вычиталась половина из получаемого ими провианта и жалования, с незначительными процентами на приобретение медикаментов.

Эти правила действовали в госпитале до 1808 года. Позднее был устроен госпиталь на 150 человек. Госпиталь принимал больных мужского пола с 8 лет. Женщин и детей врачи навещали на дому. Самыми распространенными недугами были просту-

⁶ ЦГАДА, ф.9, д.54, л.1025

да, нервные и желудочные болезни. Болотная вода и холодные утренники были причиной паразитарных болезней. Многие поселянки лечились у местных знахарок, что приводило к плачевным результатам. Начальство принимало значительные меры по устранению предрассудков.

На продовольствие больных правительством каждый год ассигновалась определенная сумма. В 1739 году по предложению Военного Совета этот госпиталь Высочайшим указом был причислен к первоклассным военного ведомства, с содержанием вещей и прочего по хозяйственной части от Департамента Комиссариатского, а по врачебной — Военного Медицинского; строения же по части ремонтной остались в распоряжении заводского начальства. Количество умерших не превышало количество рожденных в год.

В 1748 году был открыт лазарет на 50 коек. Лазарет возглавил Федор Франц Здекауер — доктор медицины. Анализ списков умерших показывает, что в основном причинами смерти становились цинга, чесотка, чахотка. Доктор Здекауер в донесении о причинах смерти мастеровых пишет о бытовых условиях госпиталя. Большая часть не получала никакой медицинской помощи. Только в начале XIX века начинает постепенно складываться система медицинского обслуживания на заводе.

Каждый мастеровой был наделен по 6 десятин земли для сенокоса и пастбища для скота. Для постройки дома разрешалось пользоваться бесплатной рубкой дров и бревен. Продукты доставлялись из провиантского магазина Петербурга. Мастерские состояли на военном учете при заводе и не могли продать, построить или поселиться без разрешения заводского начальства. Заводские мастеровые для организации порядка выбирали старосту и десятника.

Выборные представители — старосты и десятник — должны были объявлять о распоряжениях начальника завода. Все приказы объявлялись под барабанный бой. Мастерским не разрешалось заниматься другими ремеслами. Для создания более сносных условий жизни семьям мастеровых Петр I разрешил селиться в Сестроречке лавочникам, рыбакам, купцам для продажи продуктов и предметов первой необходимости.

Заводское руководство держало под строгим контролем торговцев и могло их наказать и выселить из Сестроречка. После 1861 года мастеровые оружейники были переведены в разряд сельских обывателей с правами государственных крестьян.

После смерти Петра I столицу в 1728 году перенесли в Москву. Многие дворяне и купцы покинули Петербург. Ряд мануфактур закрылся. В январе 1732 года царский двор и центральные учреждения вернулись в Петербург — он вновь стал столицей. В 1738 году увеличивается производство оружия на Сестроречком заводе. И к середине XVIII века в столицу вновь потянулся поток оброчных крестьян и мастеровых на заработки. На волне дворцовых переворотов после смерти Петра и начавшейся войны со Швецией в 1741 году появляется необходимость в дополнительном оружии для рус-

ской армии, и завод получает новые заказы на изготовление штуцеров. Появляется надежда на улучшение бытовых условий мастеровых и их семей. Командиром завода становится Беер, а Геннин был назначен начальником Сибирских заводов.

Но содержать завод на прежних материальных условиях было трудно. Принимается решение передать завод в ведение военной коллегии. И так как заказов на изготовление оружия было мало, администрации завода приходится братья за различные дополнительные наряды. Так были сделаны часы для Петропавловской церкви в Сестрорецке, выполнен заказ М.В.Ломоносова для Академии Наук. Чтобы прокормить семьи, работные люди и мастера выполняли любые заказы: производили медные ручки, пуговицы, петли, ограды, дверные затворы и другие предметы.

В XVIII веке правительство стремится вызвать к жизни промышленные компании, наделяет их привилегиями, но в тоже время парализует их деятельность, подчиняя ее интересам казны больше, чем интересам промышленности.

Екатерина II в этот период в основном на юге решала государственные задачи, которые были связаны с русско-турецкой войной. Поэтому во второй половине XVIII века Оружейный завод выполнял случайные заказы, порой фактически прекращая изготовление оружия. Несмотря на подробный доклад главного начальника артиллерии князя Орлова, нарядов на оружие не последовало. Екатерина II продолжала в ущерб местным жителям раздавать территории своим фаворитам, не задумываясь о судьбе завода и жителей военного поселения. Так в 1766 году она дарит князю Г. Орлову мызу Лахта, а князю Г. Потемкину — Осиную Рощу. Таким образом, завод лишился хорошей сырьевой базы для изготовления оружия.

Из фонда государственных земель огромные массивы переходили в собственность дворян и, прежде всего, дворянской знати и царских фаворитов. За время с 1762 по 1796 годы помещикам было роздано 800 тыс. крестьян. Братья Орловы, принимавшие активное участие в возведении Екатерины II на престол, получили 45000 душ крестьян, фаворит Екатерины II Потемкин — 37000 душ крестьян.

Оружейники завода, доведенные до отчаяния, в сентябре 1797 года обратились с жалобой к Павлу I. Они сообщали, что офицеры Карпов, Тюляев, секретарь Наумов, прапорщик Бривин используют свою власть против мастеровых. Рабочие жало-

*Императрица Екатерина II.
С гравюры Дж. Лонга. Около 1762 г.*

вались на плохой провиант, несправедливые наказания, взятки офицеров. Но жалобы рабочих остались без ответа. Бежавших мастеровых ловили и жестоко наказывали.

Рыболовство в районе Финского залива, реки Сестры, Черной, озера Разлив всегда было хорошим подсобным промыслом, дающим населению пищу и дополнительный заработок в зимнее время. Главной промысловой рыбой были снеток (озерная корюшка), окунь, ряпушка, плотва, ерш. Весной во всех домах стоял особый запах корюшки. Сестрорецкая корюшка — это особый вид промысла. Ее сушили, жарили, вялили. Ряпушка — одна из самых вкусных рыб. Ее тушили с овощами и также вялили.

Рыбаки селились здесь в период правления Петра I и ловили рыбу бесплатно. В 1726 году Екатерина I определила новые правила ловли рыбы, по которым все окрестные воды находились в ведении командира завода. «Рыбаки, которые ловят рыбу, чтобы им продавать самим на рынке или на своих лодках охочим людям про себя, а откупщикам до половины дня отнюдь никому не продавать, а после полудня продавать всем, а буде который в том пойман будет, и тот по тому же наказан быть иметь».

В 1746 году рыбаки обязаны были за ловлю рыбы в пользу завода вносить установленную плату. Елизавета Петровна в 1748 году посетила Оружейный завод. Ее угостили ухой из ершей и корюшки. Обед очень понравился императрице, и она велела доставлять рыбу во дворец к обеденному столу. Для поддержания постоянного запаса живой рыбы был построен садок. Здесь постоянно находилось несколько рыбаков, и в любое время на побережье реки Сестры приезжали придворные из Петербурга. Самым известным поставщиком рыбы в Петербург и на Сестрорецкий рынок был сельский обыватель Смолкин, прадед которого для рыбной ловли переселился в Сестрорецк в 1745 году из села Красного вотчины Императрицы Марии Федоровны.

Для современных жителей Сестрорецка в память о рыбаках XVIII века осталось автобусная остановка Рыбацкая.

Сестроречане сеяли рожь, ячмень, овес, но всего этого вследствие скудости почвы, конечно, не хватало. В местах, близких к Сестрорецку, было развито огородничество: разводили, главным образом, картофель, капусту белую и красную. Сажали свеклу, лук, огурцы, морковь, петрушку, салат, укроп и другие овощи.

Фруктовые деревья вследствие суровости климата разводили очень мало, но зато почти в каждом крестьянском садике можно было встретить красную и черную смородину, малину, а иногда и крыжовник.

Одно время в Сестрорецке существовало среди женщин перчаточное производство.

Вследствие обилия в крае торфяников некоторые из них разрабатывались, причем торф шел главным образом на подстилку скоту и лишь отчасти на топливо. Обилие глины способствовало созданию кирпичных заводов, сначала в Сестрорецке, позже в Александровке, близ Белоострова.

Новгородская Уставная грамота 1137 года повелевала: «...кто купец, тот в сто, смерд, а тот посягнет на свой погост; так пошло в Новгороде». Иначе говоря, древним новгородским законодательством предписывалось купцам, торговым людям, объединяться в сотни — своеобразные торговые общества, а крестьянам селиться на погостах. Погосты обычно возникали на живописных берегах рек и озер, на оживленных торговых путях. С незапамятных времен они являлись административно-территориальными единицами сельского округа, где вершились не только духовные, но и мирские дела. В церкви венчались, крестили новорожденных. Обычно на погосте строилась церковь, при ней возникало кладбище, где погребали наиболее почетных именитых жителей (отсюда второе, более узкое значение слова «погост»). Церковь была не только культурным, но и своего рода правительственным, общественным зданием. Колокол оповещал о стихийных бедствиях, здесь хранились общественные казна, товары, юридические документы.

Черты Новгородского правления плавно переходят на Сестрорецкую землю, так как много переселенцев в XVIII веке было с новгородской земли.

Для исполнения церковной службы в Сестрорецке кроме деревянной часовни и придомовой церкви Петровского дворца, выстроенного в Дубках, на территории завода в 1725 году была построена деревянная церковь во имя апостолов Петра и Павла.

В 1781 году по распоряжению заводского начальства вместо деревянной Петропавловской церкви была построена каменная церковь из кирпича, взятого из разрушенного Дубковского дворца.

Деревянная церковь Николая Чудотворца появилась в 1734 году на кладбище, на берегу заводского Разлива, на соединении Задней и Никольской улиц (позднее Старо-Никольская, Госпитальная).

Никольская церковь, названная в честь Николая Чудотворца, возвышалась за высокой деревянной оградой. На входе стояли высокие каменные ворота с большим образом старой иконописи Святого Николая Чудотворца и лампадой у образа. Николай Чудотворец был очень любим среди жителей Сестрорецка. В каждом доме горела лампадка у его образа. Вокруг церкви были захоронения с деревянными и чугунными крестами.

Деревянные домики рабочих стояли недалеко от церкви. Дом братьев Ленковых — Алексея, Николая и Анисима и их сестер — Евдокии, Анны и Анастасии, а на другой стороне братьев Фирфаровых — Семена и Матвея. Это фамилия не только на слуху, но до сих пор живут потомки Фирфаровых, фамилия которых произошла от фразы «фир фарен», что по-немецки означает «четверых привезли». Здесь же неподалеку жили Емельяновы, Федоровы, Рыбакевичи. Рабочие Оружейного завода жили дружно. После трудового дня собирались во дворе, сидели на длинных деревянных скамейках, чинили сети для рыбной ловли, обменивались новостями, выкуривали самокрутки из махорки.

На заводе работало много финнов. Во второй половине XVIII века появилась сводка данных о всех известных тогда народностях Российского государства в обширном, иллюстрированном рисунками труде Георги, который вышел на русском и немецком языках. К финским или чудским народам были причислены лопари, чухонцы, эсты, черемисы, чувашаи, латыши литовского племени и многие другие. Угро-финны (древн. югра) жили некогда и на севере европейской России. Впоследствии югра была отчасти поглощена финнами и обрусела.

Строгая военная жизнь отражалась и на женщинах военного поселения. Жены, дочери мастеровых занимались сбором ягод, грибов. Собирали травы и сушили их. Разрабатывали огороды. Ловили дикую птицу. Появились небольшие рынки для продажи ягод, вязаных вещей (чулки, салфетки, платки). Часть женщин работали прислугами в домах богатых финнов. Многим приходилось на длительный срок покидать родной дом в поисках средств существования. По воспоминаниям коренных сестроречан Кондратьевых: «У финнов учились их языку, готовить обеды, накрывать на стол, пришивать и изготавливать различные украшения к платьям».

Значительные болотные места в окрестностях Сестрорецка также были большим подспорьем для местных жителей. Они занимались добычей болотной и озерной железной руды и выплавки из нее железа. Болотную и озерную руду выкапывали в местах залегания, затем плавил в небольших домницах и получали полуфабрикат — «крицу». Из крицы производилось железо. Этим промыслом занимались многие жители северо-западных районов. Продукция этих промыслов продавалась в различных регионах страны.

Древесина - национальное богатство России - широко использовалась в быту и промышленных отраслях. Это и строевой, и мачтовый лес, а также дрова и народные промыслы.

Крестьянские деревянные изделия — традиционный многовековой промысел народа. Для сестроречан изделие из древесины решало многие проблемы. Из дерева изготавливали, например, прятки, спинки саней, сундуки, оконные наличники, скамейки, а также принадлежности к одной из любимых игр жителей Сестрорецка. Это популярные до сих пор городки.

Четверики, осьмухи, аршины — сестрорецкие старожилы слышали эти метрические определения с раннего детства и не случайно. Оружейный завод выполнял государственный заказ, и каждая семья знала и использовала эти метрические величины.

Петр I не обращал внимания на такие «мелочи», как, скажем, метрическая система, занимаясь глобальными изменениями жизни Российской империи. Между тем русские сажени, версты и фунты не только не сходились с европейскими нормами измерения, но также не были едины внутри различных регионов. Первыми на это обратили внимание монетные дворы. Отливка серебряных монет требовала точности. А на питейных дво-

рах, где царил монополия государства, с вином также получали и ведро, которым поставщики измеряли отпуск товара. Мерами длины занималась Главная полицмейстерская канцелярия, мерами сыпучих и жидких тел (то есть мерами для измерения зерна и питейными мерами) — Камер-коллегия, а мерами веса — берг-коллегия.

Дочь Петра I, Елизавета, метрологические проблемы понимала в большей степени и начала усовершенствование мер длины. Комиссия мер и весов рассматривала два возможных варианта решения этого насущного вопроса: первый ориентировался на тот самый «полуаршин Петра I». Но как выяснилось позже, сажень (3 аршина), образованная на основе «полуаршина», была почти на целый дюйм (2,54 см) больше семи английских футов. Второй, более простой вариант, предложила Главная артиллерийская канцелярия. По мнению артиллеристов, «чтоб российскую сажень переменить и сделать против английских семи футов равною», ее следовало уменьшить на 2,54 см.

Принялись за аршин. Главная полиция обратилась в Оружейную канцелярию, где в 1746 году сделали шесть образцовых стальных аршинов: эталонов для изготовления «рабочих мер», употребляемых «в народе». Решили для народного употребления «против пробного аршина сделать на Сестрорецких заводах 5000 аршинов». Но получилось, что выполнить это очень сложно. Помешали российские бюрократические порядки. Цена каждого аршина составляла 30 копеек, а за все аршины следовало заплатить 1500 рублей. Предполагалось, что аршины распространит полиция, а «деньги за них по приеме и отдаче в народ также и по собрании оных заплачены будут». Но распоряжения о распространении этих аршинов «среди народа» так и не последовало.

На Сестрорецких заводах с выполнением заказов тоже не торопились. Лишь через 5 лет, в 1751 году, Оружейная канцелярия сообщила, что изготовлен 1471 аршин, и запросила причитающиеся за них 441 рубль 30 коп.

Но оказалось, и платить за них некому: «аршины при приеме останутся без задачи и без взятия за них денег», поэтому Главная полиция решила не брать их вовсе, а оставить на хранение Оружейной канцелярии. Двадцать лет аршины лежали в канцелярии. Пару раз канцелярия все же пыталась получить за них деньги, но эти хлопоты оказались бесполезными.

Кроме мер длины, большое значение имели меры объема. В частности, винные меры — ведро, полведра, четверть ведра, осьмуха (кружка), пол-осьмухи, а также гривенные и двугривенные меры, то есть меры для измерения вина при продаже в розлив. Размер их все еще был непостоянен и зависел от цены вина. Необходимо было сделать одну «отжигальницу» — емкость для определения крепости вина, и медный сорокаведерный мерник для принятия вина от поставщиков.

Артели на территории Сестрорецка занимались смолокурением и поташным промыслом. Смола, смольгут (густая смола) и поташ (древесная зола) вывозились за рубеж.

Для многих было почти спасением бортничество. Мед и воск находили самое различное применение. Иностранные купцы покупали русский воск. В эпоху петровских преобразований древнерусские традиции не погибли, а только ушли в глубь и на окраины русской земли.

Окраинная деревенская Россия продолжала жить художественным наследием старины: пела старинные песни, резала по дереву русалок-берегинь, рассказывала былины и сказки.

В XVIII веке продолжали широко бытовать традиционные жанры народного творчества — былины, сказки, пословицы, поговорки, бытовые песни и т. д. Нельзя считать случайностью, что в XVIII веке были записаны пословицы, отражающие представление о воле: «воля господину, а неволя холопу», «воля неволи не хочет», «в поле воля».

Сестроречане украшали резьбой или росписью прялки, ткацкие станки и т. д. Расписные детские игрушки XVIII века в форме гротеска высмеивают жеманную, изнеженную барыню, самодовольного купца, модника-вельможу. Изображения животных и птиц (петуха, сокола, коня, лебедя и т. д.) можно найти на всевозможных предметах бытового обихода, мебели, пряничных досках и т. п.

Приобщаясь к богатому культурному наследию Европы, русский народ в то же время опирался на коренные отечественные традиции, накопленные за длительный предшествующий период художественно-исторического развития, на опыт древнерусского искусства. Именно в силу этой глубокой преемственности Россия сумела в течение XVIII века не только принять активное участие в общем процессе движения мировой культуры, но и создать свои национальные школы, сохранить национальные традиции и, впитав опыт соседствующих народностей, пойти дальше.

Торговая сеть в 60-90-х годах XVIII века значительно увеличивалась. Купцам разрешалось открывать лавки в собственных домах. В Петербурге было открыто много магазинов, принадлежавших немцам, французам, голландцам и англичанам. На рабочих окраинах торговля была представлена мелочными лавками, казенными винными лавками и пивными трактирами. Развитие мануфактурного производства привело к развитию прикладной механики. Создаются лаборатории на Адмиралтейском и Литейном дворах.

К началу XVIII века система образования стала приобретать гражданский характер. Программа обучения соответствовала решению важнейших задач в области промышленности, торговли, созданию регулярной армии и флота. Первые дошедшие до нас сведения об образовании на Руси были весьма печальными. Церковь стала бить во все колокола, призывая найти путь к образованию. Духовное образование начинает свой путь к народу. 28 ноября 1717 года Петр подписал указ о создании при Адмиралтействе школ, чтоб детей «плотничьих, матросских, кузнечных и прочих мастеров записных учить русской грамоте и цифири». С 1719 года такие школы стали работать

в Петербурге. А с 1722 года — при Партикулярной верфи на Фонтанке, с 1726 года — при Охтинской плотничной слободе и на сестрорецких оружейных заводах. Учащиеся получали по 2 деньги и хлебное довольствие. Обучение приравнялось к государственной службе.

По сведениям 1728 года в цифирные школы было набрано более 2000 человек.

С 1721 по 1725 год стали открываться духовные школы, и между светскими и духовными начиналась борьба за учеников. Посадские люди просили освободить их детей от обязательной посылки на учебу, так как они должны были учиться отцовскому ремеслу.

С начала XVII века хорошее по тем временам домашнее образование получали царские дочери и девицы из знатных боярских семей. При Петре I в Москве и Петербурге появились частные светские школы, в которых могли обучаться и девочки. В 1724 году было предписано монахиням воспитывать сирот обоего пола и обучать их грамоте, а девочек, сверх того, прядению, шитью и другим мастерствам.

В 1754 году были учреждены первые акушерские школы в Москве и Петербурге, а затем в других городах. В раскольничьих скитах имелись частные школы, в которых преподавали «мастерицы». В середине XVIII века в России появились частные пансионы, содержавшиеся иностранцами. Началом общественного образования женщин в России принято считать 1764 год, когда в Петербурге по проекту И. И. Бецкого было основано Воспитательное общество благородных девиц.

В последние годы царствования Петра I почти в каждой губернии город имел по две школы: светскую и духовную. Духовная школа оказалась более устойчивой, чем светская. В царствование Екатерины II учителей математики можно было найти только в гарнизонных школах.

В 1744 году заведование цифирными школами перешло от Адмиралтейств-Коллегии к Военной коллегии. Поводом к такому решению послужил указ 1732 года об учреждении при гарнизонных пехотных полках гарнизонных школ.

Екатерина II, по крайней мере, в первую половину своего царствования даже мечтала посредством школы «создать новую породу людей». Но самодержавие боялось распространения знаний. «Черни не должно давать образования, поелику она будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет повиноваться нам в той мере, в какой повинется теперь», — писала Екатерина II фельдмаршалу П. С. Салтыкову.

Появляются закрытые мужские и женские учебные заведения. Важный шаг к народному образованию был сделан в 1782 году. Была создана Комиссия об учреждении народных училищ. Для новых училищ не было доставлено никаких средств, обязанность содержания их возлагалась на приказы общественного призрения. Социальный состав учащихся в общеобразовательных школах был чрезвычайно пестрым. В народных училищах преобладали дети мастеровых, крестьян, ремесленников, солдат, матросов и т. д. Неодинаков был и возрастной состав учащихся — в одних и тех же классах обучались и малыши и 22-летние мужчины.

Желающих учиться было не так много. Местные власти должны были прибегать к разным принудительным средствам, чтобы наберечь достаточное число учащихся. Местные власти не торопились финансировать образование.

Организация военного поселения затронуло и детей оружейников. Высокая смертность взрослого населения требовала подготовки к труду детей. Если раньше в школу с шестилетнего возраста забирали детей солдат, то в Сестрорецке на Оружейном заводе стали набирать детей оружейников в принудительном порядке. Такая школа для мальчиков существовала до 1736 года. В 1744 году открывается школа кантонистов. Обучение в школе осуществлялось в строго военной системе. Форма наказания — труд на заводе рядом с отцами. Материальных поощрений не было, но дети мастеровых получали провиант.

С Петровских времен в школу набирали по принуждению и содержали на казенные средства лишь солдатских детей. Но впоследствии стали брать на казенное содержание и сирот - детей оружейников. Спустя несколько десятилетий после открытия в ней обучалось свыше 180 детей, что по тем временам считалось крупным учебным заведением.

Ровно в 8 утра в казарме кантонистов раздавался громовой барабанный бой, оповещавший о начале трудового дня. Быстро убрав свои солдатские постели, 8-10-летние мальчишки второпях натягивали казенную форму: «козлиные штаны» (изготовленные из козлиной кожи), холстиновые рубашки с галстуками простого сукна и колпак красного цвета.

Однако, если по форме одежды солдатские дети и дети оружейников не различались, то снабжение их было неодинаково. По распоряжению Петра I велено было «разных полков солдатским детям выдавать муки - по три четверти, круп - по полтора пуда, соли - по 24 фунта в год, а детям мастеровых - против того половину».

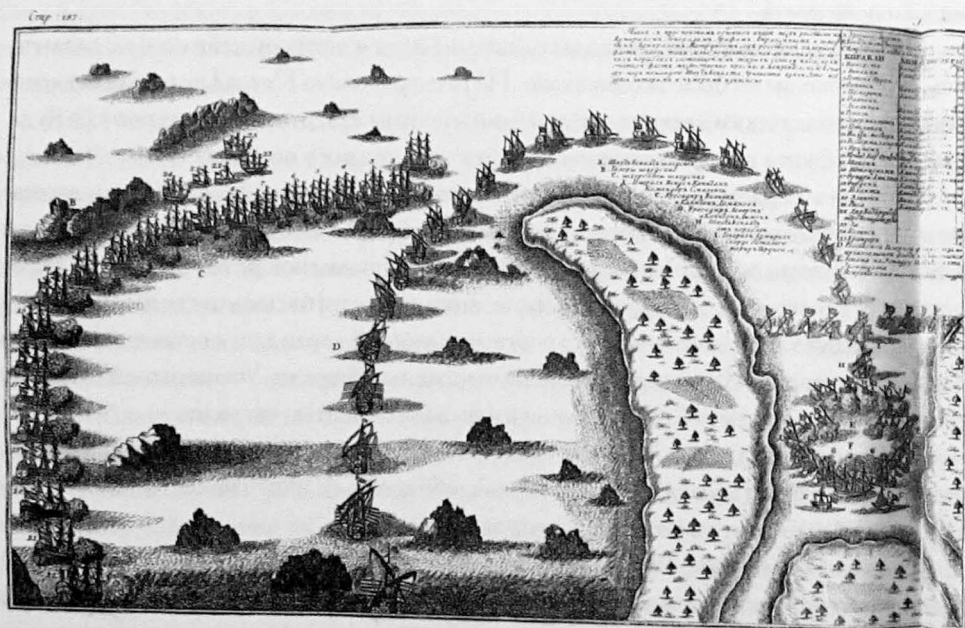
Занятия в первом классе проходили следующим образом, Двое учеников держали азбуку на большом листе картона, остальные ребята стояли в стороне, заложив руки за спину. Учитель, обычно малограмотный солдат инвалидной роты, вызывал и спрашивал всех по очереди. Для урока чистописания на парты насыпали смоченный морской песок. Для такой «тетради» был соответствующий карандаш - острая деревянная палочка. Во втором классе выдавали использованные тетради. Ученики писали между строчек. Только на третий год обучения им выдавали чистые тетради.

В школе царил дух казармы. За плохой ответ, за малейшую провинность или шалость дядьки-солдаты наказывали учеников. Жаловаться никто не смел, так как считалось, что без бития грамоте детей научить нельзя.

Со второй половины XVIII века школы кантонистов постепенно превращались в школы различной подготовки мастеровых. Теперь, кроме получения начальных знаний по русской грамоте, закону божьему, арифметике, начальным правилам геометрии, рисованию и черчению, большая часть времени отводилась практическим занятиям.

«Устав морской» Петра I. 1724 г.

«Книга Марсова». Раскрыта на схеме сражения у мыса Гангут.
С.-Петербург, 1766 г.

К середине XIX века сестрорецкая школа кантонистов по своему профилю уже полностью относилась к числу практических учебных заведений, но была закрыта в 1867 году после «освобождения» оружейников.

Условия быта и жизни были тяжелыми, и нередко предпринимались попытки бегства. В архиве Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге хранятся дела о сыске бежавших с Сестрорецкого завода учеников. Например, в рапортах в военную коллегию докладывается о том, что ученики Александр Румянцев и Илья Серов, отпущенные на два дня в Петербург, не явились в срок.

Кроме школы кантонистов, заводским властям не удалось открыть учебное заведение для детей Сестрорецка. Если в Петербурге удавалось создавать закрытые учебные заведения, в которых готовили специалистов не только военной специальностей, но и давали в целом общеобразовательную подготовку, то в Сестрорецке такую школу смогли открыть только в августе 1856 года. Это была Михайловская школа для девочек. Учебное заведение содержалось на средства оружейников. И деятельностью школы ведала заводская администрация.

XVIII век был ознаменован для России значительными переменами.

Еще в недрах XVII века, в петровские времена, происходил процесс «обмирщения» русской культуры. Приглашаемые на русскую службу иностранные мастера не только помогали создавать новый быт, но и были учителями русских людей. Другим не менее важным путем получения профессиональной подготовки была посылка русских мастеров на учебу в Европу.

XVIII век без преувеличения можно назвать не только веком русской воинской славы, но также и веком женского правления. Из ста лет около семидесяти на российском престоле находились женщины. Все они становились правительницами уже в зрелом возрасте. В стиль правления каждая вносила черты своего характера, своего жизненного - нелегкого - опыта.

XVIII век для Сестрорецка был веком рождения, становления, утверждения и формирования традиций военного поселения.

Заключение

Именно XVIII век стал началом отсчета истории Сестрорецка. Здесь был построен дворец Петра I «Дубки» и начал свою деятельность Сестрорецкий оружейный завод. На реке Сестре была построена плотина, и образовалось озеро Разлив.

К сожалению, дворец в том же XVIII веке был разобран, однако сохранился парк, который ныне охраняется государством.

Сестрорецкий завод стал одним из крупнейших поставщиков оружия для русской армии, правда, не все в его истории было радостным и успешным. Жителям Сестрорецка многое пришлось пережить в этот период. Это и Северная война, и трудное становление завода, и природные катаклизмы. Тем не менее, в XVIII был создан фундамент, на котором продолжалось развитие Сестрорецка и его окрестностей.

Об этом — в следующих томах нашего издания.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Хронология основных исторических событий Сестрорецкого оружейного завода и селения Сестрорецк

1643 Первое упоминание о селении Систербек. В 1643 году город Выборг жаловался приходившему в Стокгольме Рейхстату, что жители Ньюэнсканца (Ниеншанца), прибрав к своим рукам всю торговлю Кексгольма, доходят до такой дерзости, что ведут торг даже на границах Выборгского округа, заведя ярмарку в Систербеке, отчего город Выборг терпит большой ущерб в промыслах и торговле.

1644, 30 июля. Указ шведской королевы Христины о запрещении и прекращении ярмарки в Систербеке.

1710. Петр I снаряжает команду офицеров осмотреть места на реке Сестре, для закладки завода.

1714, 20 сентября. Петр Великий сам, обозревая окрестности р. Сестры, которые заинтересовали его во время похода на Выборг, остановил свое внимание на крутом ее повороте с юго-востока на северо-запад в четырех верстах от впадения в Финский залив. Здесь он приказал построить плотину для образования запруды и при ней завод.

1719. Петр I приказал построить при устье реки Сестры, недалеко от современного Курорта, гавань. Посредством этой гавани Сестрорецк мог иметь дешевое и удобное сообщение с Петербургом и Кронштадтом, откуда приходили с разными материалами военные и коммерческие суда. Река Сестра в то время была настолько глубока и обширна, что по ней на судах прямо в завод доставлялись материалы. Около гавани постоянно стояли часовые при пушках — канониры, от которых местность Канонерка и получила свое название.

1719. Петр приказал в Дубках, которые ему понравились еще до возникновения Сестрорецкого завода, построить по составленному им самим плану трехэтажный каменный дворец с домовою церковью во имя Святых апостолов Петра и Павла. Он был красив с внешней стороны и богат, по тогдашнему времени, внутреннею отделкою.

Постройка дворца была окончена в 1720 году. При освящении дворца Петру была поднесена епископом Феофаном икона Св. Николая. Эта икона в 1900 г. находилась в Сестрорецкой Петропавловской церкви. Петр развел фруктовый сад. Против дворца были построены две каменные круглые вышки. Остатки одной из них сохранялись до 1900 года. С этих вышек Петр наблюдал за ходом шведских кораблей во время Великой Северной войны.

1719. На основании именных указов Петра Великого к оружейному заводу были приписаны леса, занимавшие пространство в окружности около 200 верст. Они располагались от Большой Выборгской дороги у Петербурга и кончались около Выборга. Каждый мастеровой был наделен 6 десятинами земли, для сенокоса и пастбища скота, с правом бесплатной рубки в заводских лесах дров и бревен на постройку себе изб.

1721. В июне по указу Петра Первого началось строительство Сестрорецкого оружейного завода. Для осуществления проекта в район реки Сестры прибыл специалист в области горного дела, военной техники и металлургии Виллим Геннин. Вместе с ним на Сестру-реку прибыло 248 плотников из Олонецкого края и Новгородской губернии, которые и начали строительство.

1722. Строительство завода идет быстрыми темпами. Стройку часто посещает царь Петр. Он присылает сюда новых и новых «рабочих людей», которые при оружейном заводе строят еще и пороховой. На строительстве «плотинных и других заводских разных работ» было занято 577 унтер-офицеров, капралов и солдат Новгородского, Владимирского и Толбухина полков, присланных с острова Котлин. Руководил ими подполковник Матвей Вырубов.

1723. Закончена постройка завода. Он состоял из 20 фабрик (мастерских), на которых изготовлялись: большие якоря, чугун, «уклад», гвозди, пилы, проволока, солдатские и офицерские фузеи, мушкетоны, шпаги, кортики и т. п. Машины, станки и другие технические приспособления, необходимые для завода, были доставлены морем, на больших лодках, с Петровских Олонецких заводов и из Ладужской якорной кузницы. Одновременно с этим прибыли и мастеровые, в количестве 546 человек, вместе с женами и детьми. Для обучения мастеровых оружейному делу, по приказанию Петра, были выписаны из Пруссии и Польши опытные оружейники.

1723. Завершение строительства плотины на р. Сестре и создание водохранилища Сестрорецкий Разлив (под руководством В. Геннина и М. Вырубова).

1723. По приказанию Петра I при Сестрорецком оружейном заводе были построены пороховые заводы, которые в среднем ежегодно изготовляли до 3500 пудов пороху.

1723, 20 ноября. Указание генерал-майору Геннину «о неделании на Уктусских, Алапаевских и Каменских железных заводах оружия, о присылании на оное дело железа на Сестрорецкие заводы».

1724. Строительство окончено. Сестрорецкий оружейный завод начинает работать. Заводской поселок постепенно заселяется мастерами, прибывшими в Сестрорецк по указу Петра I с Олонезких заводов, из Москвы, из Ладужской якорной кузницы, с Белозерского завода. Для заготовки леса и доставки его к заводу приписываются крестьяне близлежащих деревень Выборгской губернии.

Завод изготавливает разные виды оружия для армии и флота: фузеи офицерские и солдатские, шпаги, мушкетоны, пищали, пистолеты, кортики и палаши. Кроме того: большие и малые якоря, валы для лесопильных мельниц, гвозди разных размеров.

1724, 14 января. Распоряжение Сената о «бытии Сестрорецким оружейным заводам в ведении Артиллерии».

1724, 27 января. Распоряжение «о делании на Сестрорецких оружейных заводах якорей, об определении на оные лекаря, о вычете на медикаменты из жалованья и о назначении доходов для выдачи мастерам и мастеровым людям жалованья».

1724, 11 февраля. Распоряжение о передаче Сестрорецких заводов в ведение Адмиралтейства.

1724. Построена деревянная церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла.

1725. Составлены правила для сестрорецких рыбаков, поселившихся в селении в царствование Петра I: «Рыбаки, которые ловят рыбу, чтобы им продавать самим на рынке или на своих лодках охочим людям про себя, а откупщикам на продажу до половины дня, отнюдь никому не продавать, а после полудня продавать всем, а буде который в том пойман будет, и тот потому же наказан быть имеет».

1726. Сестрорецкий оружейный завод становится одним из крупнейших предприятий Российского государства. В его цехах работают 683 человека. По количеству «работных людей» он превосходит многие русские мануфактуры и по своей технической оснащенности является одним из лучших в России.

Однако Сестрорецкий оружейный завод находился далеко от Петербурга, в малодоступном месте и поэтому дорого обходился казне. **1-го мая** последовал указ Адмиралтейств-коллегии о прекращении изготовления оружия на заводе. Предприятие стало выпускать топоры, пилы, домкратные доски, гвозди, якоря, железо для оковки лафетов, кораблей и галер, проволоку, другие предметы.

1732. Возник вопрос о самом существовании Сестрорецкого оружейного завода. Кабинет министров решил: завод перевести в «безубыточное и удобное место». А на реке Сестре в память о Петре Великом оставить лишь небольшую часть мастерских.

1732, 12 июня. Распоряжение об отдаче Сестрорецких заводов в ведение Артиллерии.

1732. Распоряжение о доставке металла на изготовление оружия с Чернорезских или Дыбунских чугунно-плавильных заводов, находящихся при болоте Дыбун, в 6 верстах от Сестрорецкого завода.

1733, 23 декабря. О подтверждении указа о приеме Сестрорецких пороховых заводов (12 июня 1732 г.) от Адмиралтейства в ведение Главной Канцелярии артиллерии и фортификации.

1735, 9 июня. Распоряжение о подчинении Сестрорецких заводов генералу Геннину с тем, чтобы он «довольствовал Адмиралтейство всем, что оному нужно, без прибавки противу той цены, которая будет стоить самому заводу», о разделении труда по роду мастерства и о заведении оружейного и шпажного завода.

Распоряжение «о делании на Сестрорецких заводах ружей для всей гвардии конной и пешей и для полков кирасирских».

1735, 14 июля. Распоряжение по представлению генерал-поручика Геннина об учреждении при Сестрорецких заводах шпажного и оружейного завода «с выдачею на сие» 12000 р.; о выдаче в капитал Сестрорецких заводов 20000 р.; о переводе Адмиралтейского порохового завода с таковым же Охтинским; об учреждении конторы заводского правления; об отдаче по описи как заводов, так и служителей в ведение генерала Геннина и о назначении «к сим заводам рот из Кронштадтского гарнизона, с переменою по третям года, оставляя их на полковом счете».

1735. Началась русско-турецкая война, и появилась необходимость увеличить выпуск оружия, поэтому правительство решает завод не закрывать. Его командиром становится Виллим Геннин. Из ведения Адмиралтейств-коллегии предприятие переходит в ведение Кабинета министров. Завод стал получать чугун и сталь высокого качества и возобновил выпуск оружия. К этому времени на реке Черной был построен чугунно-литейный завод. Руководил строительством Андрей Беер. 50 литейщиков, переселенные из Сестрорецка, выплавляли около 50 тысяч пудов чугуна в год из болотных руд, добываемых на Дибунских болотах крепостными крестьянами Выборгской губернии.

1736, 6 января. Распоряжение Сената «О жалованье и провианте мастеровым и служителям Сестрорецких заводов».

1736—1741. Отремонтированы и перестроены многие заводские мастерские. В кузнице поставлено 36 горнов, в ствольной мастерской — 20 станков, перестроены пильные мельницы. Ежегодно на содержание и ремонт мастерских выделяется значительная по тем временам сумма — 4 тысячи рублей. На восстановление оружейных и шпажных мастерских завод получил дополнительно 12 тысяч рублей.

1737, 7 июля. Распоряжение об учреждении фабрики на Сестрорецких заводах для делания разных медных вещей, нужных для обмундирования войск.

1737, 18 августа. Распоряжение об отпуске для мастеровых и рабочих людей Сестрорецких заводов провианта из СПб магазинов.

1737, 22 сентября. Указ «О новом устройстве Тульских и Сестрорецких заводов». В Сестрорецке учреждена Оружейная канцелярия, деятельность которой контролировал Сенат.

1737, 25 сентября. К заводу дополнительно приписаны крестьяне из «публичных деревень» 4-х приходов Выборгской губернии. Их обязанности: заготовление руды, угля, бревен, ремонт построек.

1737, 28 октября. Распоряжение «о производстве пенсионов» вдовам мастеровых Сестрорецких заводов из Адмиралтейской коллегии.

1738, 27 февраля. Распоряжение: «Пенсии вдовам мастеровых на Сестрорецких заводах производить не из Адмиралтейской коллегии, а из контор тех заводов».

1738, 30 октября. Распоряжение о ежегодном присылании из Сестрорецких заводов в Ревизион-коллегию счетов, а в Кабинет — ведомостей о приходе и расходе денег и припасов и количестве сделанного оружия.

1741, 28 декабря. Распоряжение «О бытии Оружейной канцелярии и Конторе, также Тульским и Сестрорецким заводам в ведении Военной коллегии».

1741. Швеция начала войну с Россией. Сестрорецкий оружейный завод изготовил для пограничных прибалтийских крепостей особой системы длинные штуцера и мушкетоны с железными приборами.

Однако отношение к заводу продолжало быть «неблагодарным», поскольку тульское ружье на порядочную для того времени сумму — 1 руб. 25 коп. — было дешевле. Военная коллегия считала, что Тульский завод может один снабжать армию оружием. Решено передать Сестрорецкий завод из Военной коллегии в любое другое ведомство. Главная канцелярия артиллерии соглашается взять предприятие в свое ведение при условии предоставления ежегодной дотации в 8 тысяч рублей. Неожиданное предложение поступает от ближайшего помощника Геннина — Беера. Он взялся содержать завод «без употребления упомянутой безвозвратной суммы 8000 рублей, одними прибыльными от сделанных припасов деньгами». Беер становится командиром Сестрорецкого завода.

Кроме оружия, предприятие изготавливает из чугуна и меди часы для Петропавловского собора в Петербурге, которые весили 55 с половиною пудов. В специальной мастерской производились различные изделия для Царского Села.

1744, 25 июня. Распоряжение о поручении Сестрорецких, Тульских и Черноречских заводов в ведение Оружейной канцелярии.

1748. «Дубки» посетила императрица Елизавета Петровна. Собирала плоды с фруктовых деревьев, посаженных Петром. Они настолько ей понравились, что она приказала доставлять их ко дворцу. При посещении завода (4 августа) императрица Елизавета Петровна, покушав ухи, приготовленной из ершей и корюшки сестрорецких «рыбаковых» мест, нашла ее настолько вкусною, что приказала таковую доставлять к ее обеденному столу, почему для содержания постоянного запаса живой рыбы, по распоряжению заводского начальства, при устье р. Сестры (где в настоящее время находится курорт), был построен садок, куда иногда приезжали придворные повара для варения ухи, которая, по приготовлении, достав-

лялась к столу императрицы. При этом садке всегда находилось несколько рыбаков, на обязанности которых лежало постоянно иметь живую рыбу — кроме удовлетворения царского стола, для приготовления рыбных кушаний для высших лиц, посещавших завод.

1752–1753. Сестрорецкий завод выполняет заказ Академии наук: делает «папинову машину», необходимую М. В. Ломоносову для работы в химической мастерской. Ломоносов лично приехал на завод получать машину. С 1735 по 1756 год завод изготовил 27000 солдатских ружей, 76884 шпаги и 39784 «пикинерских» («пикинеры» — копейщики, в отличие от «фузилеров», которые были вооружены фузеями) копья для кавалерийских войск. За этот же период отремонтировал 15450 солдатских ружей и 2762 карабина.

В начале 2 половины XVIII века завод использовали для выполнения случайных работ, не связанных с его профилем.

1756, 9 октября. Учреждение для производства медных монет Монетной экспедиции (из старых медных пушек). Действие этой экспедиции продолжалось с 1756 по 1766 год. За это время медных монет разной стоимости было начеканено на 2 миллиона рублей.

1756, 9 октября. Распоряжение о переделе в деньги находящейся в артиллерии и в казенных и партикулярных заводах меди; о запрещении заводчикам продавать медь; о невзыскании пошлин с вывозимых за границу медных копеек; «о непокупании» на фабриках красной меди; о запрещении вывоза латуни; «об отдавании» с серебряных монетных дворов в медный передел меди, не содержащей серебра; об оставлении в казне золотой и серебряной монеты; об употреблении на расходы медной монеты.

1756–1766. Сестрорецкий завод главным образом занимается выделкой монет из меди. Из оружия изготавливают только холодное оружие и ремонтируют старое.

1758. Прорыв плотины и снос паводковой водой нескольких корпусов завода.

1762. Дубковский дворец был приспособлен для заводского провиантского магазина.

1765, 31 мая. Распоряжение «О непроизводении в деревнях Выборгской губернии литейного мастерства», во избежание подделки монеты.

1765, 5 июля. Распоряжение о дозволении частным людям делать на подряд и продажу «оружейные вещи».

1766. Екатерина Вторая дарит князю Орлову мызу Лахту. Завод лишается лесов, то есть топлива и строительного материала.

1767, 3 июля. Распоряжение о нарядах на работу приписных к Сестрорецким оружейным заводам крестьян.

1772, 28 сентября. Распоряжение об употреблении приписных к Сестрорецким заводам крестьян во все, случающиеся по Выборгской губернии, наряды.

1744, 14 октября. Распоряжение об отдаче Сестрорецких заводов в ведомство Артиллерии и об улучшении оных.

1777. Чернореченские заводы, снабжавшие Сестрорецкий завод чугуном и сталью, подарены императрицею графу Потемкину. Завод вынужден покупать сырье далеко от Сестрорецка.

1780. Пожар уничтожил на Сестрорецком заводе кузницу, полировочную, замочную и вертельную мастерские. Несмотря на бедственное положение, на заводе выполняются уникальные заказы. Здесь, по проекту архитектора Кваренги, строятся мосты, беседки, железные решетки с украшениями для Царского Села. А также: 390 железных решеток и 12 железных ворот для Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) и реки Фонтанки.

1781. По приказанию начальника Сестрорецкого оружейного завода разобран Дубковский дворец, и из кирпича его построена в Сестрорецке церковь во имя Апостолов Петра и Павла.

1792, июнь. Сестрорецкий завод посетил А. В. Суворов.

1795. Из кирпича были построены: 19 мастерских, магазин, двухэтажный сарай длиной 148 саженей с тремя башнями, церковь, двухэтажный дом для временно проживающих офицеров, прибывающих на завод (здание сохранилось и поныне).

1796. Завод неожиданно получил приказ изготовить 2400 ружей для Преображенского полка. С этого момента возобновляется производство ружей.

1797. В мае началось частичное перевооружение русской армии. В июне оружейникам Сестрорецкого завода было предписано начать изготавливать ружья со взаимозаменяемыми частями.

Составила А.С.Кубарева

Приложение 2

Из архивных документов Сестрорецкого оружейного завода

ЗАВОД СТРОИТСЯ...

№1. Донесение полковника артиллерии В. Геннина Петру I о прибытии в Петербург для начала строительства завода 4 июня 1721 г.

Всемиловейший царь-государь.

По вашему царского величества имянному указу¹ прибыл я, низайший, в Санкт-Петербург для строения при Сестре реке новых ружейных и протчих железного дела мануфактур 2 дня сего июня и привез с собою с Олонецкого уезда собранных 330 человек плотников² с провиантом на 4 месяца. А прежде и скорее сего времени ехать мне, низайшему, было невозможно, понеже на Олонецких заводах приуготавливал и отправил к тому строению принадлежащие железные припасы, и сего числа вперед отправлюсь и с помощью божию зачинать буду.

Прошу вашего величества, прикажи, государь, определить указом выборгского обер-коменданта или других кого надлежит, чтоб повелено было в нынешнее летнее удобное время, покамест дни нарочитые, к тому строению дать вспоможение солдат человек с 500, также бы и Чичерин³ по моему требованию давал из соляных доходов деньги на наём плотников или работников и на другие потребы, которые подлежат к оному же строению. Да против прежняго моего письма, писанного к вашему величе-

¹ Указ Петра I о начале строительства Сестрорецкого оружейного завода не сохранился. Посетив Сестрорецк 24 февраля 1720 г., Петр I указал: «... По сю сторону Сестры-реки до мызы Лахты и от мызы Лахты вверх по речке Каменка до означенной столбовой дороги лесу стоячего сырого никакого никому и ни на какие потребы рубить не давать, для строения на Сестре-реке оружейных и протчих железных дел мануфактур...» (ЦГВИА СССР, ф. 5, оп. 76, д. 316, л. 57 об)

² Это были крепостные рабочие петровских Олонецких заводов

³ К. Л. Чичерин — судья Соляного приказа

ству⁴, вели, государь, определить Адмиралтейскую коллегияу чтоб мне, нижайшему, свободно было с Олонецких заводов брать железные разные припасы, каковы к тому строению понадобятся, понеже я без такого указа zelo опасен и жить будет тяжело, также и о плотниках и мастеровых людях.

Вашего величества нижайший раб *Вилм Геннин*.

ЦГАДА. ф. 9, отд. 2, д. 54, л. 1025. Подлинник.

№2. Из указа Сената о переводе олонецких мастеровых на Сестрорецкий завод 20 января 1724 г.

Его императорское величество, будучи в Сенате января 14, указал: 1) С Олонецких Петровских заводов оружейного дела мастеров с женами их и с детьми и с инструменты перевести на Сестрорецкие заводы в будущей весне по скрытию льду под водою; жалованьем денежным и хлебным содержать их до будущего определения против того, как они содержаны были на оных Петровских заводах; а каким образом содержаны были, о том взять ведомость из Адмиралтейства...

ПСЗ, собр. II, т. VII, № 4421.

№ 3. Из доклада командира завода Петру I о состоянии завода 27 января 1724 г.

1

Сестрорецкие новостроящиеся заводы ныне в постройке оным введении указом, где повелено было.

2

При оных заводах оружейные машины все в отделке, а во оных машинах мастеров и мастеровых людей ныне обретается налицо:

Мастеров иноземцев: цейхвартер Калк — 1, ствольный свирельщик — 1, шпажный ковщик — 1, точильщик и палерщик — 1, ствольного дела — 1.

Мастеров же из русских: якорного дела — 1, оружейного дела — 1.

Подмастерьев из русских же: от строения заводов — 1, у якорного дела — 1.

Мастеровых людей: ствольных заварщиков — 4, ствольных точильщиков — 2, ствольных отдельщиков — 2, замочных и приборных ковщиков — 4, замочных и приборных отдельщиков — 4, станочных отдельщиков — 3, шпажных ковщиков — 2, кузнецов у починке снастей заводских — 5, молотобойцев у якорного дела — 10, пильщиков в пильной мельнице — 2.

Итого ныне при заводах 47 человек⁵...

⁴ Имеется в виду письмо от 18 апреля 1721 г., в котором говорилось о высылке олонецких плотников на строительство Сестрорецкого завода

⁵ Далее в этом документе говорится, что количество мастеров и мастеровых людей должно быть увеличено на 463 человека

...Надобно при оных заводах еще в добавку построить машин и мастерских, а именно:

Машин:

где будут железо резать — 1,

где будут бить медные доски и проволочная — 1,

где делать шпикарное дело — 1,

где делать пилы для пилования всякого лесу — 1,

для пилования водою разных мелких железных дел — 1.

(Сделать против сего)⁶.

Мастерских:

где делать всякие инструменты лекарские и циркули — 1, где делать офицерские ружья и шпаги — 1,

где из руды делать роусталь малая домна — 1⁷. Понеже стали надобно немалое число, а ежели роусталь привозить с петровских заводов, то будет становиться дорого и много на добрую сталь негодна, а при здешних заводах руда есть, с которой и отлить явилась на сталь годная и невдалеком месте.

(Сделать по сему).

Где будут жить мастеровые люди надобно построить квартир — 50 и о том указом, что повелено будет.

(Изб сделать 60).

ЦГАВМФ СССР, ф. 223, оп. 1, л. 32,
лл. 29, 29 об., 34 об. Подлинник.

«РУЖЬЯ ВПРЕДЬ ДО УКАЗА НЕ ДЕЛАТЬ...»

№ 4. Из журнала Адмиралтейств-коллегий
о прекращении изготовления ружей на заводе
из-за их дороговизны
1 мая 1727 г.

Коллегиею имели рассуждение, что при Сестрорецких оружейных заводах делается офицерское и солдатское ружье и палаши и шпаги, которого в военную коллегию и в артиллерию и в прочие места якобы за дорогою ценою не приемлется; к тому ж и за отпущенное в помянутую военную коллегию и в артиллерию в прошлых 1724 и 1725 годах ружье денежной суммы 30221 руб. 12 коп. в адмиралтейство по многим требованиям и поныне не отпущено, тако ж и ныне имеющагося при адмиралтействе и на заводах готового ружья ценою на 46 082 руб. 65¹/₂ коп. не приемлют; и тако ежели оное ружье впредь тамо де-

⁶ Здесь и далее в скобках даны резолюции Петра I, проявлявшего живой интерес к строительству завода

⁷ Кроме этих мастерских, в октябре 1726 г. началось строительство молотовой и лудильной мастерских «для дела вновь белого листового железа» (Материалы для истории русского флота, СПб., 1875, ч. V, стр. 361, № 5926)

лать, то на дело оного может произойти не малая сумма, к тому ж, и сделанное на ту сумму ружье в магазинах будет лежать [в]туне и от многого лежанья может перержаветь, которое принуждено будет перечищать и переплавливать паки, на что тако ж может произойти сумма не малая ж, и для того по довольному о том рассуждению и мнению, с которым и е[го] с[ветлость] генерал-адмирал граф Апраксин согласуется, приказали: на Сестрорецких заводах объявленного офицерского и солдатского ружья, шпаг и палашей впредь до указа не делать.

*Материалы для истории
русского флота. СПб., 1875.
ч. V, стр. 476, 477, № 2112.*

ВОЙНА ТРЕБУЕТ ОРУЖИЯ

*№ 5. Указ императрицы Анны Ивановны
о возобновлении производства ружей и шпаг
на заводе в связи с подготовкой к русско-турецкой войне
9 июня 1735 г.*

Указали мы для лучшего надзирования, Сестрорецкие заводы в управление вручить одному генерал-порутчику Геннингу с таким именным определением: чтоб на тех заводах все потребные к Адмиралтейству и ко флоту материалы и инструменты и генерально все те вещи, которые на заводах делаются и деланы быть могут, ко определениям Адмиралтейской коллегии без всякого задержания и остановки деланы и к Адмиралтейству отпущены были по той цене, без всякой прибавки, по которой оные материалы и вещи на тех заводах со всем в отделке становятся, которые деньги при принятии тех материалов Адмиралтейство без всякого задержания платить долженствует. А в каких материалах и вещах при Адмиралтействе наивящая нужда состоит, о том Адмиралтейской коллегии обстоятельную ведомость сообщить генерал-порутчику Геннингу, дабы он о тех мастерствах мог иметь надлежащее старание; и для делания таких материалов и вещей такое учреждение учинить, чтоб соблаговременном изготовлении оных при Адмиралтействе и флоте не могла какая остановка учиниться. И для того ко всякому мастерству иметь особливых мастеровых людей и работников, чтобы каждый при своем деле и мастерстве остался и от одной работы к другой отвлочен не был, дабы одно дело другому остановки не причинило. Ему, генерал-порутчику Геннингу, при том завести оружейный и шпажный заводы, а сколько на тех заводах делать ружья и шпаг и что к тому потребно, о том ему, генерал-порутчику учинить представление и подать для апробации.

ПСЗ, собр. II, т. IX, № 6744.

ЗАВОД ПОСЕТИЛ СУВОРОВ

№ 6. Из рапорта капитана артиллерии Карпова командиру завода о посещении завода А. В. Суворовым

16 мая 1791 г.

Сего числа, едучи из Выборга чрез Сестрорецкие оружейные заводы, его сиятельство господин генерал-аншеф и разных орденов кавалер граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский соизволил смотреть заводы, коему как все работы, так и вододействующие машины были показаны, о чем вашему высокопревосходительству и имею честь сим рапортовать...

АВИМАИВ, ф. 2, оп. 4, д. 1154, л. 79 Подлинник.

По книге «Сестрорецкий инструментальный завод имени ВОСКОВА». 1721-1967.

Очерки, документы, воспоминания.

Л., «Лениздат», 1968

Приложение 3

Быт и нравы оружейников

Каждый оружейник, обязанный семейством, все свободное от казенных работ время посвящает со всевозможною деятельностью устройству своего домашнего быта; имея случаи при неутомимом усердии выработать более и более задельной платы, он на вырученные суммы легко может завестись полным хозяйством. Почти всякой семьянин имеет у себя, кроме дворовых птиц, корову или две, в содержании которых не чувствует ни малейшего затруднения, запасшись своевременно сеном, даже в избытке, с дарованных им казною лугов. Рубка дров и сенокосы производятся ими по большей части за разливом Сестры-реки, по которому они летом на лодках, а зимою на санях перевозят весь годовой запас означенных потребностей для хозяйства. От всех издержек на содержание семейства, при довольствии всех родов овощами с собственных огородов, расположенных позади домов или в окрестности, им остается еще достаточная сумма, как на прилично-опрятное одеяние, так и на убранство чистых и светлых жилищ. Весьма немногие из семейств оружейников отказывают себе даже в прихотливых привычках к чаю или кофе; без последнего, в особенности жены их, «как рыбы без воды», по словам их, жить не могут; этой причудливости, издавна вкоренившейся здесь, наиболее способствует дешевизна чаю, кофе и сахара посредственно-го качества, привозимых сюда из Гельсингфорского порта.

Кроме различных металлических изделий, в мелочном количестве сбываемых в Петербурге, рыбная ловля всевозможными средствами в окружных водах и близ берегов Финского залива, не как ремесло, а более как страстное удовольствие, весьма занимает оружейников, что называется, от мала до велика. Летом, в праздничные дни, уже с восходом солнечным, вся поверхность разлива как бы усеивается рыбачьими лодочками; а по болотистым местам нередко слышатся ружейные выстрелы, знаменующие открытие атаки егерей за дичью, которою, впрочем, здешние ближайшие окрестности чрезвычайно бедны, так что едва ли на десять охотников придется одна пара дичи; зато рыбаки вполне наслаждаются своею страстью и без большого труда награжда-

ются успешным ловом салакушки, корюшки, ершей и окуней. Чуждые же того и другого удовольствия, занимаются обстройкою своих домов.

Все таковые занятия единственно влекут за собою более или менее ценную, существенную пользу; а главное то, что постоянная деятельность, развивая их силы, имеет значительное влияние на упрочение здоровья; живым примером этому служат нередко встречающиеся из оседлых сестрорецких жителей старики 100 и более лет; с этим вместе и нравственность их имеет склонность более к добру; пагубные пороки, особенно воровство, чрезвычайно редкий феномен между мастеровыми; всякий из них, достойно награжденный за свои труд, совершенно доволен своим бытом и вовсе не знаком с завистью. Примерная их набожность и честность, строгое выполнение всех возложенных на них обязанностей оправдывают их в некоторых общественных слабостях или привычках; едва ли один из тысячи изъявит желание перейти из настоящего звания в какое-либо другое, единственно потому что, по выслужении казенного срока лет, достигши преклонной старости, всякой добропорядочный мастеровой обеспечивается в отставке пожизненною пенсией, и в полном довольстве, среди семьи своей, мирно доживает остаток дней.

Некоторые из отставных содержат лошадей для извоза или занимаются обработкою огородов, где преимуществует посев картофеля, причем своевременный сбыт овощей доставляет им значительные суммы денег.

Женщины, кроме постоянной выручки за молоко, сливки, сыр и яйца, летнею порой имеют еще значительный доход от сбора ягод, растущих в окрестностях заводских, а именно: брусники, черники, малины; весной и осенью клюквы и грибов, которые продаются тут же в селении или в столице.

Удобство к сбыту по соседству со столицею, где есть приют всему, что только может произвести деятельная промышленность, заставило сестрорецких мастеровых задуматься при выборе выгоднейшего и легчайшего рукоделья, которое бы было всегда безостановочно в действии, но подвержено влиянию перемен года, чтоб было сподручно всем возрастам, а главное драгоценное для них условие при производстве работ — это возможность говорить без умолку, глядеть на проходящих и кочевать из одной ассамблеи сотрудниц в другую; некоторые же помудреннее и трудолюбивее — непреоборимо желали такого дела, которое бы росло не по дням, а по часам — не изнурая их «деликатствия».

Долго бы привелось им, сложивши руки, сидеть у моря и ждать погоды, если бы лень как услужливый фактор, богатая на выдумки в подобных делах, не помогла белоручкам разгадать ими же заданную загадку, и вдруг, как бы эпидемически вдохновенные, и стар и млад, и убог и богат, вооружились чулочными иглами. Но из чего вязать? Вот загадка! Лень и тут им подсказала: чем хлопотать о посеве льна, холить его, собирать, сушить, обрабатывать, прясть, сучить, белить, так лучше, сообразно духу изобретательности нынешнего века, прямо начать с холста; и дельно: думать боль-

ше не о чем! По их мнению, и липа для того растет на Божьем свете, чтоб с нее драть лыки для лаптей и лубки для кровель. Мгновенно весь низкий сорт холста был взят из лавочек, на жертву хитрой мудрости; малолетним досталось на долю распускать холст, старым бабам сидеть на печи с веретеном; а красные девицы, поголовно распутившись на выгодных обсерваториях, всегда и везде с чулком в руках, самодовольным взором как бы хвастаются пред проходящими, что для них, трудолюбивых, и такая мудреная работа ничем.

Пробная расценка сделана, что из трех аршин узкого 25-копеечного холста должны выйти две пары женских чулок-скороспелок, времени для которого нужно трое суток, крайняя цена каждой паре от 50 до 70 копеек медью. Ловкость, проворство, неутомимая деятельность рук при беспрестанном вязанье заслуживают вполне удивления; а столько же и постоянная их привязанность к этому однообразному и скучному рукоделию; только сон и кофе разлучают их с любимой игрушкой; чулок трепещет в руках, как осиновый лист, в продолжение нескольких десятков лет; они так освоились с этим занятием, что для них оно составляет любимейшее удовольствие; кроме праздничных дней, в одной болезни с потерей чувств может быть мастерица без прилагательного — чулка; темнота ночи не имеет никакого влияния на механизм рукодеяний; иглы как бы намагниченные липнут, скользят, перебегают с неуловимой быстротой в хлопотливых привычных их руках; та из них достойна посмеяния, которая уронит иголку из рук хоть раз в неделю.

Таким образом готовится ими годовая пропорция до 25 000 и более пар чулок; все это количество одним разом или по частям сдается на руки опытной, сметливой, выбалтированной из среды их экспедиторши, которая за добросовестные проценты с каждой пары чулок сбывает в столице гуртом по казенным заведениям, или же десятками и сотнями на толкучем рынке; потом каждая чулочница из полученной выручки расплачивается по лавочкам за взятый холст, а с остальной суммой отправляется в петербургский толкучий рынок, где есть возможность найти всякому свое, кто чего желает, где есть представители всевозможных родов промышленности; тут-то сестрорецким корифеям мод раздолье, нега вкуса!

На этой-то выставке, загроможденной клочками промотавшейся роскоши, полинявших отставных мод и мишурного блеска костюмирует себя щеголиха-плебеянка, и полная самодовольством, пешком, обыкновенно ночью, копируя дорогою подмеченную походку столичных дам, возвращается домой. Все тришкины обновки, как контрабанда или находка, тщательно сохраняются ими до первого праздника.

Наконец, нетерпеливо ожидаемый день торжества наступает; первые лучи восходящего солнца впервые отразились на старых обновах, освобожденных из заточения; владелица жадно ими любит, кокетливо примеривая их в сотый раз перед зеркалом на свою мнимо-прелестную персону и, наконец, заучив праздничную позу, со звуком колокола отправляется к обедне. Мысль перещеголять одной другую овладе-

вают ими до самопожертвования; в эти критические дни расторгаются даже годовичные узы дружбы или приязни между мастерицами; если которой-либо удастся превзойти всех своим нарядом, то эта несчастная счастливица уже на целый год заклеяна бывает завистливым презрением своих подруг. Мысленно готовые побить выскочку камнями или чем-либо другим стереть с лица земли, на деле они ограничиваются только одним желчным злоязычием. Приличный званию костюм, натуральная походка, манера во всех приемах, наречие и т. п. в эти дни считается весьма достойным посмеяния и как бы неуважением к празднеству.

Лучшая же эпоха их уморительного жеманства есть послеобеденные прогулки; разделившись на партии от трех до пяти, облекшись, яко в радугу, возможных ярких цветов костюмами, они машинально движутся по улицам, как группа автоматов, потому что манера и улыбка с утра принятые перед зеркалом, остаются неизменными до ночи; церемониальный марш их медлен, чему много способствует песчаный грунт улиц; попавшиеся им навстречу подобные же ходы служат пищею пересудам и злоязычию.

По вечерам летнею порой каждая из них имеет привилегированного чичисбея из молодых оружейников, который сопровождает свою сильфиду во всех играх и хороводах; святочные вечера их, или так называемые беседы, всегда одушевляются музыкой, состоящей из торбана (украинский струнный музыкальный инструмент, схожий с лютней. Имеет до 25 и более струн, идущих вдоль грифа без ладов. — *Прим. ред.*), которым владеют рекруты-артисты, большею частью из евреев; многие из них при этом играют на скрипке или бубнах и своим искусством стараются эти сельские сходки превращать в танцевальные вечера, где слышатся городские звуки какого-либо кадрили или экспромтные, терзающие слух мелодии мазурки.

В масленицу, начиная с четверга, съезжаются в Сетрорецк из окрестных деревень до 200 чухонцев для катанья; лошади откормлены на славу, легкие простые сани раскрашены с возможно яркой пестротой; сбруя и дуга увешаны бесчисленными погремушками и колокольчиками. В 12 часов полдня каждый из чичисбеев спешит на площадь заранее абонировать под свою ответственность лошадь и, сторговавшись с чухонцем за незначительную цену, вдвоем со своей любезной рыщут до вечера из конца в конец по сестрорецким улицам. Эти каждодневные ристалища продолжаются до 10 часов вечера воскресенья.

В свадебных обрядах, покрое костюмов, прическах, и даже в домашнем быту у большей части мастеровых видны полубоярские затеи; бедные женщины готовы целый год питаться одним картофелем или селедкой с хлебом, лишь бы иметь каждодневно двойную порцию кофе и костюм, возможно роскошный наравне с другими.

Чрезмерная, безотчетная страсть к щегольству, обезьянническая копия мод столичных и другие подобные причуды, несообразные с их званием, произошли единственно от дешевизны заграничных товаров и неограниченного права — носить кос-

тымы всевозможных покровов, в выборе которых руководствует ими необузданное своеволие и мнимая возможность присвоить все, приличное высшему сословию; у всех в виду одна цель: хоть чем-нибудь отличить себя от категории солдатских жен или выдвинуться из назначенной судьбою колеи, приличной их званию. Из всего этого выходят неисчислимыя чрезвычайно дурные последствия, влиянием своим разоряющие благосостояние домашнего быта, которое создается постоянными трудами главных распорядителей в семействе.

В последнее десятилетие торговля иностранными товарами различных родов в Сестрорецке значительно увеличилась, так что ежегодно сумма в обороте простирается до 400 000 руб. ассигнациями. Постоянно живущие при заводе торговцы, поселившиеся с давних времен на правах маркитантов для продажи съестных припасов, сверх этого, за условленные проценты, забирают на кредит годовую пропорцию товаров в богатейших магазинах, принадлежащих Выборгским и Гельсингфорским купцам; и по окончании срока из годовой выручки за взятые товары расквитываются в магазинах, а к нераспроданным товарам прибавляют вновь привезенные из-за границы. По значительному сбыту, из привозимых в Сестрорецк товаров, заслуживают внимание: полумериносы, шерстяные кисеи гладкие и затканые шелком, тибет (шерстяная ткань саржевого переплетения, мягкая и пушистая.— Прим. ред.), викторин, фуфайки и дамские платки; из бумажных: шведских фабрик холстинки, коленкоры, полуполотна, пике из бумажен, такие же одеяла, разноцветные салфетки, ситцы и чулки; полотна шведские и голландские, полубатист, носовые полотняные и батистовые платки; бархатные и шелковые различные уже готовые принадлежности к гардеробу, в особенности мантильи, дамские шелковые платки, мужские шейные шарфы, ост-индские платки отличной доброты; литый хрусталь в различных изделиях прежде привозился в большем количестве, но по возвышении ценности и затруднениям в доставке, особенно столовых фарфоровых и фаянсовых сервизов, привоз их вовсе прекратился, а заменен различными галантерейными и косметическими товарами; лучшую же выручку торговцы получают от огромного сбыта кофе, сахара, курительного табаку, сигар и бумажных изделий шведских фабрик.

Эти же торговцы за условленные проценты отдают на кредит значительную часть товаров разносчикам, бродящим по окрестным финским деревням и местечкам, где нет постоянной продажи подобных товаров.

За право торговли сестрорецкие маркитанты обязываются заводом вносить ежегодно до 50 рублей серебром в общественный заводский капитал, на содержание почтовых лошадей и потребностей. Одним словом, жители всех сословий обеспечены от всяких нужд со стороны жизненных потребностей, исключая некоторых съестных припасов, покупаемых в столице. Одна главная невыгода, довольно обременительная для семейных чиновников, есть недостаток квартир к возможно удобному помещению.

Разбойники в Лахтинских лесах

В 1736 году, осенью сестрорецкие рыбаки и дровосеки объявили заводскому начальству, что в густоте лесов по береговой части Финского залива, от Дубковской пристани и до Лахты очень часто показывались шайками бродяги, большею частию в матросских костюмах, которые, как оказалось впоследствии, имели у себя хорошо оснащенные лодки, для грабежа мелких купеческих судов, перевозивших разные товары и съестные припасы из Петербурга в Кронштадт и обратно. То же подтверждали и охотники, которые много раз случайно встречали в густоте Лахтинских лесов шумные ватаги этих дезертиров, или приготавливавших пищу из лучшего домашнего скота, отбитого от сельских стад.

Прежде, нежели правительство успело принять деятельные меры к преследованию этих разбойников, в одну осеннюю ночь того же года они сделали привал близ Дубковской рощи и разграбили бывший там винный погреб и мелочную лавку, которые только что были заведены вольными откупщиками. Хозяева, в ужасе от неожиданного нападения запершись кругом, старались до последней крайности защищаться, пока откуда-нибудь подоспеет помощь, но чрез это ожесточили разбойников до того, что они тут же из разрушенных до основания жилищ сделали огромный костер и всех вместе с детьми и женами сожгли; потом, нагрузивши свои лодки награбленным имуществом, боясь погони, — поспешно отчалили от берега. Один только молодой лавочник каким-то случаем успел спрятаться в близлежащих кустарниках, и был невольным зрителем страдальческой пытки своих хозяев.

Перед рассветом в ту же ночь рыболовы, заметив огромное зарево на том месте, где произошел этот разбой, быстро пристали к берегу для подания помощи от пожара и с ужасом встретили между пылающими бревнами полуобгоревшие, обезображенные трупы страдальцев. Лавочник, скрывавшийся в кустарнике и онемевший от страха, вышел из своей засады к рыбакам и, быв не в состоянии передать им в словах все происшедшее, показал только на белеющиеся вдали по взморью паруса быстро удалявшихся разбойничьих лодок.

Высшее правительство немедленно отрядило из Петербурга несколько эскадронов драгун, для разгромления притонов этих бродяг по лесам; к преследованию же их на пространстве залива между Кронштадтом и вдоль берегов от Дубковской пристани до Петербурга крейсировали несколько военных катеров с достаточным количеством команды и оружия. Ранний снег и быстрое наступление зимы весьма много послужили экспедиции, так что в короткое время бродяг было поймано около 50 человек; притоны их разорены до основания, лодки отобраны, и все награбленное имущество возвращено было по принадлежности.

С тех пор в этих местах редко проезжающие или дровосеки встречали и то более жалких, нежели опасных дезертиров, пробиравшихся в центр России из Финляндии; а чаще бедных чухонцев с мелочною контрабандой, прокрадывавшихся тайком чрез

зыбкие болота или по тонкому слою прибрежного осеннего льда и нередко плативших за такой риск свою жизнь.

Посещение Сестрорецкого завода А. В. Суворовым

В июле месяце 1792 года, по окончании неприязненных военных действий между Россией и Швецией, победоносный герой, увенчанный мирными лаврами, Суворов возвращался из Финляндии в Петербург. Командир Сестрорецкого завода, узнавши об этом, заранее ожидал его на станции по главному пути между Сестрорецком и Выборгским почтовым трактом. Кто был уже знаком со странностями характера и причудливым отращиванием Суворова ото всех церемониальных почестей, тот вперед мог угадывать, что все особенные приготовления к встрече такого знаменитого гостя останутся без внимания; последствия доказали это на опыте.

Суворов за несколько верст от Сестрорецка отпустил свой экипаж со свитой в Петербург, и в солдатской егерской шинели, на чухонской таратайке в одну лошадь, по проселочной дороге — прямо в завод, не обративши на себя должного внимания чиновников. Верховой, посланный из завода, возвратился с решительным известием, что княжеский экипаж проехал по Выборгской дороге прямо в столицу; из этого все чиновники заключили, что князь, вероятно, вовсе не желал быть в Сестрорецке, и спокойно разошлись по домам.

Суворов же, по костюму принятый оружейниками за частное лицо, случайно проходящее чрез заводское селение; совершенно удовлетворил свое любопытство при обзоре заводских фабрик, которые были тогда в полном действии. Участвуя собственноручно в отделке некоторых оружейных вещей, он, между прочим, расспрашивал мастеровых о домашнем их житье-бытье и в продолжение часа, пользуясь словоохотливой откровенностью их, уже знал почти всю подноготную по разным частям быта Сестрорецкого. Смотри на отделку штыков, Суворов, не раз потирая руки от удовольствия, говорил:

— Помилуй Бог, как штыки остры, — любо сердцу! Прочее все — дрянь!

При выходе его из завода главный мастер неизвестно от кого узнал, что этот забавный балагур служивый (как прозвали его оружейники во время осмотра) был ожидаемый князь, и с должною почтительностью предложил Суворову пожаловать в приготовленную уже для него квартиру, показывая на двухэтажный командирский дом; но Суворов, зажмуря глаза, отвечал ему:

— Помилуй, пощади: так высоко жить — голова закружится; пойдем лучше к тебе обедать! — и почти бегом, припрыгивая с ноги на ногу, пустился вслед за мастером, который хотел предупредить в доме своем о неожиданном посещении такого важного и незваного гостя. Лишь только Суворов вошел в комнату, как, обратившись к хозяйке, спросил скороговоркой:

— Нет ли у тебя в доме кого-нибудь больше меня?

Та в испуге и торопливости не знала, что сказать ему на такой загадочный вопрос, но он, не дождавшись ответа, уже успел осмотреть все уголки в доме и, с удовольствием похлопывая в ладоши, ворчал про себя:

— Раздолье! Ребят-крикунов нет, стало быть, можно есть и спать покойно, сколь душе угодно!

Потом присел к обеденному столу и с аппетитом опорожнил два блюда поданных ему горячих щей с говядиной и крошеным сырым луком, а в заключение обеда — полную тарелку кислого молока с черным хлебом. Вставая из-за стола, он пожалел, что не случилось при этом крутой гречневой каши, и удивлялся тому, что на столе не было селедок, которые он привык встречать за чухонским обедом по всей Финляндии; после этого, чувствуя от дороги усталость, прилег отдохнуть на разостланной по лавке походной шинели, положивши под голову сапоги и шляпу.

В это время командир завода, с рассвета дня ожидавший Суворова на станции верст за 10 от Сестрорецка, встретил, наконец, остановившийся для смены лошадей княжеский экипаж и просил вышедшего из кареты адъютанта доложить князю, не угодно ли ему будет удостоить своим посещением Сестрорецкий оружейный завод; но каково было изумление его и даже страх, когда ему сказали, что Суворов, вероятно, уже успел осмотреть весь завод, отправившись туда более двух часов раньше этой встречи. Командир стремглав поскакал в завод; обежал все фабрики, спрашивая каждого встретившегося мастерового: не видал ли кто князя, и где он остановился? Но, не получив ни от кого решительного ответа, оставался в отчаянном расстройстве духа, посреди вновь собранных чиновников, тоже объятых паническим страхом от такой неожиданной вести.

Суворов, ложась спать после обеда, строго приказал хозяину не отлучаться куда из дома и не объявлять никому о его прибытии; но жена мастера прежде этого за тайну поделилась с соседками о своем госте — инкогнито, — и чрез полчаса весь женский люд, от одного конца селения и до другого, судил и рядил, всякий по-своему, о последствиях такого странного события, возмутившего до дна тихую прозябательную жизнь чиновников.

Наконец, судьба сжалилась над страждущими заводскими властями, шепнув через кого-то командиру о местопребывании Суворова, и он, как испуганный, бросился с рапортом в квартиру князя. Суворов, только что проснувшись, внимательно оципывал для своего десерта рябину с дерева, растущего под самым окошком дома; хозяин доложил ему, что командир завода ожидает позволения явиться к нему с рапортом, но он, жалея, что рябина еще не созрела, с насмешкою сказал:

— Ты видишь, мне теперь некогда, занят важным делом! — и свидание отложил до завтра.

Вечером вместе с хозяином отправился пешком в Дубовую рощу, где на развалинах дворца пробыл более часа, любуясь картинными окрестностями Финского залива

и беседуя с хозяином как старожилом сестрорецким о времени основания завода и сценах войны со Швецией, бывшей в 1741 году. Потом, выкупавшись в Финском заливе, поздно возвратился в квартиру. На другой день с восходом солнца князь по привычке окачивался водой и был очень рад, слыша из рассказов хозяина, что все воды в окрестностях сестрорецких более или менее имеют железистые свойства и давно известны своею целительностью преимущественно против истощения сил и старческой дряхлости; при этом, для придачи отзывам пущей достоверности, исчислены были бесчисленные примеры помолодевших стариков и пополневших жертв чахотки единственно от живительности этих вод. После того Суворов бродил по окрестностям заводским, с любопытством обращая свое внимание на те, которые во время военных действий служили оборонительными пунктами против неприятеля.

На третий день, с утренним рассветом, князь тотчас после купания, щедро наградив хозяина за квартиру, отправился в Петербург на той же двухколесной таратайке, на которой прибыл в Сестрорецк. Командир завода, не выдавший Суворова во все время пребывания его в заводе и после, уже узнавши об отъезде его, страшился неприятных последствий за свою неудачу в должном приеме князя; но, сверх ожидания, дня через три, обрадован был, по личному ходатайству Суворова, монаршим благоволением за отличный порядок и благосостояние завода во всех отношениях.

*Фрагменты из книги
«Памятник искусств. Сестрорецк».
Санкт-Петербург, 1843*

Приложение 4

Культовые сооружения в Сестрорецке в XVIII веке

Храмы и часовни

С началом сооружения царского дворца на Дубковской косе и Оружейного завода с плотиною на реке Сестре число работников стало быстро расти. Сюда привозили мастеровых и крестьян из разных губерний России. Стали приезжать и специалисты: инженеры, архитекторы, оружейники разных специальностей. Всякий отмечал, что собралась люди разных национальностей: русские, поляки, финны, немцы, голландцы, евреи, эстонцы, шведы — люди не только различающиеся по языку, культуре, но и по вероисповеданию.

Учитывая всё это, в Сестрорецке начали строить культовые сооружения. Возводились православные церкви, костёл, кирка, синагога. Ставились часовни. Возникали кладбища: православные, лютеранские, еврейские. В 1725 году в Сестрорецке были три церкви: дворцовая в Дубках (для царских особ), храм во имя святых апостолов Петра и Павла (для городских жителей и властей) и кладбищенская — во имя святого Николая Угодника (для простонародья).

Домовая церковь святых апостолов Петра и Павла

При дворце была домовая церковь святых апостолов Петра и Павла. Когда дворец освящался, епископ Феофан преподнёс Петру I икону святого Николая Чудотворца. Размеры иконы: высота 1200 мм, ширина 750 мм. Писана на доске специального сорта, толщина доски 20 мм. Задняя сторона иконы затянута тёмно-малиновым ситецём, ситец прибит гвоздиками. Икона, по всей вероятности, московского письма. Общий фон лицевой стороны палево-зелёный. Центральная фигура — изображение святого Николая Чудотворца. Вверху в облаках по углам в левой стороне иконы изображение Божьей Матери, в правой стороне изображение Иисуса Христа. По бокам узкой каймой металлическая рамка, вокруг изображений голов позолоченные венчики. По бокам головы святого Николая Чудотворца славянская надпись: «Святой Ни-

колай Чудотворец». По бокам головы Иисуса Христа - «Иис. Хр». По голове Божьей Матери также славянская надпись «Матерь Божья». Святой Николай представлен в митре и ризе, поверх последней орарь. На шейной цепочке, спускаясь на грудь, овальный образок (панагия), под ризой темный подрясник, выше кистей рук короткие нарукавники, правая рука поднята до середины груди, в левой руке раскрытое Евангелие, текст хорошо читается.

Правая рука Иисуса Христа простерта для благословения, левая рука держит Евангелие.

У Божьей Матери обе руки протянуты и приподняты молитвенно.

Позже, как дворец Петра I стал разрушаться, икона святого Николая Чудотворца была передана церкви святых апостолов Петра и Павла.

Православные церкви во имя святых апостолов Петра и Павла

Первая построена в 1722 году на площади напротив завода, на правом берегу реки Сестры. 4 января 1730 года эта церковь сгорела и в этом же году на том же месте построена новая деревянная Петропавловская церковь.

В 1772 году в центре Сестрорецка возник пожар. В результате на Петропавловской площади сгорела деревянная церковь Петра и Павла, которая была построена в 1730 году.

Церкви во имя святого Николая

Одновременно со строительством рабочего селения на Первом Никольском кладбище была построена церковь во имя святого Николая Чудотворца, в этой церкви служба проводилась в основном для рабочих. В 1732 году Первое кладбище и Никольскую церковь закрыли. В этом же году была выделена земля под новое кладбище - севернее Петропавловской церкви. Здесь же была построена новая деревянная церковь во имя святого Николая Чудотворца. Новая Никольская церковь была меньше Петропавловской.

Сестрорецкий некрополь

Захоронения наших предков происходили на Никольском кладбище, которое было открыто сразу, как только начали строить Оружейный завод. Место выбрали на берегу озера Разлив, на окраине стоящего посёлка, к востоку от завода, у Задней улицы. Это кладбище просуществовало до 1732 года.

Город разрастался, население увеличивалось, застраивались новые районы. Первое Никольское кладбище оказалось в центре посёлка.

В 1732 году открыто Новое Никольское кладбище в западной части посёлка, на правом берегу заводской реки.

В XVIII столетии в южной части Сестрорецка на берегу озера Разлив, между Большой Тарховской улицей (2-я Тарховская улица) и Малой Тарховской улицей (3-я Тарховская улица) было первое еврейское кладбище.

***В.Д.Яковлев, из книги
«Мой Сестрорецк», 2006***

Приложение 5

Что еще можно узнать о «Дубках» из документов Петровского времени

Конечно, далеко не вся информация о Дальних дубках извлечена специалистами из архивных хранилищ. Поиск сложен, архивы многочисленны и разрозненны, чтение рукописных текстов начала XVIII в. не легкое занятие. Поэтому каждая опубликованная сводка архивных документов — подарок для историков и краеведов.

С выходом в свет книги «*Петербург в эпоху Петра I*» [2003] широкому читателю стали доступны новые массивы архивных документов первой четверти XVIII в. Эта книга — *каталог документов*, хранящихся в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории (СПб ИИ) РАН, составленный авторским коллективом института. Он весьма объемист (около 4 000 описаний документов на почти восьмистах страницах) и охватывает период с 1703 по 1725 год. Из этого обилия указов, распоряжений, писем петровской поры автором настоящей публикации выбраны документы 1718-1725 годов, прямо или косвенно относящиеся к Дальним Дубкам (см. в Приложении 6).

Документы свидетельствуют, что *Петр I* в последнее пятилетие своей жизни постоянно интересовался строительством дворца и устройством сада в Дальних дубках, указывал конкретные источники финансирования (так называемый «соляной сбор»). В строительных работах участвовали работные люди и солдаты. Особенно интересными представляются документы № 3352 и 3501 о переброске в Дубки в 1721 году (в апреле, т.е. еще до подписания Ништадского мира и окончания Северной войны!) и в 1722 году части рабочей силы со строительства резиденции в Стрельне.

Эти документы дополняют приводимые ранее Т. Б. Дубяго [1955] сведения о переводе мастеров и части денежных средств из Стрельны в Дальние дубки и еще раз подтверждают *значимость для Петра сестрорецкой резиденции*. При этом следует учесть, что переброска была произведена не на завершающих этапах создания резиденции, а на ранних, одновременно с появлением Генерального плана усадьбы (1722)

или даже раньше его. Это исключает «авральный» характер этой акции, призванной «не сорвать сроки», а говорит о планомерной строительной политике Петра I.

Следует также отметить, что дата «март 1722 года» на копии Генерального плана — это всего лишь дата *подписи архитектора* ван Звитена, удостоверяющей идентичность копии с оригиналом, подписанным Петром. Оригинал же, отражавший замысел Петра, а тем более сам замысел, могли существовать и раньше. О ранних намерениях Петра построить «голландскую» резиденцию косвенно свидетельствует его поручение российскому послу в Голландии И. Куракину найти и прислать в Петербург архитектора из этой страны, отданное еще в 1718 году.

Интересен также еще один, более ранний документ из Каталога, не включенный в приведенный ниже перечень. Это числящееся под № 293 от 13 июня 1706 года письмо Петра I к Р. В. Брюсу «*О сбережении дубового леса на мысу острова, где велено строить загородные дворцы*». В Каталоге приводятся только *наименования* документов, но не их *содержание*, поэтому адрес «мыса» неизвестен. Однако составители Каталога в Указателе географических названий почему-то имели основания отнести этот документ к рубрике «*река Сестра*». Таким образом, не исключено, что идея создания загородного дворца на мысу близ реки Сестры возникла у Петра I ранее 1714 года.

О.Г. Растворова

Приложение 6

Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории

Фрагменты каталога, связанные с Сестрорецким оружейным заводом

109. 1704 г., июля 24.

Письмо Р. В. Брюса из Петербурга А. Д. Меньшикову о неприятеле, который стоит за р. Сестрой; о том, что шведские корабли отошли от Кроншлота; о присылке провианта с английского корабля; о приезде комнатного стольника В. М. Долгорукого в Петербург;

Подлинник. Ф.83. Оп. 1. № 337. Л.1-1 об.

293. 1706 г., июня 9.

Письмо Петра I Р. В. Брюсу о сбережении дубового леса на мысу острова, где велено строить загородные дворцы.

Копия конца XIX - начала XX вв. Ф. 270. Оп. 1. № 42. Л. 30б.

405. 1707 г., января 28.

Донесение К. И. Крюйса Петру I о нехватке работных людей, подвод и припасов для кораблестроения, о рубке леса для нужд флота от р. Сестры до северной стороны р. Невы, о возведении между Петербургом и Шлиссельбургом «на нашей стороне» на высоких местах через каждые 4-5 верст по маленькой крепости с пушками, караулами и маяками для предупреждения об опасности.

Копия конца XIX—начала XX вв. Ф. 270. Оп. 1. № 48 Л.699-700.

2964 .1720 г., февраля 23.

Роспись необходимых денежных средств на строительство домов и двух гаваней у р. Сестры и Лисьего Носа, а также на другие дела; с резолюцией Петра I.

Копия конца XIX - начала XX вв. Ф.270. Оп. 1. № 93. Л. 236-237.ли

3396. 1721 г., сентября 14.

Указ Петра I о выдаче В. И. Геннину денег из соляного сбора на строительство Сестрорецкого оружейного завода, а также на жалованье плотникам и на прочие расходы.

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф.270. Оп. 1№ 98 Л.196.

3445. 1721 г.

Роспись деревьев для Дубков.

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф.270. Оп. 1 №98. Л.427.

3501. 1722 г., апреля 21.

Указ Петра I из Преображенского У. А. Сенявину о направлении занятых на земляных работах работных людей с мызы Стрельны в Дубки.

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф.270. Оп. 1. № 100. Л.:53.

3507. 1722 г., мая 8.

Записка Петра I из Преображенского неустановленному лицу об устройстве согласно чертежу цветника в Дубках.

Копии конца XIX-начала XX вв. Ф.27. Оп. 1. № 101. Л. 27, 28.

3655. 1723 г., июня 21.

Указ Петра I о выдаче полковнику Матвею Вырубову денег из соляного сбора на строительство Сестрорецкого Оружейного завода.

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф. 270. Оп. 1. № 103. Л.549.

3695. 1723 г., сентября 24.

Записка («Определение») Петра I о ходе строительства каналов на о-ве Котлине, Сестрорецкого оружейного завода госпиталя, солдатских казарм.

Копии конца XIX-начала XX вв. Ф.270. Оп.1 № 104. Л.86-87, 88-88 об.

3723. 1723 г., декабря 16.

Указ Петра I о назначении жалованья мастерам людям на Сестрорецком оружейном заводе.

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф. 270. Оп. 1 № 104. Л.456.

3734. 1723 г.

Роспись железных материалов, требующихся для работы Сестрорецкого оружейного завода на май и июнь 1724 г.

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф.270. Оп.1 № 104. Л.5.

3755. 1724 г., января 18.

Указ Петра I Я. В. Брюсу определить годовое жалованье в 360 руб. А Кармедону (Кормидону), назначенному комиссаром на Сестрорецкий оружейный завод.

Копии конца XIX-начала XX вв. Ф.270. Оп. 1 № 106. Л.140-142.

3756. 1724 г., января 18.

Указ Петра I о выдаче А. Кармедону денег из соляного сбора «за труды его при строении Сестрорецких оружейных заводов».

Копия конца XIX-начала XX вв. Ф. 270. Оп. 1 № 106. Л.143.

3764. 1724 г., января 21.

Указ Петра I Ронову отыскать находившегося в Дубках шведского садовника и пору-

чить ему выписать из Швеции яблоневые и прочие деревья.

Копия конца XIX—начала XX вв. Ф.270. Оп.1 № 106. Л.486.

3768. 1724 г., января 27.

Донесение М. Вырубова и докладные пункты о зарплате мастерским и работным людям Сестрорецкого оружейного завода и о поставке туда материалов и инвентаря; с пометами Петра I.

Копии конца XIX — начала XX вв. Ф.270. Оп. № 106. Л. 252-263/

3780. 1724 г., февраля 8.

Указ Петра I (из дома Ф. М. Апраксина) о назначении к управлению Сестрорецким оружейным заводом К. Г. Отго.

Копии конца XIX — начала XX вв./ Ф.270. Оп.1 № 106. Л.397.398-398 об.

3837. 1724 г., июля 16.

Указ Петра I об отпуске в Канцелярию от строений денег из соляного сбора для выплаты солдатским полкам, работавшим на строительстве в Петергофе, мызе Стрельне и Дубках.

Копия конца XIX - начала XX вв. Ф.270. Оп.1 № 107.Л.196.

3841. 1724 г., июля 16.

Указ Петра I о выдаче И.С. Алмазову денег из соляного сбора на доделку половины палат в Дубках.

Копия конца XIX—начала XX вв. Ф.270. Оп.1. №107.Л.200

3883. 1724 г., октября 16.

Указ Петербургского Главного магистрата в Ладого гражданским бурмистрам и ратманам о покупке и подряде селитры и серы для изготовления пороха на Сестрорецких пороховых заводах, о посылке «билета» с условиями подряда и публикации копий с «билета» по городам.

Подлинник. Колл. 223. Оп. 1 № 16.Л.63-63 об.

3897. 1724 г., ноября 29.

Ведомость из петербургской Канцелярии от строений выплаты денег работающим в Петергофе, Стрельне и Дубках солдатам; с резолюцией Петра I.

Копия конца XIX—начала XX вв. Ф. 270. Оп.1 №107.Л.472.

3902. 1724 г., декабря 13.

Указ Петра I о выплате И. С. Алмазову денег из соляного сбора на доделку залы, галереи и крыльев в императорской резиденции в Дубках.

Копия конца XIX—начала XX вв. Ф.270. Оп. 1.Л. 520.

3903. 1724 г., декабря 13.

Указ Петра I петербургской Канцелярии от строений выделить И. С. Алмазову для достройки дома в Дубках штукатуров и отпустить железо, алебастр и известь.

Копия конца XIX—начала XX вв. Ф. 270. Оп. № 107.Л. 521.

Литература

- Александрова Е. Л.** Остров Рус в Литориновом море (Историческое прошлое северных окрестностей Санкт-Петербурга). Изд. 2-е. СПб. 2002.
Атлас Ленинградской области, 1967. М., ГУГК при СМ СССР.
- Базарова Т.А.** Планы петровского Петербурга. СПб. 2003.
- Балашов Е. А.** Карельский перешеек. Земля неизведанная. Ч. 1. Юго-западный сектор. СПб: «Новое время». 1996.
- Беликов В.В.** Искусственное водохранилище «Озеро Сестрорецкий Разлив». СПб: ООО «Взгляд. XXI век». 1999.
- Беликов В.В.** Тайны озера Разлив. СПб: ООО «Взгляд. XXI век». 1999.
- Богданов И.А.** Лахта. Ольгино. Лисий Нос. СПб: Изд-во «Остров». 2005.
- Бородкин М.** История Финляндии. Время Петра Великого. СПб. 1910.
- Бородкин М.** История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб. 1910.
- Василевская Н.А.** Парк «Дубки» с гидротехническими сооружениями. Историческая справка. Рукопись Л.: УГИОП. 1989. 118 с. Фонды Парка «Дубки».
- Герасимов Д. В.** Развитие культуры и природные изменения в раннем голоцене на Карельском перешейке. *Экология Санкт-Петербурга и его окрестностей. Материалы науч. конф. СПб, 5-7 дек. 2005.* СПб: СПбГУ.
- Давиденко А.И.** Сестрорецк. Очерки по истории города. Л.: Лениздат. 1962.
- Дубяго Т.Б.** Усадьбы петровского времени в окрестностях Петербурга. *Архитектурное наследство. Вып. 4. М.-Л. 1953.*
- Дубяго Т.Б.** Русские регулярные сады и парки. Л. 1963.
- Заповедная природа Карельского перешейка. Отв. ред. **Г.А. Носков.** 2004. СПб: НПО «Профессионал». 312 с.
- Исаченко Г. А.** «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб: Изд. СПбГУ. 1998.
- Историческая справка о дворцово-парковом ансамбле начала XVIII в. в Дубках. *Пояснительная записка к проектным предложениям по определению охранных зон и зон регулирования застройки парка Дубки в Сестрорецке. ЛенНИИпроект. Мастерская № 1. Л. 1984. Рукопись. (Фонды Парка «Дубки»). С 3-29.*

История и культура Ленинградской земли с древнейших времен до наших дней. СПб. 2003.

Кукушкин В.Н. Сестрорецкая династия. Очерки о прошлом и настоящем Сестрорецкого инструментального завода им. С. П. Воскова. Л. 1959.

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 1. СПб. 2005.

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 2. СПб. 2006.

Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л. 1977.

Ленинград. Историко-географический атлас 1981. М.: ГУГК при СМ СССР.

Ленинградская область. Исторический очерк. Л. 1986.

Михайлов Н. В. Лахта. Пять веков истории. 1500-2000. М.—Пб.: Весь мир. 2001.

Монин А.С. История Земли. Л.: Наука, ЛО. 1977.

Некрасова В.Л. Путеводитель по северным окрестностям Ленинграда. Л. 1927.

«Памятник искусств и вспомогательных знаний». Тетрадь 10 — Сестрорецк. СПб. 1843. С. 1-48.

«Петербург в эпоху Петра I». Каталог документов в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Авторы-составители: Е.А. Андреева, Т.А. Базарова, Г.А. Победимова, Ю.Б. Фомина. Под редакцией Ю.Н. Беспярых, В.Н. Гинева. СПб: «Наука». 2003, часть 1, 790 с.

Почва. Город Экология. 1997. Под ред. **Г.В. Добровольского, М.Н. Строгановой**. М. 320 с.

Растворова О. Г. Сестрорецкие Дубки от Петра I до наших дней (Историческое и природоведческое исследование). СПб: Изд-во «Остров». 2004.

Северная война 1700-1721 гг. М. 1972.

Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968

Соколов Н. А. О Сестрорецких дюнах. Труды. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. XI, вып. 1. 1880. С. 65-70.

Сохранение природной экосистемы водоема в урбанизированном ландшафте. Под ред. **Е.А. Стравинской**. 1984. Л.: «Наука».

Субетто Д. А., Севастьянов Д.В. и др. Донные отложения озер Ленинградской области как летопись Балтийских трансгрессий и регрессий. Вестник СПбГУ. Сер. 7. Вып. 4 (№ 31). 2002. С. 75-85

Субетто Д. А., Давыдова Н.Н. и др. Климат северо-запада России на рубеже плейстоцена и голоцена. Вестник РАН. Серия геогр. № 5. 2003. С. 1—12.

Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901.

Успенский А. И. Подзорный дворец и «Новые палаты» в Дальних дубках. Художественные сокровища России. Петр. СПб. 1903. № 2-3. С. 51; 78-93.

Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. (Книга исследований). СПб: Изд. «Журнал Невы». 2004.

Коротко об авторах

АМИРХАНОВ Леонид Ильясович, литератор, издатель, Лауреат премии им. Екатерины Дашковой; *ГАРАЕВА Раиса Николаевна*, филолог, руководитель Краеведческого центра Центральной библиотеки имени М.М. Зощенко Центральной библиотечной системы Курортного района; *ДОРОГИН Виктор Александрович*, журналист; *ИВАНОВА Наталья Леонидовна*, доцент, кандидат исторических наук; *ПОДОЙНИКОВ Станислав Иванович*, старший научный сотрудник, кандидат технических наук; *РАСТВОРОВА Ольга Григорьевна*, доцент, кандидат биологических наук.

Содержание

Вступительное слово — <i>А.В.Вишневский</i>	3
Введение — <i>О.Г.Растворова, Л.И.Амирханов</i>	5
Геологическая история и ландшафты Карельского перешейка — <i>О.Г.Растворова</i>	9
Приневьё и Карельский перешеек до Петра I — <i>Л.И.Амирханов, Р.Н.Гараева</i>	31
Северная война и Карельский перешеек — <i>Л.И.Амирханов</i>	53
Сестрорецкие Дубки. Век XVIII — <i>О.Г.Растворова</i>	71
Заводская плотина и озеро Разлив — <i>В.А.Дорогин, С.И.Подойников</i>	99
Сестрорецкий Оружейный завод в XVIII веке — <i>Л.И.Амирханов, Р.Н.Гараева</i>	109
Жизнь военного поселения в XVIII веке — <i>Н.Л.Иванова</i>	127
Заключение	148
Приложения	149
1. Хронология основных исторических событий Сестрорецкого оружейного завода и селения Сестрорецк	151
2. Из архивных документов Сестрорецкого оружейного завода	158
3. Фрагменты из книги «Памятник искусств. Сестрорецк»	163
4. Культовые сооружения в Сестрорецке в XVIII веке	172
5. Что еще можно узнать о «Дубках» из документов Петровского времени	174
6. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. <i>Фрагменты каталога,</i> <i>связанные с Сестрорецким оружейным заводом</i>	176
Литература	179
Коротко об авторах	181

«ИСТОРИЯ СЕСТРОРЕЦКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»

ТОМ I

Издательство «ОСТРОВ»

Лицензия ИД №03938

Редакционная коллегия

Л.И.Амирханов, Р.Н.Гараева, О.Г.Растворова

Авторский коллектив

Амирханов Л.И., Гараева Р.Н., Дорогин В.А., Иванова Н.Л.,

Подойников С.И., Растворова О.Г.

Оригинал-макет и оформление обложки — Калашников Б.О.

Художественный редактор — Пименова М.П.

Техническое редактирование

Соловьев В.А., Кондратьева А.А.

Корректор — Гайдина А.А.

Допечатная подготовка — ИП Соловьев В.А.

Морская карта 1750 г. (на стр. 34) предоставлена Фондом поддержки экологического контроля и обеспечения экологической безопасности Северо-западного федерального округа (ФЭКБ СЗФО)

На 4 стр. обложки — репродукция картины

Ирины Андреевой «Петровские «Дубки»

Отпечатано с готовых диапозитивов

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»,
198099, СПб, ул. Промышленная д. 38, корп. 2, тел. 786-8874, факс 786-8537.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Академия».

Тираж 2000 экз. Заказ № 1714.

ООО «Издательство ОСТРОВ»
Выпускает литературу по истории Санкт-Петербурга
и Ленинградской области.

В 2006 году вышли книги:

А.В. Барановский. Вырица при царе,
В.Г. Исаченко, В.Н. Питанин. Литейная сторона,
Н. А. Синдаловский. Марсово поле,
Курортный район. Страницы истории. Выпуск 2.

В ближайшее время выйдет серия книг, посвященная фортам Кронштадта.

С предложениями и пожеланиями обращайтесь по адресу:
199004, Санкт-Петербург, а/я 71, Амирханову Л.И.

Е-mail: zitadel@bk.ru

Тел. 321-72-81, 323-01-24

ISBN 5-94500-047-7

9 785945 000476

